

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL SCIENCES**

№ 4 (56)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2024**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Рябов В. В. заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пашенцев Д. А. главный редактор	доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
Северухин В. А. зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)
Беляева О. А.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Борисова Н. Е.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Диноршоев А. М.	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
Дорская А. А.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Ефимова О. В.	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
Иларию Претелли	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
Мартыненко И. Э.	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
Мкртумян А. Ю.	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
Ростокинский А. В.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Рыбаков О. Ю.	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
Сауляк О. П.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Серова О. А.	доктор юридических наук, профессор (Псковский государственный университет)
Смирнов Л. Б.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Черногор Н. Н.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Честнов И. Л.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
Чурилов С. Н.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
Шевелева С. В.	доктор юридических наук, профессор (ЮЗГУ)
Безносикова О. И. ответственный редактор	

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2024

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Абрамов Р. А.* Направления и особенности развития законодательства в современной цифровой экономике: анализ отечественной доктрины 7
- Гусарова М. А.* Философско-правовые взгляды Екатерины II как образ эпохи Просвещения в России 15
- Дорская А. А., Дорский А. Ю.* Кризис регулирования семейных отношений в европейских странах: опыт преодоления на международном и национальном уровнях во второй половине XIX – начале XX века 29
- Степанов М. М.* Суд и карательная политика в первые годы советской власти 41

Публичное право

- Никитина Е. Е., Помазанский А. Е.* Защита национально-культурных прав: направления и перспективы развития 48
- Сурилов М. Н.* Совершенствование мониторинга законодательной базы Москвы в сфере образования 61

Частное право

- Буглимова О. В.* Договор участия в долевом строительстве: от заключения договора в электронной форме до смарт-контракта 72

Трибуна молодых ученых

- Аббуд Р. Р.* К вопросу о генезисе права человека на образ 87
- Величкин Г. В.* Наследственный договор как способ наследования корпоративных прав 99

<i>Галкин Н. А.</i> Понятие и признаки цифрового имущества как объекта гражданских прав.....	107
<i>Ткачев А. В.</i> О перспективах введения внесудебной процедуры возмещения вреда реабилитированным лицам.....	115

Научная жизнь

<i>Бойченко Л. В., Пашенцева С. В.</i> Обзор III Всероссийского форума историков права «Традиционные ценности, семья и общество в фокусе историко-правовой науки»	129
---	-----

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки», 2024, № 4 (56).....	134
--	------------

Требования к оформлению статей.....	137
-------------------------------------	-----

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

- Abramov R. A.* Directions and features of the development of legislation in the modern digital economy: analysis of the national doctrine 7
- Gusarova M. A.* Philosophical and legal views of Catherine II as an image of the Enlightenment in Russia..... 15
- Dorskaya A. A., Dorsky A. Yu.* The regulatory crisis in family relations across European countries: overcoming experiences at the international and national levels from the second half of the XIX century to the early XX century..... 29
- Stepanov M. M.* Court and punitive policy in the first years of Soviet power..... 41

Public Law

- Nikitina E. E., Pomazanskiy A. E.* Protection of national cultural rights: direction and prospects of development..... 48
- Surilov M. N.* Improving the monitoring of the legislation framework of Moscow in the field of education..... 61

Private Law

- Buglimova O. V.* The contract of participation in shared construction: from the conclusion of an agreement in electronic form to a smart contract..... 72

Tribune of Young Scientists

- Abbud R. R.* On the question of the genesis of the human right to an image..... 87
- Velichkin G. V.* Inheritance agreement as a way of inheriting corporate rights 99

<i>Galkin N. A.</i> The concept and features of digital property as an object of civil rights.....	107
<i>Tkachev A. V.</i> On the prospects of introducing an extra-judicial procedure for the possibility of harm to rehabilitated persons	115

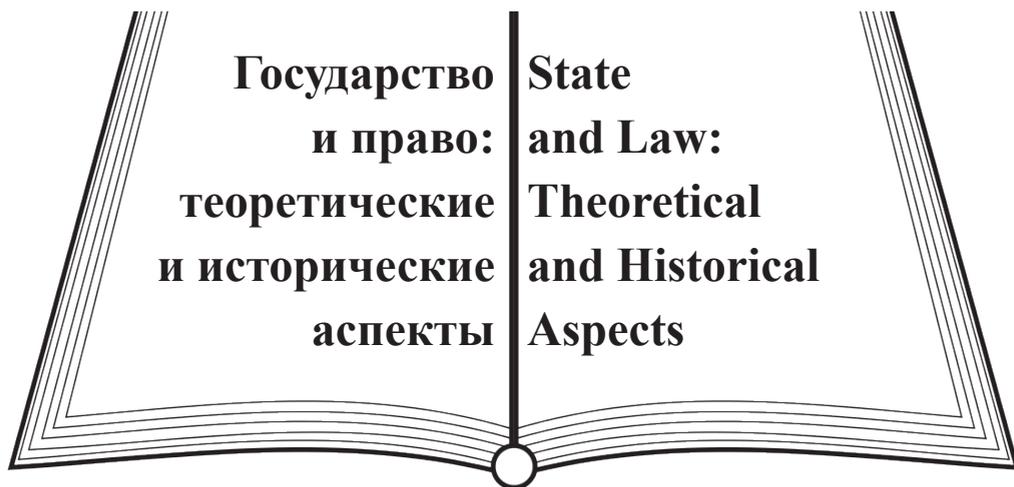
Scientific Life

<i>Boychenko L. V., Pashentseva S. V.</i> Review of the III All-Russian Forum of Legal Historians «Traditional Values, Family and Society in the focus of historical and legal science»	129
---	-----

Authors of the MCU Journal of Legal Sciences,

2024, № 4 (56).....	134
---------------------	-----

Requirements for Style Articles	137
---------------------------------------	-----

УДК 340.113

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-7-14

Р. А. Абрамов

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
abramovra@mgpu.ru

НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОКТРИНЫ

Аннотация. В статье поставлена и решена задача выявить те основные направления, в рамках которых современные отечественные правоведы раскрывают особенности развития законодательства в условиях цифровой экономики. Обосновано, что цифровая экономика меняет ряд важных параметров существующего законодательного регулирования общественных отношений. Показано, что цифровизация экономической сферы влияет не только на саму экономику, но и на нормы действующего законодательства. Подчеркивается, что внимание исследователей акцентировано на тех сферах, связанных с экономической деятельностью, в которых процесс цифровизации порождает наибольшие проблемы, пробелы и коллизии. Среди таких сфер выделяются отношения, связанные с защитой имущественных и личных неимущественных прав в сети Интернет, а также обусловленные возможным использованием смарт-контрактов при совершении сделок.

Ключевые слова: цифровая экономика; законодательство; технологический уклад; цифровые технологии; законотворчество.

UDC 340.113

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-7-14

R. A. Abramov

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
abramovra@mgpu.ru

**DIRECTIONS AND FEATURES OF THE DEVELOPMENT
OF LEGISLATION IN THE MODERN DIGITAL ECONOMY:
ANALYSIS OF THE NATIONAL DOCTRINE**

Abstract. The article sets and solves the task of identifying those main directions in which modern domestic jurists reveal the peculiarities of the development of legislation in the digital economy. It is proved that the digital economy is changing a number of important parameters of the existing legislative regulation of public relations. It is shown that the digitalization of the economic sphere affects not only the economy itself, but also the norms of current legislation. It is emphasized that the attention of researchers is focused on those areas related to economic activity in which the process of digitalization generates the greatest problems, as well as gaps and collisions. Among such areas, there are relations related to the protection of property and personal non-property rights on the Internet, as well as those caused by the possible use of smart contracts in transactions.

Keywords: digital economy; legislation; technological structure; digital technologies; lawmaking.

Введение

Право как регулятор общественных отношений в своем развитии определяется динамикой этих отношений, особенностями их развития на каждом конкретном этапе. Доминирующее воздействие на общество и отношения в нем оказывает его экономическая сфера. Тип экономики детерминирует особенности ее правового регулирования, определяет общее направление развития законодательства и практику его применения. В данном случае отношения между экономикой и правом развиваются как отношения между базисом и надстройкой. В современных условиях в России, как и во многих других странах, происходит формирование цифровой экономики [3]. Данный процесс означает возникновение целых групп новых, ранее неизвестных общественных отношений, которые требуют принятия новых законодательных актов, направленных на регулирование соответствующих сфер. В результате цифровая экономика определяет динамику законотворческой деятельности. Этот процесс исследуется учеными-правоведами, чьи воззрения и основные идеи также требуют изучения с целью выявления основных проблем и предлагаемых научно обоснованных решений, которые в итоге могут принести практическую пользу, выведут на новый, более высокий уровень как отечественную экономику, так и правовую систему.

Методы исследования

При написании статьи были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Обращение к отечественной юридической доктрине определило потребность в использовании метода контент-анализа, который позволил выявить основные идеи, содержащиеся в рассмотренных трудах. Для сопоставления идей и норм был использован формально-юридический метод.

Основное исследование

Закон представляет собой нормативный правовой акт, обладающий высшей юридической силой, регулирующий наиболее важные общественные отношения. Соответственно, именно законодательное регулирование представляет наибольший интерес и вызывает особое внимание, по сравнению с подзаконным нормативным регулированием. Законодательство составляет тот каркас, который определяет принципы правового воздействия на общество и темпы его развития.

Цифровая экономика, которая находится в стадии формирования, связана с активным использованием цифровых технологий и инструментов в экономической деятельности [3]. Кроме того, экономические отношения распространяются на виртуальное пространство, все большее количество сделок совершается в сети Интернет, оказание услуг также частично переходит в онлайн-формат. Возникают как новые возможности, так и новые риски. Минимизация рисков и активизация потенциальных возможностей во многом зависит от права, эффективности его воздействия на общественные отношения в сфере экономики. Учитывая, что стержневую роль в праве играет законодательство, представляется важным рассмотреть его динамику в условиях цифровой экономики через призму воззрения отечественных правоведов.

Влияние цифровой экономики на законотворчество и законодательное регулирование общественных отношений проявляется в рамках нескольких направлений.

Во-первых, возникает потребность в законодательных нормах, которые направлены на регулирование экономических отношений, возникающих в сети Интернет либо опосредованных новыми технологиями, включая блокчейн и искусственный интеллект [2, с. 11].

Во-вторых, ощущается необходимость в восполнении пробелов в законодательстве, связанных с неурегулированностью отношений в вопросе использования цифровых инструментов и технологий. Например, не урегулированы в полной мере отношения, связанные с искусственным интеллектом, нейросетями, смарт-контрактами, интернетом вещей, большими данными, цифровым профилем личности и т. д.

В-третьих, можно поставить вопрос о необходимости опережающего законодательства, направленного на формирование законодательных основ для развития прогнозируемых, но пока не существующих отношений. В данном случае роль законодателя меняется с пассивной и догоняющей на активную, определяющую векторы общественных отношений и их динамику.

Все эти направления интенсивно разрабатываются учеными-правоведами, которые в своих работах отражают существующие проблемы и предлагают пути их решения, используя при этом знания об общественном развитии, особенностях и средствах их правового регулирования.

Цифровая экономика связана не только с теми технологиями, которые относятся к числу цифровых. Происходящая смена технологического уклада, не оставшаяся незамеченной для ученых — экономистов и юристов, связана с группой новых технологий, которые порой именуют конвергентными. Помимо цифровых, к числу таких технологий относятся био-, нано-, когнитивные технологии. Они усиливают действие друг друга на общественные отношения, поэтому рассмотрение цифровой экономики в отрыве от иных технологий нового уклада представляется неверным. В то же время «безусловным лидером выступают цифровые технологии в силу их достаточно высокой универсальности и применимости к самым разным сферам, в отличие от био- и нанотехнологий» [3, с. 10].

Анализ современной юридической доктрины показывает, что разработка законодательного воздействия на цифровые отношения в экономике ведется отечественными учеными-правоведами по нескольким основным направлениям.

Первое направление связано с исследованием тех возможностей и преимуществ, которые дает использование самих цифровых технологий в законодательном процессе. В данном случае речь идет не о цифровой экономике, а об обеспечении ее потребностей с помощью повышения качества и эффективности законодательской деятельности. В рассматриваемом контексте Д. А. Пашенцев констатирует формирование массива цифрового законодательства, становления межсистемных связей, соединяющих его с другими отраслями и правовыми массивами. На этой основе ученый прогнозирует «дальнейшее опережающее развитие законодательства, регулирующего отношения в сфере экономики» [4, с. 38]. По мнению исследователей, в перспективе прогнозируется появление и широкое использование так называемого цифрового закона, который сможет более гибко и эффективно, чем традиционное законодательство, регулировать отношения в цифровой экономике [5]. Можно согласиться с тем, что «скорость развития общественных отношений под влиянием цифровизации приводит к недостаточной эффективности регулирования данных отношений с помощью закона» [3, с. 13].

Второе направление связано с воздействием цифровых технологий на систему и структуру права, векторы правового регулирования общественных отношений. В условиях цифровой экономики право меняется, причем речь идет не только о содержательной динамике, но и о структурных изменениях.

Например, Д. А. Пашенцев отмечает: «Если рассматривать влияние нового технологического уклада на систему права с классических позиций, то можно уверенно прогнозировать расширение ее пространственных характеристик, выражающееся в количественных изменениях всех ее элементов: норм, институтов, подотраслей и отраслей. Если исследовать перспективное развитие системы права с позиций постклассического подхода, то к прогнозам добавляется еще и трансформация субъекта права, его правосознания и правового поведения» [5, с. 36–37]. Структурные изменения в праве, по мнению исследователей, также связаны с появлением циклических правовых массивов — новых нетипичных образований, порожденных развитием цифровой экономики, использованием цифровых технологий в различных сферах [1].

Третье направление связано с выявлением новых сфер, которые образуются в экономической жизни под влиянием цифровизации и требуют законодательного регулирования. В данном контексте стоит отметить ряд коллективных исследований, связанных с изучением сложных процессов взаимодействия экономических и правовых отношений [6; 10]. Кроме того, внимание исследователей привлекают вопросы использования новых технологий, таких как смарт-контракты, для осуществления сделок и их соотношение с текущим правовым регулированием. Рассматривая этот аспект, ряд ученых приходят к обоснованному выводу: «Смарт-контракт является формой договорных отношений в цифровом гражданском обороте и не может рассматриваться в значении новой разновидности вида и типа договорных обязательств. Вместе с тем его использование в цифровом обороте обуславливает особую проблему распределения рисков и ответственности в отношениях участников договорных правоотношений: обязанности и пределы ответственности платформ, сторон договора, дополнительные опции и механизмы защиты в сравнении с нецифровым договорным правом» [9, с. 39]. Далее следует логичная констатация, что «в законодательстве должны быть предусмотрены рациональные и эффективные механизмы защиты прав участников цифровой торговли» [9, с. 39].

Четвертое направление связано с отраслевыми исследованиями, ученые изучают возможности совершенствования действующего законодательства в рамках конкретных отраслей права. Прежде всего речь идет о тех отраслях, на которые цифровизация сильно воздействует и которые непосредственно связаны с экономической деятельностью. Это гражданское, предпринимательское, информационное, финансовое право и некоторые другие. Существенное воздействие в результате цифровизации экономической сферы испытывают такие отношения, как «публичные финансы, включая криптовалюты и цифровые деньги; информационные отношения, включая защиту информации и персональных данных; предпринимательство в сети Интернет; бюджетные отношения, включая налоги и финансовый контроль» [3, с. 10].

Гражданско-правовые отношения играют важную роль в экономике, и их регулирование в условиях цифровизации также представляется весьма динамичным. В связи с этим С. А. Сеницын выявил и обосновал те изменения, которые

появляются в гражданском праве под влиянием цифровизации экономики: происходит актуализация законодательной защиты личных имущественных и неимущественных прав, включая права на объекты интеллектуальной собственности; возникают новые перспективы развития и регулирования корпоративных отношений, включая использование цифровых технологий при совершении крупных сделок; видоизменяется структура рынка и принципы его организации; возникает серьезная проблема защиты прав и законных интересов субъектов персональных данных [7, с. 14].

Пятое направление связано с защитой прав субъектов экономических отношений в цифровой среде. Например, С. А. Сеницын проанализировал вопросы защиты личных неимущественных прав в виртуальном пространстве и сделал следующий вывод: «Признание личных прав, обеспечение их неприкосновенности и вертикального действия является условием защиты вообще прав и свобод человека, которые не должны иметь территориальных ограничений и усеченного признания в отдельных юрисдикциях. Представляется, что на национальном уровне требуется согласовать подходы к решению коллизионной проблемы применительно к обеспечению неприкосновенности частной жизни» [8, с. 20–23].

Результаты исследования

Становление цифровой экономики детерминировано процессом внедрения в экономическую сферу общества новых технологий, прежде всего цифровых, в силу чего данная сфера существенно эволюционирует. В этих условиях закон нередко оказывается недостаточно эффективным регулятором общественных отношений, он может сдерживать динамику экономической деятельности. Данные процессы, в силу своей особой важности, активно исследуются учеными-правоведами, которые предлагают свои решения накопившихся проблем. Работы таких ученых показывают, что существует несколько основных направлений, связанных с воздействием цифровой экономики на законодотворчество. Эти направления связаны как с изменениями в самой сфере законодотворчества, вплоть до радикальной модернизации закона как нормативного правового акта, принимаемого в особом порядке, так и с восполнением появляющихся пробелов и коллизий в законодательном регулировании. Наиболее актуальным и востребованным представляется совершенствование законодательного регулирования в нескольких конкретных сферах общественных отношений, которые непосредственно связаны с цифровой экономикой и ее развитием.

Список источников

1. Абдиева Д. А. Циклические правовые массивы как нетипичные образования в системе права шестого технологического уклада // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 2. С. 68–77.

2. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Основные направления влияния цифровых технологий на развитие права // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 1. С. 7–13.
3. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Развитие цифровой экономики как фактор динамики правового регулирования общественных отношений // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3. С. 7–14. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.01
4. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3. С. 31–39.
5. Пашенцев Д. А. Система права в условиях перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2020. № 4. С. 32–38. DOI: 10.25688/2076-9113.2020.40.4.03
6. Право и экономическая деятельность: современные вызовы / отв. ред. А. В. Габов. М.: Статут, 2015. 400 с.
7. Синицын С. А. Гражданское право в современных социально-экономических условиях // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 1. С. 8–15. DOI: 10.12737/jrl.2021.002
8. Синицын С. А. Личные неимущественные права и безопасность человека в виртуальном пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 1. С. 13–24.
9. Синицын С. А., Дьяконова М. О., Чурсина Т. И. Смарт-контракты в цифровой экономике // Цифровое право. 2021. Т. 2, № 4. С. 40–50.
10. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования / отв. ред. И. И. Кучеров, С. А. Синицын. М.: Норма, 2022. 376 с.

References

1. Abdieva D. A. Ciklicheskie pravovy`e massiv`y` kak netipichny`e obrazovaniya v sisteme prava shestogo texnologicheskogo uklada // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2024. № 2. S. 68–77.
2. Abramov R. A., Pashencev D. A. Osnovny`e napravleniya vliyaniya cifrovyy`x texnologij na razvitie prava // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2024. № 1. S. 7–13.
3. Abramov R. A., Pashencev D. A. Razvitie cifrovoj e`konomiki kak faktor dinamiki pravovogo regulirovaniya obshhestvenny`x otnoshenij // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 3. S. 7–14. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.52.4.01
4. Pashencev D. A. Osnovny`e napravleniya i osobennosti razvitiya zakonodatel`stva v usloviyax cifrovizacii i perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 3. S. 31–39.
5. Pashencev D. A. Sistema prava v usloviyax perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2020. № 4. S. 32–38. DOI: 10.25688/2076-9113.2020.40.4.03
6. Pravo i e`konomicheskaya deyatel`nost`: sovremenny`e vy`zovy` / отв. ред. А. В. Габов. М.: Статут, 2015. 400 с.
7. Sinicy`n S. A. Grazhdanskoe pravo v sovremenny`x social`no-e`konomicheskix usloviyax // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. Т. 25, № 1. С. 8–15. DOI: 10.12737/jrl.2021.002
8. Sinicy`n S. A. Lichny`e neimushhestvenny`e prava i bezopasnost` cheloveka v virtual`nom prostranstve // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2023. Т. 19, № 1. С. 13–24.

9. Sinicy`n S. A., D`yakonova M. O., Chursina T. I. Smart-kontrakty` v cifrovoj e`konomie // Cifrovoe pravo. 2021. T. 2, № 4. S. 40–50.

10. Cifrovaya e`konomika: aktual`ny`e napravleniya pravovogo regulirovaniya / otv. red. I. I. Kucherov, S. A. Sinicy`n. M.: Norma, 2022. 376 s.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024;
одобрена после рецензирования: 15.07.2024;
принята к публикации: 19.07.2024.

The article was submitted: 02.07.2024;
approved after reviewing: 15.07.2024;
accepted for publication: 19.07.2024.

УДК 340.114

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-15-28

М. А. Гусарова

Северо-Кавказский филиал
Российского государственного университета правосудия,
Краснодар, Российская Федерация,
gusarovathebest@mail.ru

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ЕКАТЕРИНЫ II КАК ОБРАЗ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация. В статье предпринимается попытка реконструкции философско-правовых взглядов Екатерины II. Анализ мемуаров, личной переписки и официальных документов, дошедших до наших дней, позволяет автору систематизировать идеи императрицы о сущности закона и наказания, роли законодателя, выявить юснатуралистские основания представлений Екатерины II о праве, отражающие ценностные доминанты эпохи Просвещения. В философско-правовых взглядах Екатерины автор обнаруживает ряд актуальных и в наши дни проблем, среди которых социальная значимость закона, гуманистическая и рационалистическая составляющие правовой сферы, формирование правосознания как залога эффективного законодательства и правового воспитания как основы правового поведения. Делается вывод о прогрессивности идей императрицы, которые легли в основу дальнейшей реформаторской деятельности в России.

Ключевые слова: Екатерина II; Просвещение; просвещенный абсолютизм; гуманизм; рационализм; правопонимание; государь; естественное право; позитивное право; государственно-правовая идеология; правовое сознание.

UDC 340.114

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-15-28

М. А. Gusarova

North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russian Federation,
gusarovathebest@mail.ru

PHILOSOPHICAL AND LEGAL VIEWS OF CATHERINE II AS AN IMAGE OF THE ENLIGHTENMENT IN RUSSIA

Abstract. The article attempts to reconstruct the philosophical and legal views of Catherine II. Analysis of memoirs, personal correspondence and official documents that have survived to this day allows the author to systematize the empress's ideas about the essence of law and punishment, the role of the legislator, and to identify the legalistic foundations of Catherine II ideas about law, reflecting the value dominants of the Enlightenment. In Catherine's philosophical and legal views, the author reveals a number of problems that are still relevant today, including the social significance of the law, the humanistic and rationalistic components

of the legal sphere, the formation of legal consciousness as the key to effective legislation and legal education as the basis of legal behavior. The conclusion is drawn about the progressiveness of the empress's ideas, which formed the basis for further reform activities in Russia.

Keywords: Catherine II; Enlightenment; enlightened absolutism; humanism; rationalism; legal understanding; sovereign; natural law; positive law; state-legal ideology; legal consciousness.

Введение

Золотой век в истории российского социокультурного пространства характеризуется не только стремительными переменами в обществе, расцветом искусства и науки, но и прежде всего тем, что именно в это время выделяется слой интеллектуальной элиты российского общества, состоящей из людей, способных определять курс мысли, идей развития духовной культуры российского общества, формировать идеологию, давая критическую оценку прошлому и прогнозируя будущее. Одной из значимых фигур, чьи идеи определили вектор теоретических размышлений и их практическую реализацию не только в XVIII веке, но и в последующем столетии, является Екатерина II. Именно ее правовые идеи и политические решения способствуют подготовке общественного и профессионального правосознания к Великим реформам второй половины XIX века.

Вопросы, связанные с реформаторской деятельностью и биографией Екатерины Великой, являются достаточно изученными в научной литературе. Среди авторов, обращавшихся к ним в разное время и представивших фундаментальные труды в этой области, можно назвать В. П. Гриднева, А. Б. Каменского, В. О. Ключевского, О. А. Омельченко, Н. И. Павленко, В. И. Семевского, Н. Д. Чечулина и др. Однако реконструкция философско-правовых идей Екатерины II, их систематизация в наши дни является весьма актуальной как с точки зрения познавательных задач теоретико-правового и историко-правового знания, так и в контексте современных внутригосударственных задач, связанных с осмыслением вопросов эффективности законодательства и иными регуляторами общественного поведения, а также факторов и внутренних закономерностей формирования правосознания. Именно поэтому ретроспективный взгляд на интеллектуальное наследие российской истории сегодня во многом является ответом на проблемы настоящего.

Основное исследование

Как известно, в науке не сложилось единства в оценочных суждениях о периоде правления и реформаторской деятельности Екатерины II. В научной литературе эти позиции, как правило, представлены двумя группами противоположных взглядов. Так, А. Б. Каменский во вступительной статье

к сборнику трудов Екатерины II дает положительную оценку периоду ее царствования и отмечает, что в это время «произошел важный качественный сдвиг в духовном развитии русского общества, который мог бы произойти рано или поздно, но сама личность императрицы, характер ее властной политики, интеллектуальные интересы оказались необыкновенно созвучны этому процессу» [3, с. 5]. Отечественные историки, опираясь на конкретные факты в области геополитики, экономики, медицины, развития сферы науки и искусства, также дают высокую оценку периоду правления Екатерины II и называют его результативной деятельностью [13]. К. Леонтьев в одной из своих работ также писал о роли Екатерины II в том деле, которое было начато Петром Великим в экономической и политической сфере, но смогло быть осуществлено во время правления императрицы, способствовавшей творческому прорыву во всех сферах жизни. Леонтьев отмечал, что с приходом на трон императрицы «обнаружились и досуг, и вкус, и умственное творчество, и более идеальные чувства в общественной жизни... Она вела Россию к цвету, к творчеству, к росту... с ее времени дворянство стало несколько независимее от государства... оно еще более выделилось, выяснилось, индивидуализировалось и вступило в тот период, когда из него постепенно вышли Державин, Карамзин, Жуковский, Батюшков, Пушкин, Гоголь и т. п.» [12, с. 167–169].

Вместе с тем в научной литературе утвердилась и иная позиция относительно деятельности Екатерины II. Так, Н. И. Павленко указывает на искусственный характер и преждевременность идеалов Просвещения, перенесенных императрицей на российскую почву. Этот автор пишет, что «Екатерина Великая, подобно Петру, насаждала в России не производство, а идеологию, свойственную буржуазному обществу, в то время как страна еще не созрела для их спонтанного возникновения и распространения... Именно в этом противоречии... кроется суть эпохи» [13, с. 23].

Нисколько не умаляя авторитета упомянутых выше авторов, стоит отметить факт смелости Екатерины II как философа, реформатора и стратега. Притом оговорим, что задачей данного исследования является систематизация философско-правовых идей Екатерины II на основе дошедших до нас письменных источников, поэтому мы считаем целесообразным учитывать всевозможные точки зрения и оценки, позволяющие реконструировать взгляды на сущность права и государства, выявить особенности правопонимания и сделать более рельефными актуальные в настоящее время идеи императрицы.

Сообразуясь с общей тенденцией философско-правовых учений XVIII века развиваться в русле теорий просвещенного абсолютизма, Екатерина II размышляла о феномене права и государства, правопонимания, роли государя в процессе преобразования общества как о вопросах, сопутствующих важной задаче для любого правителя, заключающейся в правильном устройстве своего государства. При этом нельзя не обратить внимания на наличие естественно-правовой составляющей этих размышлений, а также на четкое следование поставленной ею задаче — достижения «блаженства для всех», которую она детально

аргументировала в своих многочисленных трудах. Екатерина не понаслышке знала, что в Западной Европе о России было представление как об азиатском деспотическом государстве, поэтому решила доказать своим царствованием, что Россия — цивилизованное монархическое европейское государство, о чем она прямо заявляет в «Наказе».

Важно отметить, что вопрос о престолонаследии в России послепетровского времени долго не решался, это породило множество интриг, заговоров, противостояний сил знатных дворянских родов, которые вместо усилий, направленных на служение государству, фокусировались на борьбе за политическое влияние. Прибыв в Россию, София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская попадает в водоворот дворцовых интриг, в которых, как она сама пишет в своих мемуарах, ей удается устоять благодаря принятому решению любить Россию и трудиться на ее процветание. Среди всех нравственных качеств, которые сама Екатерина выделяет как определяющие в ее мировоззренческой позиции, на первом месте были «стремление всегда приближаться к правде, веселый нрав, строгая честность и добрая воля, природная гордость души, снисходительность» [9, с. 86, 250, 251, 289]. Принимая и почитая все традиционно русское — от церковных обрядов до народных гуляний, — Екатерина быстро полюбилась тем, от кого в российском обществе зависело почти все: армии и старейшинам дворянских родов. Постепенно овладевая энциклопедическими знаниями, Екатерина научилась видеть перспективы развития государства и строить сильные стратегии, доказывая уже в первые годы своего царствования право называться русской самодержицей.

Переписка с корифеями европейской литературы — Вольтером, Дидро, Даламбером, г-жой Жоффрен, Гриммом, — изучение трудов таких авторов, как Виланд и Николаи, чтение Шекспира, Мольера, Гиббона и Сервантеса, сформировали мировоззрение Екатерины II и вдохновили ее на глобальные проекты в государстве. Благодаря особой увлеченности перечисленными выше авторами Екатерина все свои труды, включая частную переписку, сопровождает размышлениями о роли личности в государстве, взаимодействии индивидуальных и коллективных интересов, правах и свободах отдельного человека, соотношении нравственного воспитания и гражданского сознания. Таким образом, методология юснатурализма проходит красной линией через всю жизнь и творчество императрицы. Однако нельзя не заметить, что в переписке с европейскими философами и российскими общественными и политическими деятелями Екатерина вела всегда как бы узконаправленный диалог, самостоятельно задавая темы. Поэтому содержание этих писем и записок больше напоминает философские размышления на те или иные актуальные для императрицы вопросы [2, с. 7–13]. Эти размышления не предполагают ни тезисов, ни антитезисов, ни критических замечаний в адрес императрицы и, взятые сами по себе, не отражают всей системы ее философско-правовых взглядов. Только их компиляция и систематизация открывают целостную картину.

Уже в ранних произведениях Екатерины II обозначаются естественно-правовые проблемы и актуализируются либеральные настроения. В «Особой

тетради» она отмечает: «Противно христианской вере и справедливости делать невольниками людей. Они все рождаются свободными» [8, с. 40]. Аргументом в пользу либеральных взглядов императрицы является ее поддержка развития сатиры как жанра литературы, посредством которого общество может увидеть самое себя как в зеркале, а также литературных журналов, в которых свободно обсуждаются новые произведения, курьезные случаи в обществе, наиболее острые общественные явления. Среди журналов следует особо выделить литературные журналы «Праздное время, в пользу употребленное» и «Трудолюбивая пчела», выпускаемые в Санкт-Петербурге А. П. Сумароковым; журнал «Полезное Увеселение», издаваемый в Москве М. М. Херасковым; журнал «Невинное Упражнение», выпускаемый в Москве И. Ф. Богдановичем, а также сатирические «Трутень», «Всякая всячина», «Кошелек», «Живописец», «Утренний Свет», издаваемые в Санкт-Петербурге Н. И. Новиковым [15]. Конечно, не все из них просуществовали долго, поскольку императрица, строго следившая за судьбой абсолютной монархии в Европе и, как следствие, беспокоившаяся о монархии в России, контролировала общественные настроения и при излишней свободе суждений в выпускаемых журналами статьях подвергала их строгой цензуре. Опасаясь негативного воздействия крайних либеральных идей на российское правосознание, Екатерина предприняла ряд действий по предупреждению этого влияния, запретив распространение и печать книги Ж.-Ж. Руссо «Эмиль», а также взяла под личный контроль частные типографии упомянутых выше общественных деятелей.

Конечно, центральной задачей для Екатерины II, как и для каждого государя, было укрепление государственности. Пугачевщина, с которой Екатерине пришлось бороться в первые годы своего правления, обнажила язвы российского общества, но вместе с тем показала реальные проблемы, которые предстояло решить, а именно: устранить сословные распри и неустроенность армии, повысить эффективность системы правосудия, решить крестьянский вопрос. Как указывает А. Г. Брикнер, пугачевщина «не была только казацким бунтом или заговором, организованным поляками... но выявила антагонизм между стремившимся вперед государством и застоём в народе» [1, с. 188–189]. Иными словами, идеалы Просвещения, вдохновлявшие Екатерину, столкнулись с косностью и неустроенностью реальной жизни. Таким образом, перед императрицей встала непростая задача построения такой системы законодательства, которая не только функционировала бы эффективно на всей территории Российской империи, но имела бы под собой прочное идеологическое основание в общественном правосознании. Несмотря на то что ранее уже предпринимались попытки кодификации законодательства Алексеем Михайловичем и Петром I, комиссии в составе отечественных и иностранных представителей не завершили своей работы. Поэтому 14 декабря 1766 года был издан манифест о созыве Большой комиссии, для которой был написан «Наказ» как идеологический ориентир для последующих государственных реформ.

Поставив вполне конкретную задачу провести кодификацию законодательства, Екатерина осознавала важность организационных процессов, поэтому

для сочинения проекта нового Уложения, она приказала собрать представительскую рабочую группу из членов Сената и Синода, коллегий и канцелярий, представителей от дворянского сословия от каждого уезда, жителей городов и представителей остальных сословий (кроме духовенства), с соответствующим жалованием для них, что было в условиях абсолютной монархии достаточно прогрессивным шагом. Помимо довольствия, Екатерина, как она сама указывала в одном из своих документов, повелела всем избранным для создания нового Уложения депутатам «назначить особые имущественные и неимущественные права, а также особый порядок избрания, чтобы выделить эту группу их общества» [7, с. 221–223].

Большая комиссия после завершения своей деятельности уже более не созывалась, но императрица не раз отмечала в своих мемуарах и письмах, что труд, совершенный комиссией, открыл многие проблемы в стране, задав тем самым направление последующей законодательной деятельности. Таким образом, сам факт созыва и проведения заседаний Большой комиссии можно считать успешным пилотным проектом Екатерины II, активизировавшим взаимодействие различных слоев в обществе и показавшим их заинтересованность в переменах. На прогрессивность факта созыва Большой комиссии указывал не только представительский характер ее состава, но и гласность и просветительская работа с населением, которому вслух зачитывался и толковался текст «Наказа». Последнее свидетельствует об апробировании демократических процедур и о высокой степени активности процесса формирования правовой культуры рассматриваемого периода периода. Так, Брикнер отмечал, что для выявления и проработки наиболее острых социальных проблем были оформлены так называемые депутатские наказания, которых насчитывалось более 1500. Примечательным фактом являлось также и то, что «около двух третей из общего количества таких документов, содержащих жалобы, требования, просьбы, было подготовлено крестьянами» [1, с. 465].

Заслуживает особого внимания структура «Наказа», который начинается с введения, или преамбулы, содержащей духовные основы правосознания и гражданско-правового развития страны. Обращаясь к Уложенной комиссии, Екатерина пишет, что основой всех законов и отношений является христианский закон, который «должен вкорениться в сердцах целого народа» [4, с. 115], следствием чего должно стать желание благополучия, общее благо, правовая защита всех сословий. Для реализации этой задачи императрица рекомендует обратиться к естественным законам — «законам, весьма сходственным с естеством», сущность которых состоит в достижении всеобщего блага и порядка. В «Наказе» Екатерина также дает классификацию преступлений, в зависимости от сферы охраняемых законом явлений: против закона и веры, против нравов, против тишины и спокойствия, против безопасности граждан и иные. Раскрывая содержание данных групп преступлений, Екатерина пишет о важности факта наказания, которое, будучи «основанное на естестве вещей, и служит к защищению вольности гражданской» [4, с. 122]. В свою очередь,

политическую свободу она понимает как возможность гражданина жить «в безопасности под защитой законов, или, по крайней мере, в мысли о такой безопасности, которая гражданину позволяет не бояться своего соседа» [8, с. 52].

О государе Екатерина пишет как о «всякой государственной и гражданской власти», отождествляя таким образом фигуру суверена и власть в государстве, осуществляемую им, при этом Сенат она называет хранилищем законов в России. Под законом Екатерина понимает особое наставление, которому должен следовать Сенат как институт, учреждение, созданное для ограждения государственных законов от субъективного влияния и искажения. В работе «Об оскорблении величества» (1774–1775) этот вопрос разработан Екатериной более детально. В ней наиглавнейшим законодателем Екатерина провозгласила себя как самодержицу, а любое узаконение, изданное по указу Екатерины, должно было считаться действительным, незыблемым до момента его отмены самой же императрицей [6, с. 358–361].

В более поздней работе — «О узаконении вообще» (1785–1787) — Екатерина пишет о важности правильного толкования законов исполнительной властью. Среди основных принципов толкования она выделяет следующие:

- 1) слова закона;
- 2) связи слов;
- 3) о чем дело идет;
- 4) случай;
- 5) следствие, от того происходящее;
- 6) важность дела;
- 7) умствование и смысл закона [5, с. 634].

Особое внимание Екатерина обращает на простоту изложения законов: понимать их «в простом обыкновенном общенародном смысле предпочтительно грамматическому свойству» [5, с. 634–635]. Контроль над процессом отправления правосудия должен осуществлять «законоведец», который назначается императрицей и прямо подчиняется ей. В его обязанности входит контроль исполнения закона, процедуры отправления правосудия и занимающих соответствующие должности, необходимость курировать специальные учебные заведения, то есть все, что входит в дело «надзирания за судом и расправою в учреждениях по губерниям» [5, с. 641]. Он же является председателем в первом департаменте Главной расправной палаты.

В «Наказе» Екатерина также дает рекомендации к структуре и слогу законов. Так, по мнению императрицы, они должны состоять из трех частей: законы, учреждения временные, указы. При этом все нормативные акты должны быть «написаны словами, вразумительными для всех, и при том очень коротко... сделаны для людей посредственного разума... Законы делаются для всех людей, все люди должны по оным поступать, следовательно, надобно, чтобы все люди оные и разуметь могли» [4, с. 169–182]. Иными словами, залогом эффективного законодательства являются краткость и ясность текста закона, рассчитанного на обыденное правосознание, и правильное толкование исполнительной властью.

В дополнение к «Большому наказу» Екатерина пишет, что каждый должен осознать себя человеком, равным другим и это гражданское единение должно лечь в основу поступков. Основываясь на философско-правовых идеях западноевропейского Просвещения, в «Наказе» Екатерина постулирует: «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам». Свободу, или «вольность», Екатерина характеризует как «право все делати, что законы дозволяют» [4, с. 118]. Можно предположить, что Екатерина обосновывает не что иное, как феномен правосознания, хотя прямо на это не указано ввиду отсутствия термина и научных исследований в этой области: «Государственная вольность во гражданине есть спокойство духа, происходящее от мнения, что всяк из них собственною наслаждается безопасностью; и, чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов» [4, с. 118–119]. Правосознание, или «государственная вольность в гражданине», есть внутренняя установка, что законы как единый и обязательный для всех регулятор позволяют обеспечить чувство социальной безопасности. Однако, как утверждает императрица, законы не должны запрещать все подряд, а только то, что может быть вредным для общества.

Как мы отмечали выше, в вопросах реформирования законодательства, соглашаясь с Монтескье, Екатерина ратовала за эволюционный путь и настаивала на необходимости постепенной подготовки правосознания к законодательным реформам. При этом гарантом согласия общественного правосознания с государственными законами мыслилась их направленность на общее благо и реальная возможность быть реализованными или эффективными. Екатерина достаточно категорично пишет: «Для нерушимого сохранения законов надлежало бы, чтоб они были так хороши и так наполнены всеми способами к достижению самого большого для людей блага ведущими, чтобы всяк несомненно был уверен, что он ради собственной своей пользы должен сохранить нерушимыми сии законы» [4, с. 119]. В «Наказе» она отмечала, что любые новеллы должны вводиться на основе уже существующих законов и обычаев страны, ее истории и морали. О необходимости соответствия сущности законов представлениям о дозволенном, коренящимся в недрах народного правосознания, говорят слова императрицы: «Законоположение должно применять к народному умствованию» [4, с. 120]. Следуя традициям юснатурализма, Екатерина разделяет виды регуляторов социального поведения, указывая на различные их источники и формы внешнего выражения: «Законы суть особенные и точные установления законоположника... а нравы и обычаи суть установления всего вообще народа» [4, с. 120]. При этом, по мнению Екатерины, «для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить» [4, с. 120].

Екатерина II понимала: система управления в государстве, чтобы быть эффективной, не должна сводиться к механизированным действиям, а должна основываться на определенных духовных принципах цивилизованного общежития, поэтому императрица призывала власть имущих не просто занимать определенную должность, но прежде всего служить обществу и своему Отечеству.

Она писала, что «власть без доверенности народа ничего не значит. Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желает: примите в основу ваших действий, ваших постановлений благо народа и справедливость, никогда не разлучных» [8, с. 40], и призывала приобрести «доверенность общества, основывая весь образ ваших действий на правде и общественном благе» [8, с. 42].

Как известно, вопрос отмены крепостного права является весьма дискуссионным, а попытки Екатерины II провести его в жизнь оцениваются исследователями неоднозначно. Задумка Екатерины о постепенном освобождении крепостных крестьян в течение ста лет имела под собой также юснатуралистское основание. Она хотела, чтобы крепостные крестьяне ощутили себя подданными как часть системы российского общества, где во главе стоит государь, глава которому Господь. Кроме того, задачей Екатерины было закрепление прав сословий, в чем ей виделась основа повышения правопорядка. Таким образом, по мнению императрицы, реформирование законодательства должно происходить, во-первых, эволюционным путем, во-вторых, согласоваться с традиционными представлениями о дозволенном, коренящимися в морали и религии, в-третьих, требуется предварительная подготовка общественного правосознания к переменам.

Примечательным моментом, указывающим на стремление Екатерины II систематизировать законодательство и заложить основы правовой идеологии в Российском государстве, является изложенная ею в «Наказе» классификация законов, включающая девять универсальных «родов», или отраслей права, существующих в любом человеческом обществе:

- 1) право Божественное (Закон Божий);
- 2) право церковное;
- 3) право естественное;
- 4) право народное;
- 5) право государственное общее;
- 6) право государственное особенное;
- 7) право завоевания;
- 8) право гражданское;
- 9) право домашнее [4, с. 260].

Как мы видим, в основе изложенной системы стоит право Божественное, которое толкуется посредством Церкви, а затем ложится в основу естественного права, в то время как система позитивного права строго вытекает из права естественного. Екатерина подчеркивает, что сущность человеческих законов, в отличие от Божественных законов, заключается в их изменчивости и зависимости от различных обстоятельств. При этом под естественным законом она понимает следующие его разновидности: «1) Познание Творца; 2) Кормиться; 3) Защищать себя; 4) Желание жить с подобными себе» [4, с. 260]. Иными словами, в группу естественных законов императрица включает те законы, которые прямо связаны с духовными, витальными и социальными потребностями человека. Под правом народов, которое Екатерина называет гражданским всемирным, она понимает

право, общее для всех народов, которое заключается в том, что все народы должны в мирное время делать друг другу как можно больше добра.

Еще одним из естественно-правовых оснований общества Екатерина, в согласии с Вольтером, называет веротерпимость. В одном из писем Вольтеру (письмо от 29 июня / 9 июля 1760 года) она поддержала идею французского просветителя о разумности этого феномена в большом многонациональном государстве с различными религиозными взглядами. Веротерпимость, как писала Екатерина, нужна не только для покоя и тишины граждан, как считал Вольтер, но это «единственный существенный путь ввести голос рассудка» [10, с. 297]. В другом своем произведении, Екатерина призывала «не делать ничего без правил и разума; не руководить себя предрассудками; уважать веру, но никак не давать ей влиять на государственные дела» [8, с. 48]. В предисловии к «Плану Гражданских законов» в январе 1774 года Екатерина, продолжая естественно-правовую линию своих идей, писала, что все гражданские законы, являясь законами человеческими, а значит, несовершенными и изменчивыми, имеют цель «во-первых, сохранить безопасность личную, во-вторых, утвердить собственность, третье — предупредить пороков сходственно человеколюбию сравнивать наказания со преступлением» [14, с. 357].

Как мы отмечали выше, Екатерина II вдохновлялась идеями эпохи Просвещения, поэтому не могла обойти стороной вопросы воспитания личности. Так, в именном указе и наставлении Н. И. Салтыкову она подробно описала рекомендации по воспитанию своих потомков. В данном документе, помимо наставлений в умеренности и разумном, без излишеств, образе жизни, особое внимание уделяется нравственному воспитанию и образованности. При этом Екатерина отмечала, что нравственное воспитание должно быть в приоритете, поскольку оно является основой формирования личности. Екатерина настаивает на том, что «языки и знания суть меньшая часть воспитания их высочеств. Добродетели и добронравие, состоянию и рождению их приличные, составлять должны главнейшую часть их наставления. Когда добродетели и добронравие вкоренятся в душах детей, все прочее придет ко времени» [11, с. 778].

Духовные ценности, по мнению Екатерины, составляют не только основу личностного развития, но и социального правопорядка, именно на них должно зиждиться правосознание. Об этом в «Наказе» она пишет следующее: «Любовь к отечеству, стыд и страх поношения суть средства укротительные и могущие воздержать множество преступлений» [4, с. 123]. Как известно, императрица была против пыток, поскольку считала этот способ противоречащим естественно-правовым основам права и правопорядка в обществе, поэтому в «Наказе» она отмечает, что «употребление пытки противно здравому естественно рассуждению» [4, с. 128]. Кроме того, пытка, по мнению Екатерины, не гарантирует раскаяния подсудимого и «не может быть средством к познанию истины» [4, с. 139], но, напротив, может привести к искажению хода следствия. Поэтому в пытке, как считает она, нет ни воспитательного, ни рационального смысла.

В вопросах применения наказаний Екатерина также четко следовала тенденциям эпохи Просвещения, поэтому в своих трудах ратовала за гуманизацию этого явления. Она указывает на то, что тяжесть и жестокость наказаний в историческом прошлом была обусловлена теми условиями, в которых жили люди, но в цивилизованных реалиях наказание не должно быть слишком жестоким, а преследовать только цель — воспитательную и компенсирующую вред. О соразмерности преступления и наказания и учете всевозможных обстоятельств, в которых преступление было совершено, она пишет следующее: «Великость наказаний должна относима быть к настоящему состоянию обстоятельствам, в которых какой народ находится» [4, с. 141–142]. Основную цель наказания Екатерина видела в том, чтобы оно способствовало «к отвращению людей от преступления» [4, с. 143]. Но, для того чтобы наказание имело результатом профилактику преступности в обществе, народ должен быть о нем осведомлен и помнить о его неотвратимости: «Наказанию надлежит быть готовому, сходственному с преступлением и народу известному... наказание должно быть непреложно и неизбежно» [4, с. 143–144]. В этом, как считает императрица, заключается сущность правового воспитания. В «Наказе» она пишет, что «самое надлежайшее обуздание от преступлений есть не строгость наказания, но, когда люди подлинно знают, что преступающий законы непременно будет наказан... Гораздо лучше предупреждать преступления, нежели наказывать. Предупреждать преступления есть намерение и конец хорошего законоположения, которое не что иное есть, как искусство приводить людей к самому совершенному благу и оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малейшее зло» [4, с. 144–147].

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что Екатерина актуализировала проблему социального значения закона. Указывая, по сути, на его социально-интегративную функцию, она пишет, что «законы можно назвать способами, которыми люди соединяются и сохраняются в обществе, и без которых бы общество разрушилось» [4, с. 30]. Придерживаясь традиций абсолютизма, императрица отмечает, что источником права в обществе является «законодавец» (законодатель) — самодержец, а задачей судей должно быть исследование: «такой-то человек сделал ли, или не сделал действия противного закону» [4, с. 130]. При этом залогом эффективности законодательства, по мнению Екатерины, должна быть его доступность. Так, в «Наказе» она пишет, что «законы должны быть писаны простым языком; и Уложение, все законы в себе содержащие, должно быть книгою весьма употребительною, и которую бы за малую цену достать можно было наподобие букваря... Преступления не столь часты будут, чем большее число людей Уложение читать и разуметь будут» [4, с. 133]. Нельзя не заметить, что речь идет как о доступности языка изложения текстов законов, так и о финансовой и фактической доступности для всех слоев населения.

Как сторонник идеологии Просвещения, Екатерина видела в его идеалах — гуманизме, вере в силу образования и науки — источник личностного и общественного развития и, как следствие, упрочение правопорядка в обществе.

Ее слова «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми» [4, с. 147] могут стать девизом ее личного мировоззрения и идеологической основой правопонимания целой эпохи. Не случайно отдельные параграфы «Наказа» посвящены воспитанию, правила которого, по словам Екатерины, «приуготовляют нас быть гражданами» [4, с. 160]. При этом особый акцент Екатерина ставит на воспитании в семье, в которой человек должен получать реальный пример правомерного, основанного на страхе Божьем поведения.

Аргументом, обосновывающим изложенную выше мысль, можно считать факт основания незадолго до «Манифеста» и появления «Наказа» в 1764 году Смольного института благородных девиц. Этим подтверждается, что Екатерина не только высказывала, но и претворяла в жизнь свои мечты о просвещении общества. В этом закрытом учреждении при поддержке И. И. Бецкого, сторонника взглядов Екатерины и ее близкого товарища, использовалась специальная система образования и воспитания, основанная на идеалах Просвещения. Основной задачей этого учреждения было исключение негативного влияния внешних факторов и воспитание с детства нравственных, религиозных ценностей, дисциплины и светских манер. Девушки, окончившие Смольный институт, должны были, по задумке Екатерины, принести в свои семьи новые ценности и нормы и тем самым запустить процесс перемен в обществе.

Результаты исследования

Подытоживая сказанное выше, можно сделать ряд выводов об актуальности и жизнеспособности в настоящее время идей о праве, правосознании, правовой реальности, высказанных Екатериной II.

Во-первых, Екатерину II следует считать первым из российских монархов, самостоятельно проложивших путь к построению единой российской политико-правовой идеологии. Ей принадлежат идеи о важнейшей социальной сущности закона и наказания. Вдохновленная идеалами Просвещения, Екатерина ратовала за гуманизацию всей правовой сферы, гласность и свободу печати, верила в силу образования, воспитания и науки как мощных механизмов формирования правосознания и реформирования общества. Будучи философом на троне, она сопровождала реализацию своих проектов в сфере права и государства философско-правовым обоснованием, прокладывая тем самым путь к единой государственно-правовой идеологии.

Во-вторых, в своих трудах, письмах и мемуарах императрица обосновала ряд теоретико-правовых проблем, в числе которых не только сущность законов, власти, суда, но и социального значения наказания, особенностей условий взятия под стражу, тюремного заключения, проведения следствия; Екатерина II классифицировала виды доказательств, проанализировала принципы, на которых должны были основываться все процессуальные действия, а именно

справедливость, равенство всех перед законом, соразмерность преступления наказанию, неотвратимость наказания, актуализировала проблему воспитания как основы правового поведения. Отталкиваясь от юснатуралистических оснований, Екатерина II приняла дуалистическую систему права: деление на естественное и позитивное право. В этой системе естественное право, базирующееся на христианском законе, включает в себя неотчуждаемые духовные, витальные и социальные права человека. Позитивное право, или «политические вольности», должно вытекать из естественного и включать свободу, равенство всех перед законом, безопасность.

В-третьих, одной из центральных идей всего творческого наследия Екатерины II является идея значимости формирования правосознания индивидуального или коллективного субъекта-носителя. Правосознание, или «государственная вольность во гражданине», должно формироваться постепенно, предваряя всякие законодательные новеллы, и соотносываться с традиционными представлениями о дозволенном, коренящимися в народном сознании. Залогом эффективности законов, по мнению императрицы, является фактическая доступность сборников законов, простота языка их изложения, гласность правовых процедур, правильная трактовка законов правоприменителем, общая грамотность населения.

Не всем идеям Екатерины II суждено было претвориться в жизнь в период ее царствования. Однако благодаря тому импульсу и четкому вектору государственно-правовых перемен, который она дала своим выдающимся современникам, появилась возможность реализовать идеи Екатерины Великой в последующем столетии.

Список источников

1. Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. М.: АСТ, 2004. 846 с.
2. Гусарова М. А. К вопросу о роли французского Просвещения в становлении естественно-правовой концепции // Философия права. 2023. № 1(104). С. 7–13.
3. Екатерина II. Избранное / вступ. ст. А. Б. Каменского. М.: РОССПЭН, 2010. 951 с.
4. Екатерина II. Наказ ее императорского величества Екатерины Второй самодержицы всероссийской, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения // Екатерина II. Избранное / вступ. ст. А. Б. Каменского. М.: РОССПЭН, 2010. С. 113–294.
5. Екатерина II. О узаконении вообще // Екатерина II. Избранное / вступ. ст. А. Б. Каменского. М.: РОССПЭН, 2010. С. 634–659.
6. Екатерина II. Об оскорблении величества // Екатерина II. Избранное / вступ. ст. А. Б. Каменского. М.: РОССПЭН, 2010. С. 358–369.
7. Екатерина II. Об учреждении в Москве комиссии для сочинения и о выборе в оную депутатов // Екатерина II. Избранное / вступ. ст. А. Б. Каменского. М.: РОССПЭН, 2010. С. 220–241.
8. Екатерина II. Особая тетрадь // Екатерина II. Избранное / вступ. ст. А. Б. Каменского. М.: РОССПЭН, 2010. С. 39–50.
9. Екатерина Великая. Мемуары. М.: АСТ, 2024. 353 с.
10. Из писем Екатерины II к Вольтеру. 1765–1766, 1771 гг. // Екатерина II. Избранное / вступ. ст. А. Б. Каменского. М.: РОССПЭН, 2010. С. 296–301.

11. Именной указ и наставление Екатерины Второй Н. И. Салтыкову // Екатерина II. Избранное / вступ. ст. А. Б. Каменского. М.: РОССПЭН, 2010. С. 762–791.
12. Леонтьев К. Византизм и славянство: сб. статей. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 571 с.
13. Павленко Н. И. Екатерина Великая / науч. предисл. Т. В. Черниковой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 768 с.
14. Предисловие к «Плану Гражданских законов» в январе 1774 г. // Екатерина II. Избранное / вступ. ст. А. Б. Каменского. М.: РОССПЭН, 2010. С. 357–358.
15. Современники: жизнь и деятельность Е. Р. Дашковой и Н. И. Новикова. Воспр. изд. 1892–1893. М.: Альфа, 1991. 176 с.

References

1. Brikner A. G. Istoriya Ekateriny` Vtoroj. M.: AST, 2004. 846 s.
2. Gusarova M. A. K voprosu o roli francuzskogo Prosveshheniya v stanovlenii estestvenno-pravovoj koncepcii // Filosofiya prava. 2023. № 1(104). S. 7–13.
3. Ekaterina II. Izbrannoe / vstup. st. A. B. Kamenskogo. M.: ROSSPE`N, 2010. 951 s.
4. Ekaterina II. Nakaz ee imperatorskogo velichestva Ekateriny` Vtoroj samoderzhicy` vserossijskoj, danny`j Komissii o sochinenii proekta novogo ulozheniya // Ekaterina II. Izbrannoe / vstup. st. A. B. Kamenskogo. M.: ROSSPE`N, 2010. S. 113–294.
5. Ekaterina II. O uzakonenii voobshhe // Ekaterina II. Izbrannoe / vstup. st. A. B. Kamenskogo. M.: ROSSPE`N, 2010. S. 634–659.
6. Ekaterina II. Ob oskorblenii velichestva // Ekaterina II. Izbrannoe / vstup. st. A. B. Kamenskogo. M.: ROSSPE`N, 2010. S. 358–369.
7. Ekaterina II. Ob uchrezhdenii v Moskve komissii dlya sochineniya i o vy`bore v onuyu deputatov // Ekaterina II. Izbrannoe / vstup. st. A. B. Kamenskogo. M.: ROSSPE`N, 2010. S. 220–241.
8. Ekaterina II. Osobaya tetrad` // Ekaterina II. Izbrannoe / vstup. st. A. B. Kamenskogo. M.: ROSSPE`N, 2010. S. 39–50.
9. Ekaterina Velikaya. Memuary`. M.: AST, 2024. 353 s.
10. Iz pisem Ekateriny` II k Vol`teru. 1765–1766, 1771 gg. // Ekaterina II. Izbrannoe / vstup. st. A. B. Kamenskogo. M.: ROSSPE`N, 2010. S. 296–301.
11. Imennoj ukaz i nastavlenie Ekateriny` Vtoroj N. I. Salty`kovu // Ekaterina II. Izbrannoe / vstup. st. A. B. Kamenskogo. M.: ROSSPE`N, 2010. S. 762–791.
12. Leont`ev K. Vizantizm i slavyanstvo: sb. statej. M.: AST: Xranitel`, 2007. 571 s.
13. Pavlenko N. I. Ekaterina Velikaya / nauch. predisl. T. V. Chernikovej. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2023. 768 s.
14. Predislovie k «Planu Grazhdanskix zakonov» v yanvare 1774 g. // Ekaterina II. Izbrannoe / vstup. st. A. B. Kamenskogo. M.: ROSSPE`N, 2010. S. 357–358.
15. Sovremenniki: zhizn` i deyatel`nost` E. R. Dashkovej i N. I. Novikova. Vospr. izd. 1892–1893. M.: Al`fa, 1991. 176 s.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024;
одобрена после рецензирования: 15.07.2024;
принята к публикации: 19.07.2024.

The article was submitted: 02.07.2024;
approved after reviewing: 15.07.2024;
accepted for publication: 19.07.2024.

УДК 348.01/.07, 341.96, 347.6
DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-29-40

А. А. Дорская

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
adorskaya@yandex.ru

А. Ю. Дорский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
dorski@yandex.ru

КРИЗИС РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ: ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается опыт европейских стран в преодолении кризисных явлений в сфере регулирования семейных отношений. Целью исследования является анализ тех мер, которые принимали государства Европы в условиях общественного требования введения гражданского брака и гражданского развода, а также разрешения коллизий, возникающих при регулировании брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом. В соответствии с целью в статье поставлены следующие задачи: раскрыть значение и причины актуализации вопроса о введении гражданского брака во второй половине XIX – начале XX века; показать особенности введения гражданского развода в европейских странах; рассмотреть вопрос о международном сотрудничестве государств Европы в целях унификации подходов к регулированию семейных отношений. В результате работы сделан вывод о том, что введение гражданской формы брака было связано с революционными событиями или периодами реформ, временный отказ от данных завоеваний в период Реставрации все равно приводил к их возврату. Гражданский развод вводился более сложно, поскольку и государство, и различные конфессии отрицательно относились к данной форме прекращения брака как подрывающей ценность института семьи. В начале XX века европейские государства стали заключать международные договоры, направленные на унификацию подходов к регулированию семейных отношений и разрешению коллизий.

Ключевые слова: семейные отношения; правовое регулирование; международные договоры; религиозные каноны; позитивное право; гражданская форма брака; гражданский развод; коллизионные вопросы.

Благодарности: часть исследования, выполненная А. А. Дорской, подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-01860 «Кризисы международно-правовой системы и пути их преодоления: исторический опыт».

UDC 348.01/.07, 341.96, 347.6

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-29-40

A. A. Dorskaya

Northwestern Branch of the Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russian Federation,
adorskaya@yandex.ru

A. Yu. Dorsky

Saint-Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation,
dorski@yandex.ru

THE REGULATORY CRISIS IN FAMILY RELATIONS ACROSS EUROPEAN COUNTRIES: OVERCOMING EXPERIENCES AT THE INTERNATIONAL AND NATIONAL LEVELS FROM THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY TO THE EARLY XX CENTURY

Abstract. The article explores the experiences of European countries in addressing crisis phenomena related to the regulation of family relations. The purpose of this study is to assess the measures adopted by European states in addressing the public's demand for the implementation of civil marriage and civil divorce, as well as the resolution of conflicts arising from the regulation of marriage and family relations complicated by cross-border factors. In keeping with the stated purpose, the article outlines the following tasks: to uncover the significance and rationales for revisiting the subject of introducing civil marriage from the second half of XIX century to the early XX century; to show the features of the introduction of civil divorce in European countries; to consider international cooperation among European States to streamline approaches to the regulation of family relations. The study concluded that the implementation of the civil form of marriage was linked to revolutionary events or periods of reform. Despite temporary setbacks during restoration periods, these achievements were eventually reinstated. The introduction of civil divorce was significantly challenging due to the negative perception from both the state and various religious denominations, who viewed it as a threat to the institution of the family. In the early XX century, European nations initiated the process of entering into international treaties with the objective of harmonizing the regulation of family matters and resolving conflict issues.

Keywords: family relations; legal regulation; international treaties; religious canons; positive law; civil form of marriage; civil divorce; conflict issues.

Acknowledgments: part of the research carried out by A. A. Dorskaya was funded by RSF according to the research project № 24-28-01860 «Crises of the international legal system and ways to overcome them: historical experience».

Введение

Семья относится к традиционным институтам, которые нечасто подвергаются серьезным изменениям. Многие нормы семейного права существовали веками и не подвергались ревизии при существенных изменениях в государственной и правовой жизни отдельной страны или на мировом уровне. Причин этому было несколько: дуализм в регулировании семейных отношений, выразившийся в сочетании религиозных норм и позитивного права на протяжении большей части истории и отчасти сохраняющийся до сих пор, заинтересованность государства в стабильности института семьи, занимающей одно из важнейших мест в структуре общества, естественная потребность человека иметь семью и т. д.

Вместе с тем в регулировании отношений даже в этой, казалось бы, консервативной сфере периодически случались кризисы, сопровождавшиеся либо резким столкновением мнений относительно дальнейшего развития семейного права, либо игнорированием большей частью населения существующих правовых норм, либо коллизиями в регулировании брачно-семейных отношений государством и религиозными организациями, либо появлением признаков отмирания института семьи как такового. Не является исключением и современный период, когда, с одной стороны, семья признается ценностью на международном, государственном, общественном и очень часто личностном уровнях, но с другой — подвергается серьезным трансформациям, находящим свое отражение в изменении субъектов семейных отношений в ряде стран, развитии явления сожительства, эволюции языковых конструкций, выражающих семейные ценности, и т. д.

На протяжении веков, в зависимости от причин кризиса, стадии его развития, количества и целей заинтересованных сторон, предлагались различные варианты преодоления кризисных явлений в регулировании семейных отношений. В этой связи научный интерес представляет опыт западноевропейских стран и Российской империи, которые во второй половине XIX – начале XX века предложили разные модели взаимодействия государства и церкви в условиях требования со стороны общества введения свободы совести, гражданской формы брака и гражданского развода. Государства Европы показали пример возможности международного сотрудничества по вопросам правового регулирования семейных отношений. В частности, в 1902 году были подписаны Гаагские конвенции об урегулировании коллизий законов в области заключения брака и развода [12, с. 163].

Таким образом, опыт европейских государств может помочь в осмыслении современных проблем правового регулирования брачно-семейных отношений и поиске путей их решения.

Степень научной разработанности темы

Проблемой преодоления кризисных явлений в регулировании семейных отношений занимались и занимаются представители трех научных направлений.

Во-первых, это специалисты в области церковного права. Так, никто из российских ученых-канонистов второй половины XIX – начала XX века не мог обойти тему взаимодействия церковных канонов и норм позитивного права в регулировании брачно-семейных отношений [3; 7; 10]. Эта тема вызывала бурную полемику, активно писались рецензии на работы друг друга [1; 6]. Кроме того, в начале XX века в связи с нарастанием революционных настроений в России многие исследователи приняли участие в разработке новых правовых источников, которые должны были разрешить проблемы, назревшие в регулировании семейных отношений [15]. Продолжение исследования темы мы находим и в работах современных ученых [8; 9; 13].

Во-вторых, поиском путей преодоления кризисных явлений в семейном праве всегда занимались специалисты в сфере национального права. Их можно разделить на две группы. Представители первой изучают правовые обычаи в семейной сфере [19], а вторые — историю законодательства, регулировавшего брачно-семейные отношения [11; 16].

В-третьих, в связи с тем, что с XX века в регулировании семейных отношений стал развиваться международный компонент, проблема эволюции семейного права изучается и специалистами в области международного публичного и частного права [12; 20].

Методы

В статье при помощи методов анализа и синтеза выявлено общее и особенное в регулировании семейных отношений разных европейских стран во второй половине XIX – начала XX века. Применение формально-юридического метода позволило раскрыть содержание законов России и европейских стран, норм канонического права, регулировавших брачно-семейные отношения, а также заключенных в 1902 году международных договоров, участниками которых стали многие государства Европы. Дескриптивный метод использовался при описании подходов исследователей второй половины XIX – начала XX века к введению гражданского брака и гражданского развода. В рамках применения сравнительно-правового метода синхронный срез позволил показать общие процессы постепенного перехода регулирования брачно-семейных отношений от церкви к государству, а диахронный срез — проследить основные тенденции развития семейного законодательства России в указанный период.

Основное исследование

На протяжении веков в европейских странах существовала только церковная форма брака и, соответственно, церковный развод. Однако революционные события XVII–XVIII веков повлияли в том числе на сферу брачно-семейных отношений. Анализируя развитие семейного права в странах Западной Европы, известный российский специалист в области церковного права Н. С. Суворов отмечал, что первым опытом регистрации брака чиновниками, а не венчания стали два штата Нидерландов в 1580 году, правда на всю территорию страны эта практика была распространена только в 1656 году. В Англии гражданская форма брака была введена О. Кромвелем в 1653 году и считалась одним из завоеваний революции. Незадолго до революционных событий во Франции, в 1787 году, король Людовик XVI разрешил представителям протестантских вероисповеданий самим выбирать форму брака, а в 1792 году был издан закон об обязательном гражданском браке [14].

Затем в течение полувека вопрос о введении гражданского брака отошел на второй план. Однако в 1842 году начался процесс отделения церкви от государства в германских землях, что способствовало введению гражданского брака.

Новый всплеск интереса к данному вопросу пришелся на 1860–1870-е годы. В 1864 году гражданская форма брака появилась в Румынии, в 1866 году — в Италии, в 1870-е — в Испании, Швейцарии. Иногда государство делало различия между разными вероисповеданиями. Например, в Португалии с 1877 года католики вступали в брак в соответствии с религиозными канонами, а представители других конфессий регистрировали браки в государственных органах.

Не стала исключением и Российская империя.

Во-первых, в условиях буржуазных реформ Александра II остро встал вероисповедный вопрос.

Так, неожиданно для правительства помощь в подавлении антирусского восстания в Северо-Западном крае оказали переселенные туда по решениям судов старообрядцы. В апреле 1863 года они самоорганизовались и помогли окруженному польскими повстанцами русскому гарнизону крепости Динабург (Даугавпилс), неожиданно ударив в тыл. В результате в российских правительственных кругах появилось мнение, что старообрядцы являются проводниками русской культуры и традиций в национальных районах Российской империи [18, с. 137].

Во-вторых, в этот период резко обострился римско-католический вопрос. 17 апреля 1863 года папа римский и девять стран Европы, угрожая объявлением войны, предъявили Российской империи ультиматум. Речь шла о возвращении к границам Речи Посполитой 1772 года и обсуждении этого вопроса на международном конгрессе.

Активная деятельность велась и на территории Царства Польского. В апреле того же 1863 года подпольное правительство Польши издало прокламацию о «минуте расплаты» православных за их преступления [5, с. 14].

В-третьих, введение гражданского брака могло стать решением вопроса о заключении браков между представителями разных вероисповеданий. Огромные территориальные приобретения России в первой половине XIX века привели к тому, что в 1832 году в Своде законов Российской империи была закреплена иерархия вероисповеданий, установлено, представители каких конфессий могли вступать в брак друг с другом. Однако проблема смешанных браков продолжала оставаться актуальной.

Российское правительство решило начать с конкретного вопроса. 19 апреля 1874 года были изданы правила, согласно которым старообрядцам-беспоповцам было разрешено регистрировать браки в полицейских участках¹. Однако через двадцать лет среди специалистов возникла серьезная дискуссия об их толковании. Поводом стало дело Василия Алексеева (Парфенова). Будучи старообрядцем-беспоповцем, он вступил в брак согласно указанным правилам, но затем принял православие и обвенчался с другой женщиной. Он был обвинен в двоеженстве по статье 1554 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 года [2, с. 10].

Кроме старообрядцев-беспоповцев, права регистрации гражданского брака другие подданные Российской империи не имели. Причем это касалось даже населения вновь присоединенных земель. Так, когда по Берлинскому трактату 1878 года к России отошла часть Бессарабии², в Свод законов было внесено дополнение о том, что вступившие в гражданский брак в период действия румынского законодательства должны были обвенчаться в православной церкви, а при отказе брак считался законным только до подписания данного международного договора.

Таким образом, во второй половине XIX века во многих странах возник кризис в регулировании семейных отношений. Это было связано с тем, что базирование исключительно на религиозных канонах уже не удовлетворяло потребностям общества. Государства пытались решить возникающие проблемы с помощью введения гражданской формы брака. Существуют разные оценки этого процесса. Так, О. Б. Вахромеева, например, считает, что требования общества не были оформлены, возмущения возникали время от времени в связи с какими-то резонансными случаями [4, с. 75]. Однако, как свидетельствуют события периода Первой русской революции, это был один из принципиальных вопросов. 17 апреля 1905 года был издан указ «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому старообрядцы и часть сектантов были уравниены в правах с инославными относительно заключения браков с православными³. В 1906 году правительство П. А. Столыпина, отказавшись от идеи

¹ Высочайше утвержденные Правила о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников от 19 апреля 1874 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XLIX. Отделение I. № 53391. С. 653.

² Берлинский трактат от 1/13 июля 1878 года // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. С. 181–206.

³ Именной Высочайший указ, данный Сенату «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XXV. Отделение I. № 26125. С. 257.

составления единого законопроекта о свободе совести, разработало несколько проектов по более частным вопросам. Один из них должен был регулировать «семейственные права»⁴, но сама идея гражданской формы брака отвергалась. Дальше законотворческой стадии данный процесс не продвинулся.

Очень болезненным был вопрос и о введении гражданского развода. Кризисные явления выражались в том, что общество главным образом не устраивала строгость правил о разводе, которая делала его практически невозможным.

В странах Европы гражданский развод вводился в разное время. Так, в католической Франции до 1792 года развод вообще не допускался, существовала только такая форма, как разлучение. Однако в период Великой французской революции был введен развод. В Гражданском кодексе Наполеона 1804 года были закреплены поводы, считавшиеся достаточными для развода (прелюбодеяние одного из супругов, совершение преступления, длительное отсутствие супруга или супруги, грубое обращение и т. п.). Кроме того, развод допускался по взаимному согласию супругов. В период реставрации нормы о разводе были отменены. В 1884 году право супругов на развод в случае прелюбодеяния было восстановлено, но исчезло положение о разводе при достижении согласия мужа и жены. В 1857 году развод в судебном порядке был введен в Англии. Германское гражданское уложение 1896 года тоже закрепило возможность развода через суд, но только при наличии таких оснований, как покушение на жизнь супруга, прелюбодеяние, жестокое обращение и т. д. [17, с. 315–316].

В Российской империи вплоть до Первой русской революции вопрос о гражданском разводе не разрабатывался, хотя в обществе активно обсуждался.

Предсоборное присутствие пошло по пути не введения гражданского развода, а увеличения поводов к разводу. В апреле 1907 года был опубликован проект положения о поводах к разводу, разработанный Особым совещанием при Святейшем синоде⁵. Однако в целом он сохранял нормы, известные с древности и только несколько смягченные. Например, срок подачи заявления о разводе по причине безвестного отсутствия супруга сокращался с пяти до трех лет. Церковные каноны по-прежнему преобладали. Так, уход одного из супругов из православной церкви считался поводом, достаточным для развода.

Несмотря на то что среди российских специалистов началась дискуссия по положениям данного проекта, вплоть до 1917 года никаких законодательных изменений в отношении государства и церкви к разводу так и не произошло.

⁴ Государственная дума II созыва. Законопроекты, внесенные министром внутренних дел. СПб.: Б/м, 1907. С. 269–270.

⁵ Проект положения о поводах к разводу, составленный Особым совещанием при Святейшем синоде. СПб.: Б/м., 1907.

Таким образом, вопрос о введении гражданского развода оказался даже более сложным, чем переход к гражданской форме брака, поскольку и государство, и церковь отрицательно относились к данной форме прекращения брака как таковой.

В конце XIX – начале XX века кризисные явления в регулировании семейных отношений стали проявляться и на международном уровне. В частности, расширение информационного пространства, возможность представителей знати свободно перемещаться по Европе ставили вопрос о заключении браков, осложненных иностранным элементом, и их расторжении.

12 июня 1902 года государства — участники Гаагской конференции по международному частному праву подписали два важных международных договора: Конвенцию, касающуюся урегулирования коллизии законов, касающихся брака⁶ (действительным признавался брак, заключенный по закону государства, в котором он был совершен), и Конвенцию, касающуюся урегулирования коллизии законов и юрисдикций в отношении развода и раздельного проживания⁷ (разрешался развод только в том случае, если национальное право супругов и закон государства, где предъявлен иск, предусматривали данный институт). Однако Российская империя их не подписала. В этот период еще господствовала охранительная политика, направленная на сохранение позиций Русской православной церкви как «первенствующей и господствующей».

Таким образом, в начале XX века государства Европы стали использовать такой способ преодоления кризисных явлений в области регулирования семейных отношений, как создание системы международных договоров, которые, с одной стороны, унифицировали подходы разных стран, а с другой — решали вопросы в случае возникновения коллизий.

Результаты исследования

В регулировании семейных отношений в европейских странах во второй половине XIX – начале XX века, безусловно, наблюдались кризисные явления. Во многом это было связано с тем, что общество уже не устраивал исключительно религиозный подход к институту брака, а поэтому в революционные и переходные периоды выдвигались требования введения гражданского брака и гражданского развода. Государства по-разному реагировали на данные вызовы: одни пытались радикально менять ситуацию (Нидерланды), другие лавировали, то наращивая правовой фактор в регулировании семейных отношений, то возвращаясь к старым канонам (Франция), были и те, кто занимали охранительную позицию и если и шли на разработку каких-либо законопроектов,

⁶ Convention du 12 juin 1902 pour régler les conflits de lois en matière de mariage. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/the-old-conventions/1902-marriage-convention> (дата обращения: 21.09.2024).

⁷ Там же.

то больше в качестве меры по успокоению общественного мнения (Российская империя).

Однако возникшую тенденцию остановить было уже невозможно. Нормы семейного права переходили из религиозной сферы в область правового регулирования; это привело к тому, что место семейного права в системе права различных европейских стран было неидентичным: в тех странах, где процесс введения гражданского брака шел быстро, оно стало рассматриваться как часть гражданского права, в тех странах, где государственное и церковное взаимодействие в регулятивной сфере сохранялось, семейное право стало постепенно формироваться как самостоятельная отрасль права.

Несинхронность развития институтов гражданского брака и гражданского развода тоже было признаком нарастания кризисных явлений. Вопрос о гражданском разводе оказался даже более сложным, чем введение гражданской формы брака, поскольку и государство, и религиозные организации выступали против данной формы прекращения брака, пытаясь сохранить ценность института семьи.

Активизация международных связей привела к тому, что стало необходимым закрепление норм о признании браков, заключенных на территории других стран, в договорной форме. Перевод правового регулирования с внутригосударственного на международный уровень был одним из способов преодоления тех кризисных явлений, которые возникли в сфере регулирования семейных отношений со второй половины XIX столетия. Об эффективности международного сотрудничества в данной области свидетельствует сохранение действия Конвенций 1902 года для ряда европейских стран даже в XXI веке.

Таким образом, опыт указанного периода свидетельствует, что право является универсальным социальным регулятором семейных отношений, поскольку, с одной стороны, может включать церковные каноны в правовую систему страны, а с другой — способствует установлению баланса и стабильности в обществе, в котором время от времени возникают разновекторные тенденции.

Список источников

1. Бердников И. С. «Брак, рассматриваемый в своей природе и со стороны формы его заключения» Николая Страхова (Харьков, 1893). Казань: Типо-литография Императорского Казанского университета, 1896. 22 с.
2. Бердников И. С. Вторая заметка по вопросу о раскольническом браке. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1896. 59 с.
3. Бердников И. С. Форма заключения брака у европейских народов в ее историческом развитии. Казань: Типография Императорского университета, 1887. 56 с.
4. Вахромеева О. Б. Гражданский брак в Российской империи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 1-1. С. 74–76.
5. Воспоминания современников о Михаиле Николаевиче Муравьеве, графе Виленском / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 464 с.

6. Заозерский Н. А. К вопросу о злонамеренном оставлении одним супругом другого как основании расторжения брака (по поводу книги Н. С. Суворова «Замечания на „Проект положений о поводах к разводу“»). Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1908. 14 с.
7. Красножен М. Е. О разводе в России: исторический очерк. М.: Товарищество типо-литографии В. Чичерин, 1899. 22 с.
8. Лукьяновская О. В., Поплевин И. В. Влияние религии на брачно-семейные отношения в России в середине XIX – начале XX вв. // Журнал исторических исследований. 2023. Т. 8, № 2. С. 21–26.
9. Мун В. А. Особенности регулирования брачно-семейных отношений в дореволюционной России // Право, история, педагогика и современность: сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза: Пензенский государственный университет, 2024. С. 166–170.
10. Остроумов М. А. Введение в Православное церковное право. Харьков: Типография губернского правления, 1893. Т. 1. 672 с.
11. Пашенцев Д. А. Две модели правового регулирования семейных отношений: дореволюционный и советский опыт // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2019. № 3. С. 60–67.
12. Сафронова С. С. Гаагские конвенции о заключении и прекращении брака // Актуальные проблемы политики и права: межвузовский сборник научных статей. Пенза: Информационно-издательский центр ПГУ, 2003. Вып. 6. С. 163–169.
13. Смирнов А. И. Христианизация права в Византийской империи (на примере Эклоги) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2019. № 3 (24). С. 51–60.
14. Суворов Н. С. Гражданский брак [Электронный ресурс]. СПб.: Типография Я. Канторович, 1896. 153 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Suvorov/grazhdanskij-brak/ (дата обращения: 21.09.2024).
15. Суворов Н. С. Замечания на «Проект положения о поводах к разводу, составленный Особым совещанием при Святейшем Синоде». М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1908. 55 с.
16. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2007.
17. Телепина Н. М., Телепина Н. А. К вопросу о становлении института гражданского брака: сравнительно-правовой обзор правового регулирования брачно-семейных отношений в России и странах Западной Европы в конце XIX века // Вестник ГУУ. 2014. № 15. С. 313–318.
18. Федосова Э. П. Граф М. Н. Муравьев-Виленский (1796–1866): жизнь на службе империи. М.: Институт российской истории РАН, 2015. 255 с.
19. Хабибуллина Ю. З. Исторические условия развития семейного права в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 44-3. С. 63–66.
20. Чибирикова С. Н. Коллизионное регулирование заключения и расторжения брака // Бюллетень науки и практики / Bulletin of Science and Practice. 2019. Т. 5, № 2. С. 263–267.

References

1. Berdnikov I. S. «Brak, rassmatrivaemyj v svoej prirode i so storony formy ego zaklyucheniya» Nikolaya Straxova (Xar'kov, 1893). Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta, 1896. 22 s.
2. Berdnikov I. S. Vtoraya zametka po voprosu o raskol' nicheskom brake. Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1896. 59 c.
3. Berdnikov I. S. Forma zaklyucheniya braka u evropejskix narodov v ee istoricheskom razvitii. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1887. 56 s.
4. Vaxromeeva O. B. Grazhdanskij brak v Rossijskoj imperii // Aktual'ny'e problemy gumanitarnyx i estestvennyx nauk. 2014. № 1-1. S. 74–76.
5. Vospominaniya sovremennikov o Mixaile Nikolaeviche Murav' eve, grafe Vilenskom / otv. red. O. A. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii, 2014. 464 s.
6. Zaozerskij N. A. K voprosu o zlonamerennom ostavlennii odnim suprugom drugogo kak osnovanii rastorzheniya braka (po povodu knigi N. S. Suvorova «Zamechaniya na „Proekt polozhenij o povodax k razvodu“»). Sergiev Posad: Tipografiya Svyato-Troiczkoj Sergievoj lavry, 1908. 14 s.
7. Krasnozhen M. E. O razvode v Rossii: istoricheskij ocherk. M.: Tovarishhestvo tipografii V. Chicherin, 1899. 22 s.
8. Luk'yanovskaya O. V., Poplevin I. V. Vliyanie religii na brachno-semejny'e otnosheniya v Rossii v sredine XIX – nachale XX vv. // Zhurnal istoricheskix issledovanij. 2023. T. 8, № 2. S. 21–26.
9. Mun V. A. Osobennosti regulirovaniya brachno-semejnyx otnoshenij v dorevolucionnoj Rossii // Pravo, istoriya, pedagogika i sovremennost': sbornik statej V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza: Penzenskij gosudarstvennyj universitet, 2024. S. 166–170.
10. Ostroumov M. A. Vvedenie v Pravoslavnoe cerkovnoe pravo. Xar'kov: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1893. T. 1. 672 s.
11. Pashencev D. A. Dve modeli pravovogo regulirovaniya semejnyx otnoshenij: dorevolucionnyj i sovetskij opyt // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudenciya». 2019. № 3. S. 60–67.
12. Safronova S. S. Gaagskie konvencii o zaklyuchenii i prekrashhenii braka // Aktual'ny'e problemy politiki i prava: mezhvuzovskij sbornik nauchnyx statej. Penza: Informacionno-izdatel'skij centr PGU, 2003. Vy'p. 6. S. 163–169.
13. Smirnov A. I. Xristianizaciya prava v Vizantijskoj imperii (na primere E'klogi) // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2019. № 3 (24). S. 51–60.
14. Suvorov N. S. Grazhdanskij brak [E'lektronnyj resurs]. SPb.: Tipografiya YA. Kantorovich, 1896. 153 s. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Suvorov/grazhdanskij-brak/ (data obrashheniya: 21.09.2024).
15. Suvorov N. S. Zamechaniya na «Proekt polozheniya o povodax k razvodu, sostavlennoj Osoby'm soveshhanem pri Svyatejshem Sinode». M.: Pech. A. I. Snegirevoj, 1908. 55 s.
16. Tarusina N. N. Brak po rossijskomu semejnomu pravu. Yaroslavl': Yaroslavskij gosudarstvennyj universitet im. P. G. Demidova, 2007.
17. Telepina N. M., Telepina N. A. K voprosu o stanovlenii instituta grazhdanskogo braka: sravnitel'no-pravovoj obzor pravovogo regulirovaniya brachno-semejnyx otnoshenij

v Rossii i stranax Zapadnoj Evropy` v konce XIX veka // Vestnik GUU. 2014. № 15. S. 313–318.

18. Fedosova E`. P. Graf M. N. Murav`ev-Vilenskij (1796–1866): zhizn` na sluzhbe imperii. M.: Institut rossijskoj istorii RAN, 2015. 255 s.

19. Xabibullina Yu. Z. Istoricheskie usloviya razvitiya semejnogo prava v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2018. № 44-3. S. 63–66.

20. Chibirikova S. N. Kollizionnoe regulirovanie zaklyucheniya i rastorzheniya braka // Byulleten` nauki i praktiki / Bulletin of Science and Practice. 2019. T. 5, № 2. S. 263–267.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024;
одобрена после рецензирования: 15.07.2024;
принята к публикации: 19.07.2024.

The article was submitted: 02.07.2024;
approved after reviewing: 15.07.2024;
accepted for publication: 19.07.2024.

УДК 343.195

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-41-47

М. М. Степанов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
stepanovtao@mail.ru

СУД И КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении и раскрытии особенностей карательной политики, осуществлявшейся судебными органами в первые годы советской власти. Основным методом исследования стал историко-правовой метод, который позволил рассмотреть становление и развитие советской судебной карательной политики. Сделан вывод о том, что карательная политика, проводимая судебными органами в первые годы советской власти, отличалась рядом особенностей.

Ключевые слова: Гражданская война; советская власть; суд; трибунал; судебная карательная политика; репрессии; смертная казнь.

UDC 343.195

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-41-47

M. M. Stepanov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
stepanovtao@mail.ru

COURT AND PUNITIVE POLICY IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

Abstract. The purpose of the study is to identify and reveal the peculiarities of punitive policy implemented by the judiciary in the early years of Soviet power. The main research method was the historical-legal method, which made it possible to consider the formation and development of Soviet judicial punitive policy. It is concluded that the punitive policy pursued by the judiciary in the first years of Soviet power was characterized by a number of special features.

Keywords: Civil war; Soviet power; court; tribunal; judicial punitive policy; repression; death penalty.

Введение

Судебная система играет важнейшую роль в реализации уголовно-правовой политики любого государства. При этом в России суд является не только правоприменительным органом, осуществляющим судебную уголовную политику, но и непосредственно участвует в ее разработке. В соответствии с Основным законом страны Конституционный суд Российской Федерации и Верховный суд Российской Федерации обладают правом законодательной инициативы и могут вносить предложения о совершенствовании отечественного, в том числе уголовного, законодательства.

Все изложенное свидетельствует об актуальности проведения исследований проблематики судебной уголовной политики в Российской Федерации, в том числе в историческом ракурсе. В этой связи особый интерес вызывает период первых лет советской власти, когда в условиях Гражданской войны создавалась отечественная судебная система, сыгравшая важную роль в осуществлении карательной политики Советского государства.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составил ряд общенаучных и частнонаучных методов. Среди них выделяется историко-правовой метод, который стал основным. С его помощью исследуется становление и развитие судебной карательной политики в первые годы советской власти. Также использовались подходы, характерные для постклассической юридической науки [8].

Основное исследование

Организационно-правовые основы создания и деятельности советских судебных органов

После Октябрьской революции 1917 года в России началось проведение социалистических преобразований. Законодательство этого периода отличалось рядом особенностей [4; 7; 10; 11; 14], а государственная политика в сфере уголовного наказания была чрезвычайно гуманной. Смертная казнь была отменена. Местные суды, созданные в ноябре 1917 года, могли налагать наказание не свыше двух лет лишения свободы. И только в июле 1918 года они получили право лишать свободы на срок до пяти лет.

Революционные трибуналы, также созданные в ноябре 1917 года, не получили серьезных репрессивных полномочий. Например, одним из применяемых ими уголовных наказаний стало объявление общественного порицания.

И это при том, что трибуналы были призваны рассматривать наиболее тяжкие, в том числе контрреволюционные, преступления. Самым суровым видом наказания, которое они могли налагать, являлось лишение свободы, которое применялось на срок до десяти лет [2, с. 26].

Мягкость наказаний, применявшихся местными судами и революционными трибуналами в первые месяцы советской власти, не отвечала потребностям борьбы с преступностью в годы Гражданской войны. Поэтому в дальнейшем произошло ужесточение их карательной политики, в числе прочего позволившее применять революционным трибуналам смертную казнь. Это право им было предоставлено в июне 1918 года и периодически подтверждалось в дальнейшем.

Особое место в осуществлении карательной политики Советского государства занимали революционные военные трибуналы, которые повсеместно начали создаваться в Красной армии с осени 1918 года [3, с. 3]. Основной целью их учреждения стало повышение дисциплины военнослужащих и боеспособности воинских подразделений посредством применения уголовной репрессии. Правовая основа их организации и деятельности была сформирована в начале 1919 года [6, с. 92].

Революционные военные трибуналы рассматривали все уголовные дела на фронте. Кроме того, в связи с отсутствием в прифронтовой полосе других судебных органов они осуществляли правосудие и в этой местности. При этом, поскольку они не были чем-либо ограничены в определении меры наказания и могли применять смертную казнь, осуществляемая ими карательная политика являлась наиболее суровой по сравнению с деятельностью других судебных институтов в годы Гражданской войны.

В ночь с 29 на 30 декабря 1918 года в Советской России было введено военное положение на всей сети железных дорог. Это стало причиной создания революционных военных железнодорожных трибуналов, которые рассматривали дела о преступлениях железнодорожных служащих, связанных с их профессиональной деятельностью. Кроме того, эти трибуналы получили право судить любого человека, совершившего преступление в полосе отчуждения железных дорог. В качестве наказания они могли применить расстрел.

Результаты карательной политики, проводимой советскими судебными органами в годы Гражданской войны

Первоначально приговоры и местных (народных) судов, и революционных трибуналов были чрезвычайно мягкими. При рассмотрении уголовных дел в народных судах преобладали меры наказания, не связанные с лишением свободы. Так, в Москве местные народные суды в течение января – июня 1918 года вынесли приговоры, в соответствии с которыми на каждые 100 осужденных было приговорено: к штрафу — 54, к тюремному заключению и аресту — 40, к общественным работам и высылке — 2, к общественному порицанию и выговорам —

4 человека [6, с. 45]. Подобная тенденция наблюдалась и во второй половине 1918 года, а также в течение всего 1919 года [2, с. 26, 28].

Однако к концу Гражданской войны карательная политика народных судов была несколько ужесточена, возросло количество лиц, осужденных к лишению свободы [6, с. 76].

Приговоры революционных трибуналов первоначально были такими же мягкими. Так, 10 декабря 1917 года Петроградский революционный трибунал рассмотрел свое первое дело по обвинению С. В. Паниной в саботаже. Она была признана виновной, при этом мерой наказания для нее стало предание общественному порицанию. Сходными были и другие приговоры, вынесенные этим трибуналом в первые месяцы советской власти [9, с. 68].

Смертная казнь стала применяться трибуналами только со второй половины 1918 года. Революционный трибунал при ВЦИК впервые приговорил к расстрелу в июне 1918 года, а Московский трибунал — в конце 1918 года [5, с. 67]. Однако были и исключения. Иркутский революционный трибунал уже 5 января и 14 июня 1918 года применил в качестве меры наказания смертную казнь [13, с. 96–97].

В первой половине 1919 года революционные трибуналы приговорили к лишению свободы 50 % осужденных, а к расстрелу — 14 человек [2, с. 28].

В 1920 году, по данным из 45 губерний, наиболее распространенным видом наказания, применяемым трибуналами, стало лишение свободы (в том числе условно), к нему было приговорено около 71 % осужденных. Смертная казнь была назначена менее чем 3,4 % осужденных [1, с. 74].

Совершенно иную карательную политику проводили военно-революционные трибуналы. Они выносили достаточно суровые приговоры, нередко применяя в виде наказания смертную казнь. По этому поводу председатель Революционного военного трибунала К. Х. Данишевский писал: «...такие приговоры, как расстрел, не могут считаться наказанием. Это просто физическое уничтожение врага рабочего класса» [3, с. 40].

Иногда к расстрелу приговаривались не только конкретные виновные, но и, например, каждый десятый, а иногда и каждый пятый из провинившегося воинского подразделения. Однако, как правило, такие приговоры не приводились в исполнение, а играли роль своеобразного устрашения, повышая дисциплину красноармейцев.

Рассматривая карательную политику советских судебных органов в годы Гражданской войны, следует отметить, что количество случаев применения смертной казни относительно общего количества рассматриваемых дел было весьма невелико. Это было обусловлено тем, что правом приговаривать к смертной казни обладали только трибуналы, в которые попадало незначительное количество дел (в 1920 году революционные трибуналы рассмотрели 2 % дел, революционные военные трибуналы — 14 % дел) [12, с. 12].

За период с января по август 1920 года, по данным К. Х. Данишевского, к расстрелу революционными военными трибуналами было приговорено

3402 человека. Причем их число к общему количеству осужденных составляло: в январе — 2,9 %; в феврале — 1,6 %; в марте — 2,2 %; в апреле — 4,2 %; в мае — 10,5 %; в июне — 20,3 %; в июле — 25,5 %; в августе — 32,8 % [3, с. 43].

Таким образом, все вышеуказанное позволяет говорить о том, что в годы Гражданской войны судебная репрессия «чаще была мягкой, нежели излишне суровой» [2, с. 28].

Результаты исследования

Судебная система является неотъемлемым атрибутом государственности. Не стала исключением и Советская Россия, которая с ноября 1917 года начала создавать свою систему судебных органов, при этом одновременно полностью разрушив дореволюционную. Карательная политика, проводимая новыми судебными органами в первые годы советской власти, отличалась рядом особенностей. К ним следует отнести следующее:

1) мягкость уголовной репрессии. Первоначально смертная казнь в Советской России была отменена. Местные (народные) суды, рассматривавшие подавляющее большинство дел, осуществляли гуманную карательную политику, основу которой составляли меры наказания, не связанные с реальным лишением свободы;

2) правом применения расстрела в период эскалации Гражданской войны были наделены только чрезвычайные судебные органы — трибуналы. При этом подавляющее большинство смертных приговоров выносилось на фронте, в прифронтной полосе и на территориях, где вводилось чрезвычайное положение;

3) в деятельности чрезвычайных судебных органов применение смертной казни не стало массовым явлением. Расстрел применялся к незначительному количеству лиц, совершивших наиболее тяжкие преступления и не заслуживающих снисхождения.

В заключение следует отметить, что смертная казнь — это исключительный вид наказания, являющийся пережитком прошлого в современном цивилизованном обществе, демократическом правовом государстве. Ограниченность ее применения стала несомненным достижением нашего времени. При этом, исследуя другие исторические периоды, необходимо исходить из конкретных условий жизни социума, определявших и отношение к смертной казни. В годы Гражданской войны приоритетом советской государственной политики являлась победа на ее фронтах. В связи с этим страна превратилась в единый военный лагерь. Широкое распространение получили чрезвычайные, репрессивные меры. Введение смертной казни в Советской России было необходимо для повышения дисциплины в Красной армии, обеспечения крепкого надежного тыла, обуздания разгула преступности. При этом даже в этих условиях советские судебные органы проводили достаточно гуманную карательную политику.

Список источников

1. Гернет М. Н. Преступность за границей и в СССР. М.: Советское законодательство, 1931. 186 с.
2. Голяков И. Т. Советский суд. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.
3. Данишевский К. Х. Революционные военные трибуналы. М.: Издание Реввоен-трибунала Республики, 1920. 62 с.
4. Ефремова Н. Н. Развитие конституционных основ правосудия в России (историческая ретроспектива) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Юридические науки». 2014. № 2. С. 31–37.
5. Исаев М. М. Общая часть уголовного права РСФСР. Л.: Госиздат, 1925. 199 с.
6. Кожевников М. В. История советского суда. М.: Юриздат, 1948. 376 с.
7. Пашенцев Д. А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 5–13.
8. Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия: «Юридические науки». 2022. № 1 (45). С. 16–22. DOI: 10.25688/2076-9113.2022.45.1.02
9. Портнов В. П., Славин М. М. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М.: Наука, 1990. 166 с.
10. Степанов М. М. Особенности систематизации правовых норм в первые годы советской власти // Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.): сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2021. С. 177–183.
11. Степанов М. М. Особенности систематизации уголовного законодательства России в первые годы советской власти // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2020. С. 217–226.
12. Тарновский Е. Движение преступности в пределах РСФСР // Пролетарская революция и право. 1921. № 15. С. 3–13.
13. Хачатуров Р. Л. Создание революционных трибуналов в Восточной Сибири // Вопросы теории права и государственного строительства: сборник статей. Вып. 1 / ред. А. И. Ким [и др.]. Томск: Издательство Томского университета, 1978. С. 96–97.
14. Черногор Н. Н., Пашенцев Д. А. Октябрьская революция и эволюция российского права // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 5–13.

References

1. Gernet M. N. Prestupnost' za granicej i v SSSR. M.: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1931. 186 s.
2. Golyakov I. T. Sovetskij sud. M.: Gosyurizdat, 1958. 183 s.
3. Danishevskij K. X. Revolyucionny'e voenny'e tribunaly'. M.: Izdanie Revvoentribunala Respubliki, 1920. 62 s.
4. Efremova N. N. Razvitie konstitucionny'x osnov pravosudiya v Rossii (istoricheskaya retrospektiva) // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Yuridicheskie nauki». 2014. № 2. S. 31–37.

5. Isaev M. M. *Obshhaya chast' ugolovnoho prava RSFSR*. L.: Gosizdat, 1925. 199 s.
6. Kozhevnikov M. V. *Istoriya sovetskogo suda*. M.: Yurizdat, 1948. 376 s.
7. Pashencev D. A. Kodifikatsiya kak instrument konstruirovaniya sistemy zakonodatel'stva v nachal'ny'j period sovetskogo gosudarstva (k 100-letiyu pervy'x sovetskikh kodeksov) // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2018. № 11. S. 5–13.
8. Pashencev D. A. Konstruktivizm v sovremennoj yuridicheskoy nauke // *Vestnik MGPU. Seriya: «Yuridicheskie nauki»*. 2022. № 1 (45). S. 16–22. DOI: 10.25688/2076-9113.2022.45.1.02
9. Portnov V. P., Slavin M. M. *Stanovlenie pravosudiya Sovetskoy Rossii (1917–1922 gg.)*. M.: Nauka, 1990. 166 s.
10. Stepanov M. M. Osobennosti sistematizatsii pravovy'x norm v pervy'e gody sovetskoy vlasti // *Sistematizatsiya zakonodatel'stva v fokuse istoriko-pravovoy nauki (k 470-letiyu prinyatiya Sudebnika 1550 g.): sbornik nauchny'x trudov / pod obshh. red. D. A. Pashenceva*. M.: IZiSP: INFRA-M, 2021. S. 177–183.
11. Stepanov M. M. Osobennosti sistematizatsii ugolovnoho zakonodatel'stva Rossii v pervy'e gody sovetskoy vlasti // *Sistematizatsiya zakonodatel'stva i dinamika istochnikov prava v istoricheskoy retrospektive (k 370-letiyu Sobornogo ulozheniya): sbornik nauchny'x trudov / pod obshh. red. D. A. Pashenceva*. M.: IZiSP: INFRA-M, 2020. S. 217–226.
12. Tarnovskij E. *Dvizhenie prestupnosti v predelax RSFSR* // *Proletarskaya revolyutsiya i pravo*. 1921. № 15. S. 3–13.
13. Xachaturov R. L. *Sozdanie revolyucionny'x tribunalov v Vostochnoy Sibiri* // *Voprosy teorii prava i gosudarstvennogo stroitel'stva: sbornik statej. Vy'p. 1 / red. A. I. Kim [i dr.]*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1978. S. 96–97.
14. Chernogor N. N., Pashencev D. A. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i e'volutsiya rossijskogo prava* // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2017. № 10. S. 5–13.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024;
одобрена после рецензирования: 15.07.2024;
принята к публикации: 19.07.2024.

The article was submitted: 02.07.2024;
approved after reviewing: 15.07.2024;
accepted for publication: 19.07.2024.

УДК 342.7

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-48-60

Е. Е. Никитина

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
const@izak.ru

А. Е. Помазанский

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
const@izak.ru

ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРАВ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье изучен генезис национально-культурных прав в России. Представлен вывод о том, что данная группа прав по своей правовой природе является проявлением свободы личности в национально-культурной сфере, носит смешанный характер, обусловленный конвергенцией культурных прав человека и права наций на самоопределение. Особое внимание уделено советскому периоду развития национально-культурных прав, на протяжении которого были выработаны правовые подходы к пониманию, содержанию и регулированию рассматриваемой группы прав. Выделены отдельные направления в развитии механизма защиты национально-культурных прав: модернизация регулирования национально-культурных автономий и национально-культурных объединений, влияние цифровизации на реализацию и защиту данной группы прав. Авторы полагают, что задействование всего потенциала механизма защиты национально-культурных прав, в том числе его региональных компонентов, позволит существенно повысить правовые гарантии реализации прав и свобод человека.

Ключевые слова: национально-культурные права; механизм защиты прав; советская доктрина прав человека; культурные права; государственная национальная политика; цифровизация прав.

UDC 342.7

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-48-60

E. E. Nikitina

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
const@izak.ru

A. E. Pomazanskiy

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
const@izak.ru

PROTECTION OF NATIONAL CULTURAL RIGHTS: DIRECTION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Abstract. The article examines the genesis of national cultural rights in Russia. It is concluded that this group of rights by its legal nature is a manifestation of individual freedom in the national cultural sphere, has a mixed nature, due to the convergence of human cultural rights and the right of nations to self-determination. Particular attention is paid to the Soviet period of development of national cultural rights, during which legal approaches to the understanding, content and regulation of the group of rights in question were developed. Certain areas in the development of the mechanism for the protection of national cultural rights are highlighted: modernization of the regulation of national cultural autonomies and national cultural associations, the impact of digitalization on the implementation and protection of this group of rights. The authors believe that using the full potential of the mechanism for the protection of national cultural rights, including its regional components, will significantly increase the legal guarantees for the implementation of human rights and freedoms.

Keywords: national cultural rights; human rights protections; the Soviet doctrine of human rights; cultural rights; state nationalities policy; digitalization of rights.

Введение

Одной из значимых задач обеспечения межнационального согласия в России и укрепления единства современного российского общества является создание условий для реализации национально-культурных прав граждан Российской Федерации. Данные права являются основой самоидентификации для каждого человека и обуславливают создание особого механизма их охраны и защиты. Надлежащее функционирование такого механизма обеспечивается за счет применения высоких стандартов защиты прав, значение которых возрастает в периоды сложных общественных трансформаций и политической нестабильности в мире.

Методы исследования

При проведении исследования были применены методы анализа и синтеза, историко-правовой и формально-юридический методы, методы прогнозирования, классификации и другие инструменты получения научного знания.

Основное исследование

Для анализа особенностей механизма защиты национально-культурных прав человека важным является их точное выделение из общего конституционно-правового статуса человека. Вопрос о том, какие конкретно права человека можно отнести к правам в национально-культурной сфере, является открытым и дискуссионным. Термин «национально-культурные права» не употребляется в нормативных правовых актах, решениях судебных органов и носит доктринальный характер¹. В конституционно-правовой доктрине в последнее время часто выделяются отдельные группы прав, связанные с их реализацией в определенной области деятельности. В качестве примера можно указать на экологические права², которые существуют в сфере взаимоотношений человека, общества и природы.

Такое выделение отдельных групп прав человека обусловлено как необходимостью доктринального осмысления специфики их правовых характеристик, так и практическими потребностями. В частности, рассматриваемые группы прав человека могут нуждаться в особых средствах защиты, связанных с наличием общих правовых признаков, на основании которых происходит их обособление в рамках системы прав человека. Это касается и национально-культурных прав человека.

Сложность определения полного перечня рассматриваемых прав связана с двумя факторами: правовой природой самих прав человека и степенью разработанности научной доктрины национально-культурных прав.

Первый из названных факторов связан с важнейшей особенностью системы прав человека, которая заключается в их органическом единстве. Такое понимание прав человека вытекает из документов Организации Объединенных Наций, принятых в рамках ее деятельности³. В рамках доктрины прав человека

¹ В научной литературе термин «национально-культурные права» используется ведущими учеными, занимающимися исследованиями по соответствующей тематике [1, с. 299; 12]. Т. Я. Хабриева использует понятие «национальные права» [17, с. 7].

² Экологические права — это общепризнанные и закрепленные в законодательстве права, обеспечивающие удовлетворение разнообразных потребностей индивида в процессе взаимодействия с природой [11].

³ Единство системы прав подразумевает их универсальность, неделимость, взаимосвязанность и взаимозависимость. См.: Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы 1998 г.: принята резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/defender.shtml (дата обращения: 08.05.2024).

сформулированы концепции, обосновывающие всю систему прав человека существованием единого фундаментального права, например религиозной свободы личности [9, с. 45–60], равенства [8, с. 12], свободы [5, с. 84–123]. В частности, по мнению Н. В. Варламовой, права человека разных поколений представляют собой «различные способы выражения, упорядочения и защиты притязаний на свободу» [4, с. 158]. Из данного единства следует, что различные классификации прав человека носят условный характер. Выделение отдельных групп прав всегда относительно, поскольку реализация одних прав непосредственным образом связана с правами, которые входят в иные обособленные группы. Например, право на образование может реализовываться в группе культурных (право на художественное образование), национальных (право на обучение на родном языке) или экономических прав (оказание негосударственных образовательных услуг) и т. д.

Второй фактор обусловлен неопределенностью перечня национально-культурных прав в российской правовой доктрине.

Вместе с тем рассматриваемые права человека в России, объединяющей в рамках своей государственности множество наций, всегда имели принципиальное значение. Такой вывод можно сделать из ретроспективного анализа развития данной группы прав в России. Исследуя генезис национально-культурных прав в советский период, ставший решающим для их развития, можно выделить два изначальных процесса, в результате объединения которых сформировалась рассматриваемая группа прав:

- развитие коллективных прав национальных сообществ;
- формирование прав человека, которые реализуются в области культуры.

В Декларации прав народов России⁴ впервые были зафиксированы коллективные права национальных сообществ. Рассматриваемые права в большинстве своем не формулировались в качестве индивидуальных прав представителей соответствующих национальностей и, следовательно, не могли защищаться правовыми средствами. С точки зрения советской доктрины в этом не было необходимости, поскольку они гарантировались передачей политической власти народу, представленному различными нациями, и материальными условиями социалистического общества — общественной собственностью на средства производства. Был закреплен запрет дискриминации по национальному признаку (ст. 22 Конституции РСФСР 1918 г.). Конституция РСФСР 1925 г. гарантировала право за отдельными национальностями на выделение в автономные советские социалистические республики и области. Значительным событием в формировании национально-культурных прав явилось закрепление права, которое является основой прав человека в рассматриваемой сфере, — права на пользование родным языком в качестве индивидуального права личности (ст. 13). В Конституции РСФСР 1937 г. также содержалась формулировка

⁴ Декларация прав народов России: утверждена Советом народных комиссаров РСФСР 2 ноября 1917 г. // КонсультантПлюс.

о запрете дискриминации личности по национальному признаку. Кроме того, важным конституционным обеспечением правового равенства граждан было закрепление права использования национального языка в судопроизводстве.

В отечественном законодательстве одновременно с закреплением национальных прав происходило формирование нового вида прав личности — культурных прав. Право на полное, всестороннее и бесплатное образование было закреплено в Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции РСФСР 1925 г. В нормах Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г. (ст. 121 и ст. 125, соответственно) право на образование получило развернутое содержание. В Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. содержание права на образование получило дополнительное наполнение: в частности, устанавливалось самостоятельное право советских граждан на бесплатные учебники.

Существенное изменение в правовом положении личности в рассматриваемой сфере произошло за счет расширения перечня культурных прав: к уже существующему праву на образование, в том числе на родном языке, добавились право на возможность пользоваться родным языком и языками других народов СССР, право на пользование достижениями культуры и свобода творчества. Право на использование родного языка появилось как гарантия реализации принципа равенства вне зависимости от принадлежности человека к какой-либо расе или национальности (ст. 36 Конституции СССР 1977 г. и ст. 34 Конституции РСФСР 1978 г.).

Специфика формирования национально-культурных прав в России отражается в правовых характеристиках рассматриваемой группы прав. Существенной особенностью национально-культурных прав является возможность реализации многих из них в коллективной форме. Вместе с тем выделение коллективных прав продолжает оставаться предметом дискуссий⁵. В отличие от индивидуальных прав именно коллективные права обеспечивают специфические интересы народов (этнических общностей) и характеризуются коллективной формой их реализации.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации к указанной группе можно отнести следующие права: на образование (ст. 43); свободу творчества (ч. 1 ст. 44); участие в культурной жизни (ч. 2 ст. 44); свободный доступ к культурным ценностям и учреждениям культуры (ч. 2 ст. 44). Однако преломление данных культурных прав через право на национальную идентичность личности (ч. 1 ст. 26) дает дополнительный перечень соответствующих конституционных прав: выбор и использование родного языка (ч. 2 ст. 26), его сохранения, создание условий для его изучения и развития (ч. 3 ст. 68); охрана и поддержка национальной культуры и культурной самобытности (ч. 4 ст. 68 и ст. 69);

⁵ Н. В. Варламова полагает, что коллективные права наций не являются общепризнанными, четко определенными и безусловно гарантируемыми и представляют собой «попытку юридизировать отношения между социальными общностями, прежде всего этническими, придать им правовой характер» [6, с. 17].

свобода объединения с целью сохранения национальной культуры и культурной самобытности (ст. 30). Гарантиями соответствующих прав выступают положения о запрете дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 19), национального, религиозного или языкового превосходства (ст. 29), о запрете разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13). Таким образом, анализ конституционных положений показывает, что основой национально-культурных прав является группа культурных прав.

Перечисленные выше конституционные права человека являются основными правами. Их содержание раскрывается через комплекс иных прав, реализуемых в национально-культурной сфере. Например, право на участие в культурной жизни общества непосредственно связано с правом на участие в выявлении, изучении, использовании, актуализации, сохранении и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния⁶. Указанные основные права и раскрывающие их содержание иные права в рассматриваемой сфере составляют группу национально-культурных прав в Российской Федерации⁷.

Механизм защиты национально-культурных прав человека в целом представляет собой комплексный юридический феномен. Отдельные его элементы находятся в фокусе внимания различных отраслей научного знания, включая политологию, философию, культурологию, социологию, право и другие отрасли. Однако именно правовые элементы создают необходимую основу для осуществления деятельности в сфере защиты национально-культурных прав личности.

Как правило, механизм защиты прав определяется как «система правовых средств, при помощи которой обеспечивается восстановление нарушенных субъективных прав, разрешение правовых споров и устранение иных препятствий в реализации субъективного права» [2, с. 274; 3, с. 172]. В то же время существуют и иные подходы к раскрытию содержания рассматриваемого понятия [7, с. 7].

⁶ О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации: Федеральный закон от 20 октября 2022 года № 402-ФЗ. Ст. 11. П. 2 // КонсультантПлюс.

⁷ В частности, Т. Я. Хабриева выделяет следующие права в рассматриваемой области (субъектом которых являются национально-культурные автономии): право сохранять и обогащать историческое и культурное наследие, иметь свободный доступ к ценностям национальных культур; содействовать возрождению и развитию художественных народных промыслов и ремесел; создавать образовательные и научные учреждения, учреждения культуры и обеспечивать их функционирование в соответствии с законодательством РФ; образовывать негосударственные (общественные) дошкольные учреждения или группы в таких учреждениях с воспитанием на национальном языке; создавать негосударственные (общественные) образовательные учреждения (общеобразовательные; начального, среднего и высшего профессионального образования) на национальном языке; разрабатывать учебные программы, издавать учебники, методические пособия, другую литературу, необходимые для обеспечения права на получение образования на национальном (родном) языке и др. [15, с. 18].

Классификация механизмов защиты национально-культурных прав человека может проводиться по многим параметрам. В литературе представлено несколько оснований для типизации механизмов защиты прав человека, в частности, можно выделить следующие механизмы: государственный и негосударственный, международный и национальный, общий и специальный, федеральный и региональный, судебный и внесудебный и т. д. Такое разделение может быть проведено и в отношении национально-культурных прав человека. Это связано с тем, что в целом в рассматриваемой сфере используется широкий перечень различных форм и средств защиты рассматриваемых прав человека.

В Конституции Российской Федерации закреплены нормы, которые можно отнести к общему механизму защиты прав личности. Согласно положениям ст. 2 и ст. 18 Конституции Российской Федерации государство в целом обязано соблюдать, признавать и защищать права и свободы человека и гражданина. Президент Российской Федерации (ст. 80), Правительство Российской Федерации (подп. «в.» и «е» ч. 1 ст. 114), Конституционный суд Российской Федерации (ст. 125) и судебная система в целом (ч. 1 ст. 46), Прокуратура Российской Федерации (ст. 129) указаны в качестве органов государства, гарантирующих их осуществление. На уровне субъекта Российской Федерации наряду с общегосударственным механизмом защиты прав и свобод человека формируются и действуют дополнительные механизмы соответствующей защиты. Рассматриваемый механизм в одном субъекте Российской Федерации может существенно отличаться [10, с. 3] от его аналога в другом субъекте Российской Федерации.

Функционирование механизма защиты национально-культурных прав происходит не только в рамках деятельности органов государства, реализация части форм защиты может осуществляться гражданским обществом самостоятельно. Это связано с тем, что деятельность институтов гражданского общества в целом направлена на реализацию и защиту прав человека. Деятельность многих объединений граждан носит правозащитный характер, целью их создания является помощь лицам, которые нуждаются в поддержке и защите их прав, включая и национально-культурные права.

С учетом особенности правовой природы национально-культурных прав человека можно выделить две основные группы способов их защиты: государственные и негосударственные формы защиты. Государственные формы защиты национально-культурных прав человека, в свою очередь, можно разделить на судебные и несудебные способы защиты. К несудебным формам относится, например, участие представителей коренных малочисленных народов Российской Федерации в законодательной и иной деятельности органов публичной власти по вопросам, связанным с их правами⁸. В судебном механизме защиты национально-культурных прав важное место занимают решения и правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации.

⁸ О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ. Ст. 8. Ч. 1. П. 5 // КонсультантПлюс.

К негосударственным формам защиты национально-культурных прав человека можно отнести те из них, которые осуществляются субъектами, не имеющими организационного единства с органами публичной власти: в частности, к ним относится правозащитная деятельность институтов гражданского общества, общественный контроль и самозащита. В определенном смысле независимую от государства защиту прав человека обеспечивают Общественная палата Российской Федерации, уполномоченные по правам коренных малочисленных народов иные аналогичные институты.

Особый интерес представляют собой специальные государственные формы защиты национально-культурных прав с учетом их правовых особенностей. К числу особых форм защиты как коллективных, так и индивидуальных национальных прав в Российской Федерации можно отнести гарантии деятельности особых форм объединений граждан, созданных с целями защиты их национально-культурных прав: общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и национально-культурных автономий⁹.

Современное совершенствование форм защиты национально-культурных прав развивается в разных направлениях. В 2020 году в Конституцию Российской Федерации были включены новые правовые гарантии обеспечения национально-культурной самобытности и языкового многообразия (ст. 69). Данные положения стали стимулом для поиска их новых форм. Вместе с тем не все предложения, направленные на развитие данного механизма, можно считать удачными. В частности, одно из направлений связано с реформированием объединений граждан, целями которых является защита их национально-культурных прав, более строгое структурирование их системы. Например, один из законопроектов¹⁰ предусматривал наравне с национально-культурными автономиями выделение национально-культурных объединений с аналогичным правовым статусом. Правовой статус национально-культурного объединения повторяет права национально-культурных автономий вплоть до мелочей. Например, закреплялось право национально-культурных объединений создавать частные образовательные и научные организации, средства массовой информации и т. д. и даже учреждать награды (почетные звания, медали и знаки отличия) и иные виды поощрения за личные и коллективные заслуги.

Следует отметить, что особый правовой статус национально-культурной автономии непосредственно связан с правом нации на самоопределение. В советской науке данное право связывалось с доктриной политической автономии для наций, пожелавших остаться в рамках другого государства [14, с. 216]. Политическая

⁹ Способом сохранения социально-культурной идентичности российского казачества является государственная защита и поддержка казачьих обществ, регулируемая на основе Федерального закона от 5 декабря 2005 года № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества».

¹⁰ См., напр.: проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „О национально-культурной автономии“» (подготовлен ФАДН России, ID проекта 01/05/05-23/00138341) // КонсультантПлюс.

автономия предполагала, что соответствующая национально-территориальная единица самостоятельно осуществляет публичную власть на своей территории в пределах, установленных конституцией или законодательством государства.

В современном международном праве право на самоопределение подразумевает наделение такого объединения лиц, относящихся к национальному меньшинству, правом участия в принятии государственными органами решений, связанных в том числе с реализацией и защитой национально-культурных прав. Данная позиция согласуется и с содержанием статьи 15 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств 1995 г.¹¹

В отношении рассматриваемой инициативы об установлении единого статуса для национально-культурных объединений необходимо отметить, что ее реализация может привести к ухудшению правового положения национально-культурных автономий: в отношении их организации и деятельности будут действовать многочисленные законодательные ограничения, по сравнению с требованиями к национально-культурным объединениям, при равенстве прав национально-культурных объединений и национально-культурных автономий. Можно указать на риск сокращения или прекращения деятельности большинства национально-культурных автономий, если соответствующие законодательные изменения будут осуществлены.

Рассматривая основные тренды развития обеспечительных механизмов национально-культурных прав, нельзя обойти вниманием интенсификацию и нарастание использования информационно-телекоммуникационных технологий в различных секторах социальной и правовой жизни общества. Сказанное в равной степени применимо и для защиты национально-культурных прав. В данном контексте уместно напомнить, что в юридической литературе в настоящий момент преобладает понимание того, что процессы цифровизации не приводят к возникновению новых прав, а всего лишь создают дополнительные возможности реализации уже существующих. По справедливой оценке Т. Я. Хабриевой, происходящие процессы лишь создают иллюзию возникновения нового вида прав — цифровых [16, с. 6], следует вести речь об их конкретизации. С. А. Сеницын обоснованно утверждает, что виртуальное пространство только предоставляет человеку новые возможности социальной коммуникации, человек продолжает оставаться в сфере общественных отношений [13, с. 17].

Признание идентичности содержания прав человека в различных измерениях, впрочем, не означает равномерного нормативного внедрения механизмов их реализации в цифровой среде. Как показывает регулятивная и правоприменительная практика применения информационных коммуникационных технологий, степень их использования в механизме реализации отдельных видов прав далеко не одинакова. Отчетливо проявляются сферы общественных отношений, в которых разработка и использование цифровых решений активно стимулируется

¹¹ Конвенция ратифицирована Российской Федерацией в соответствии с Федеральным законом от 18 июня 1998 года № 84-ФЗ «О ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств».

государством посредством создания необходимой технологической инфраструктуры с одновременным законодательным оформлением новых правоотношений. Отмечается рассогласованность и временное несовпадение процессов становления цифрового общества и создания эффективных социальных, в первую очередь правовых, регуляторов для новой реальности [18, с. 1075].

В силу своей юридической природы национально-культурные права имеют вполне определенную и естественную привязку к субъектам Российской Федерации, образованным по национальному признаку. Соответственно, именно в этих регионах можно отыскать примеры активного задействования современных информационных телекоммуникационных технологий для повышения уровня гарантий реализации национально-культурных прав. При этом необходимо указать, что сохраняющийся субсидиарный характер применения достижений цифровизации для системы прав человека, в данном случае национально-культурных прав, допускает значительную степень усмотрения органов публичной власти при принятии конкретных мер.

Указанные обстоятельства во многом приводят к тому, что регулирование использования информационных телекоммуникационных технологий, направленных на создание жителям субъектов Российской Федерации дополнительных возможностей в области национально-культурных прав, носит подзаконный характер, а в отдельных случаях приобретает форму индивидуальных распорядительных актов органов публичной власти в отличие от федерального уровня, где такая регламентация облекается в форму стабильных законодательных решений.

В качестве примера практической реализации первого из обозначенных подходов можно указать постановление Правительства Республики Бурятия от 28 декабря 2020 г. № 816 «Об утверждении Государственной программы Республики Бурятия „Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия“». В указанном документе предусматриваются отдельные практические меры по внедрению новых технологий для реализации права на изучение и использование родного языка данного субъекта Российской Федерации.

Альтернативный подход был применен в Чувашии в 2023 году. Благодаря решению высшего исполнительного органа государственной власти были созданы курсы по изучению национального языка в режиме онлайн на платформе Сбербанка Edutoria¹².

Результаты исследования

Исследование вопроса о механизме защиты национально-культурных прав позволяет сделать следующие выводы. В России национально-культурные права, непосредственным образом связанные с генезисом российской государственности,

¹² URL: <https://tass.ru/obschestvo/18201699>

на протяжении длительного периода времени продолжают оставаться важнейшей составляющей правового статуса человека. Реализация данной группы прав является практическим воплощением свободы личности в национально-культурной сфере, носит комплексный характер, обусловленный конвергенцией культурных прав человека и права наций на самоопределение. Основной особенностью рассматриваемой группы прав является наличие в их составе коллективных прав, что влечет преимущественно коллективный характер их реализации. Данная особенность должна получить необходимую корреляцию с инструментами защиты при совершенствовании федерального законодательства. Общефедеральный механизм защиты национально-культурных прав дополняют региональные формы, которые могут более гибко учитывать национальную структуру населения субъектов Российской Федерации. Доступность инструментов реализации национально-культурных прав на региональном уровне может быть усилена путем более активного использования цифровых технологий.

Список источников

1. Андриченко Л. В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М.: Городец, 2005. 384 с.
2. Бутнев В. В. Механизм защиты субъективных прав // *Lex Russica*. 2014. № 3. С. 274–283.
3. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. 360 с.
4. Варламова Н. В. Классификация прав человека: подходы к проблеме // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2009. № 4 (71). С. 152–166.
5. Варламова Н. В. Принципиальное единство права и прав человека // *Труды Института государства и права РАН*. 2018. Т. 13, № 4. С. 83–124.
6. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // *Труды Института государства и права РАН*. 2019. Т. 14, № 4. С. 9–46.
7. Гончарова Н. В. Механизм защиты прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011. 22 с.
8. Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
9. Еллинек Г. Декларация права человека и гражданина / пер. с нем. А. Э. Вормса. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1905. 81 с.
10. Еремеева Е. А. Механизм защиты прав и свобод человека и гражданина: понятие, структура, непосредственное действие // *Конституционное и муниципальное право*. 2011. № 2. С. 2–4.
11. Иванец Г. И., Калинин И. В., Червонюк В. И. Конституционное право России: энциклопедический словарь / под общ. ред. В. И. Червонюка. М.: Юридическая литература, 2002. 432 с.
12. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 1007 с.

13. Синицын С. А. Личные неимущественные права и безопасность человека в виртуальном пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 13–24.
14. Советское государственное право: учебник для юридических вузов / под ред. Е. И. Козловой, В. С. Шевцова. М.: Высшая школа, 1978. 439 с.
15. Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2003. 256 с.
16. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
17. Хабриева Т. Я. Правовые и организационные основы национально-культурной автономии в Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 7. С. 7–16.
18. Шахрай С. М. Цифровая Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 12. С. 1075–1082.

References

1. Andrichenko L. V. Regulirowanie i zashhita prav nacional'ny'x men'shinstv i korenny'x malochislenny'x narodov v Rossijskoj Federacii. M.: Gorodecz, 2005. 384 s.
2. Butnev V. V. Mexanizm zashhity' sub`ektivny'x prav // Lex Russica. 2014. № 3. S. 274–283.
3. Vavilin E. V. Osushhestvlenie i zashhita grazhdanskix prav. M.: Volters Kluver, 2009. 360 s.
4. Varlamova N. V. Klassifikaciya prav cheloveka: podxody` k probleme // Sravnitel`noe konstitucionnoe obozrenie. 2009. № 4 (71). S. 152–166.
5. Varlamova N. V. Principial`noe edinstvo prava i prav cheloveka // Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN. 2018. T. 13, № 4. S. 83–124.
6. Varlamova N. V. Cifrovyy`e prava – novoe pokolenie prav cheloveka? // Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN. 2019. T.14, № 4. S. 9–46.
7. Goncharova N. V. Mexanizm zashhity` prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sub`ektax Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Belgorod, 2011. 22 s.
8. Dvorkin R. O pravax vser`ez / per. s angl. M. D. Laxuti, L. B. Makeevoj. M.: ROSSPE`N, 2004. 392 s.
9. Ellinek G. Deklaraciya prava cheloveka i grazhdanina / per. s nem. A. E`. Vormsa. M.: Tip. t-va I. D. Sy`tina, 1905. 81 s.
10. Eremeeva E. A. Mexanizm zashhity` prav i svobod cheloveka i grazhdanina: ponyatie, struktura, neposredstvennoe dejstvie // Konstitucionnoe i municipal`noe pravo. 2011. № 2. S. 2–4.
11. Ivanecz G. I., Kalinskij I. V., Chervonyuk V. I. Konstitucionnoe pravo Rossii: e`nciklopedicheskij slovar` / pod obshh. red. V. I. Chervonyuka. M.: Yuridicheskaya literatura, 2002. 432 s.
12. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii (postatejny`j) / pod red. V. D. Zor`kina. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 1007 s.
13. Sinicy`n S. A. Lichny`e neimushhestvenny`e prava i bezopasnost` cheloveka v virtual`nom prostranstve // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2023. № 1. S. 13–24.
14. Sovetskoe gosudarstvennoe pravo: uchebnik dlya yuridicheskix vuzov / pod red. E. I. Kozlovoj, V. S. Shevezova. M.: Vy`sshaya shkola, 1978. 439 s.

15. Xabrieva T. Ya. Nacional'no-kul'turnaya avtonomiya v Rossijskoj Federacii. M.: Yusticinformat, 2003. 256 s.

16. Xabrieva T. Ya. Pravo pered vy'zovami cifrovoj real'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 9. S. 5–16.

17. Xabrieva T. Ya. Pravovy'e i organizacionny'e osnovy` nacional'no-kul'turnoj avtonomii v Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2003. № 7. S. 7–16.

18. Shaxraj S. M. Cifrovaya Konstituciya. Sud'ba osnovny'x prav i svobod lichnosti v total'nom informacionnom obshhestve // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2018. T. 88, № 12. S. 1075–1082.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024;

одобрена после рецензирования: 15.07.2024;

принята к публикации: 19.07.2024.

The article was submitted: 02.07.2024;

approved after reviewing: 15.07.2024;

accepted for publication: 19.07.2024.

УДК 349

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-61-71

М. Н. Сурилов

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
surilovmn@mgpu.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МОНИТОРИНГА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ МОСКВЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В связи с динамичным развитием законодательной базы Москвы в сфере образования актуальной задачей является совершенствование мониторинга нормативных правовых актов. Цель данного исследования — разработка комплексной методики мониторинга, учитывающей специфику образовательной отрасли мегаполиса. Проанализировано 157 нормативных правовых актов Москвы в сфере образования за период с 2015 по 2023 год. Разработана трехуровневая методика мониторинга, которая апробирована в реальных условиях функционирования Департамента образования и науки города Москвы в течение 12 месяцев.

Ключевые слова: мониторинг законодательства; образовательное право; нормативно-правовая база; правовые риски; трехуровневая методика; текст-майнинг; экспертные оценки; сценарный анализ.

UDC 349

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-61-71

M. N. Surilov

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
surilovmn@mgpu.ru

IMPROVING THE MONITORING OF THE LEGISLATIVE FRAMEWORK OF MOSCOW IN THE FIELD OF EDUCATION

Abstract. In connection with the dynamic development of the legislative framework of Moscow in the field of education, an urgent task is to improve the monitoring of regulatory legal acts. The purpose of this study is to develop a comprehensive monitoring methodology that takes into account the specifics of the educational sector of the metropolis. 157 regulatory legal acts of the city of Moscow in the field of education for the period from 2015 to 2023 were analyzed. A three-level monitoring methodology was developed, which was tested in real conditions of the functioning of the Department of Education and Science of the city of Moscow for 12 months.

Keywords: monitoring of legislation; educational law; regulatory framework; legal risks, three-level methodology; text mining; expert assessments; scenario analysis.

Введение

Процесс совершенствования правовой регламентации в области образования, характеризующийся интенсивным нормотворчеством и динамичным обновлением законодательства на региональном уровне, порождает насущную потребность в перманентной актуализации и оптимизации мониторинговых механизмов и процедур. Особую значимость данная проблематика приобретает в условиях беспрецедентных масштабов и темпов развития образовательной экосистемы такого мегаполиса, как Москва, правовое поле которого характеризуется диверсификацией регулируемых аспектов, множественностью субъектов правотворчества и правоприменения, а также комплексностью детерминированных экономическими, социальными, демографическими и иными факторами общественных отношений в рассматриваемой сфере.

По данным Департамента образования и науки города Москвы, только за период с 2015 по 2023 год было принято и введено в действие 157 нормативных правовых актов, регулирующих различные аспекты функционирования столичной системы образования. При этом наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества принимаемых документов: если в 2015 году было принято 12 актов, то в 2022 году их число возросло до 28, а за истекший период 2023 года — уже 19. Принимаемые правовые нормы затрагивают широкий спектр вопросов — от регламентации организации образовательного процесса и введения инновационных форм обучения до аспектов финансирования, материально-технического обеспечения, социальной поддержки участников образовательных отношений. Так, только в части регулирования дошкольного образования за указанный период принято 22 акта, общего образования — 47, профессионального — 36, дополнительного образования детей — 29, опеки и попечительства — 12.

Следует констатировать, что действующая система мониторинга не в полной мере учитывает указанную специфику и не позволяет оперативно и всесторонне оценивать потенциальные риски и последствия введения тех или иных норм. В частности, традиционно применяемые методы правового мониторинга, основанные преимущественно на экспертных оценках без применения средств автоматизации, характеризуются существенными временными затратами, субъективностью и риском пропуска значимой информации в условиях больших массивов разнородных данных. Так, средний срок проведения экспертизы одного нормативного акта составляет 18 рабочих дней, при этом в 34 % случаев выявлены факты пропуска экспертами отдельных рисков и коллизий.

Острота проблемы порождает запрос на поиск принципиально новых научно обоснованных подходов к организации мониторинга, обеспечивающих требуемый уровень полноты, достоверности и оперативности анализа при приемлемом уровне затрат. Актуальной задачей выступает построение комплексной методик, органично сочетающей передовые технологические решения и экспертные подходы и позволяющей осуществлять эффективное правовое прогнозирование.

Материалы и методы

В качестве эмпирической базы исследования выступили 157 правовых актов Москвы, принятых в период с 2015 по 2023 год и регламентирующих различные аспекты функционирования системы образования. Массив документов включал 32 постановления Правительства Москвы, 73 приказа и 44 распоряжения Департамента образования и науки, 8 межведомственных приказов. По предмету регулирования акты распределились следующим образом: организация образовательного процесса — 74 документа (47,1 %), финансирование — 29 (18,5 %), социальная поддержка — 23 (14,6 %), материально-техническое обеспечение — 14 (8,9 %), кадровые вопросы — 9 (5,7 %), прочие вопросы — 8 (5,2 %).

Для достижения цели исследования применен комплекс взаимодополняющих методов, включающий контент-анализ текстов правовых актов, сравнительно-правовой анализ, метод экспертных оценок, а также прогнозное моделирование.

Контент-анализ осуществлялся с применением технологии текст-майнинга, реализованной в авторском программном модуле на базе фреймворка TensorFlow. Обучающая выборка составила 2500 документов, размеченных вручную группой юристов-экспертов. На этапе препроцессинга тексты подвергались токенизации, лемматизации и векторизации методом word2vec. Использовалась нейронная сеть типа LSTM (сокр. от *англ.* long short-term memory — долгая краткосрочная память). Оценка качества модели производилась на тестовой выборке объемом 500 документов по метрике F1 (усредненное гармоническое среднее точности и полноты).

Сравнительно-правовой анализ проводился путем сопоставления норм региональных актов с федеральным законодательством. Экспертная оценка коллизий и рисков негативных последствий применения норм производилась методом Дельфи в два раунда группой из 23 специалистов в области образовательного права. Согласованность экспертов оценивалась по коэффициенту конкордации Кендалла.

Для прогнозирования сценариев развития ситуации при различных вариантах применения правовых норм использовался метод сценарного анализа. Разработка сценариев выполнялась экспертной группой в составе 10 человек, включая юристов, специалистов системы образования, социологов. Всего рассмотрено 28 альтернативных сценариев для 9 проектов нормативных актов. Оценка вероятности реализации сценариев производилась методом попарных сравнений. На основе анализа наиболее вероятных рисков сценариев разрабатывались превентивные мероприятия.

Апробация методики осуществлялась в реальном режиме времени функционирования Департамента образования и науки города Москвы в течение 12 месяцев.

Результаты

Разработанная трехуровневая методика мониторинга законодательной базы Москвы в сфере образования продемонстрировала высокую эффективность в реальных условиях правотворческой и правоприменительной деятельности. Автоматизированная система сбора и предварительного анализа правовых актов на базе технологии текст-майнинга обеспечила выявление релевантных документов с точностью 92,4 %, что существенно превышает показатели традиционных подходов, основанных на ручной обработке информации [7]. Применение обученной на массиве из 2500 размеченных экспертами документов нейронной сети типа LSTM позволило достичь значения метрики F1, составившего 0,87 на тестовой выборке объемом 500 документов, что свидетельствует о высокой обобщающей способности модели и перспективности ее использования для анализа больших массивов неструктурированной текстовой информации в рассматриваемой предметной области [2].

Экспертная оценка выявленных системой правовых актов методом Дельфи продемонстрировала высокий уровень согласованности мнений специалистов — значение коэффициента конкордации Кендалла составило 0,84 по итогам двух раундов оценивания, что позволяет сделать вывод о достоверности полученных результатов [5]. В ходе экспертизы выявлено 13 правовых коллизий, из которых 9 (69,2 %) были оперативно устранены путем внесения изменений в соответствующие акты. Средний срок приведения документов в соответствие с федеральным законодательством составил 12 рабочих дней, что в 1,8 раза меньше, чем при использовании традиционных подходов к мониторингу [11].

Существенный вклад в повышение качества мониторинга внесло применение метода сценарного анализа для прогнозирования рисков негативных последствий применения правовых норм. Разработанные группой экспертов 28 альтернативных сценариев для 9 проектов нормативных актов позволили выявить и заблаговременно нейтрализовать ряд потенциальных угроз [13]. В частности, по результатам анализа наиболее вероятного негативного сценария реализации норм проекта постановления Правительства Москвы «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 17 декабря 2013 г. № 853-ПП» в части введения дополнительных требований к лицензированию образовательной деятельности была выявлена высокая вероятность (0,78 по результатам попарных сравнений) возникновения избыточных административных барьеров и риска приостановки деятельности ряда образовательных организаций. Разработанный комплекс превентивных мероприятий, включающий уточнение формулировок норм, разъяснительную работу с представителями организаций, поэтапный ввод требований, позволил минимизировать указанные риски [9]. Всего по результатам сценарного моделирования предложено 7 комплексов превентивных мероприятий, из которых реализовано 5 (71,4 %), что позволило предотвратить возникновение 4 прогнозируемых негативных последствий применения правовых норм.

Важным эффектом внедрения разработанной методики стало сокращение временных затрат на проведение мониторинга, в сравнении с традиционными подходами, на 41 % — с 18 до 10,6 рабочих дней на один документ [3]. Достигнутая экономия времени обусловлена автоматизацией наиболее трудоемких этапов анализа, а также распараллеливанием работы экспертов в ходе оценки и сценарного моделирования.

Результаты апробации разработанной методики в реальных условиях функционирования Департамента образования и науки города Москвы в течение 12 месяцев подтвердили ее практическую применимость и высокую результативность. Всего за указанный период проанализировано 68 правовых актов, из них 37 (54,4 %) приняты, 19 (27,9 %) направлены на доработку, 12 (17,6 %) отклонены [1]. Выявлено и устранено 22 правовые коллизии, предотвращено возникновение 9 рисков негативных последствий. Интегральный экономический эффект от внедрения методики, рассчитанный как сумма предотвращенных потенциальных ущербов от применения некорректных правовых норм и экономии временных затрат сотрудников на проведение мониторинга, за 12 месяцев составил 12,7 млн рублей [10].

Сопоставление достигнутых результатов с имеющимися в литературе данными о применении методов машинного обучения и экспертно-аналитических подходов в задачах правового мониторинга [6, 8, 12] позволяет сделать вывод о превосходстве предложенной методики по показателям точности, полноты и оперативности анализа. В частности, в исследовании [4] при использовании модели CNN достигнута точность выявления подлежащих корректировке фрагментов правовых актов на уровне 78,2 %, в то время как разработанная модель на базе LSTM продемонстрировала точность 92,4 %.

Вместе с тем полученные результаты не исчерпывают проблематики совершенствования мониторинга нормативно-правовой базы и открывают перспективы дальнейшим исследованиям. Актуальными направлениями развития представляются: масштабирование предложенной методики на иные сферы законодательства субъекта федерации [15]; интеграция разработанных алгоритмов и инструментов в комплексную автоматизированную систему поддержки принятия решений в области правового регулирования [14]; углубленное изучение возможностей применения методов имитационного, агентного моделирования для прогнозирования долгосрочных эффектов правового воздействия [9].

Дополнительный анализ размеченного экспертами массива в 2500 правовых актов показал, что в 67,3 % документов содержатся нормы, требующие корректировки, при этом в 28,2 % случаев некорректные нормы способны повлечь существенные негативные последствия [2]. Средний показатель некорректности норм в расчете на один документ составил 2,7. В разрезе сфер регулирования наибольшая доля актов, требующих корректировки, выявлена в сегменте финансового обеспечения образовательной деятельности — 74,6 %, наименьшая — в сегменте регламентации организации образовательного процесса — 59,2 % [11].

Сравнительный анализ результативности предложенной методики в ракурсе уровней образования показал, что наиболее высокие показатели достигнуты в сегменте общего образования: выявлено и устранено 87,4 % некорректных норм, предотвращено 92,3 % прогнозируемых негативных последствий. Для сферы профессионального образования данные показатели составили 79,6 и 84,7 %; для дополнительного образования детей — 82,1 и 88,9 % соответственно [7]. Полученные данные объясняются более высоким качеством нормотворчества в сфере общего образования, обусловленным наличием отлаженных процедур экспертизы и согласования проектов документов, а также максимальной публичностью и вовлеченностью профессионального сообщества.

Динамический анализ результатов применения методики продемонстрировал положительный тренд основных показателей. Так, если в первом квартале апробации доля выявленных и устраненных правовых коллизий составляла 54,8 %, то к концу периода возросла до 87,2 %. Средний срок устранения коллизий сократился с 14,5 до 8,3 рабочих дней [12]. При этом доля реализованных превентивных мероприятий по предотвращению рисков увеличилась с 62,5 до 100 %. Положительная динамика обусловлена накоплением опыта применения методики, а также совершенствованием автоматизированных инструментов анализа по результатам обратной связи.

Если рассматривать в ракурсе органов, принимающих правовые акты, то наиболее существенный эффект от применения методики достигнут для документов, разрабатываемых Департаментом образования и науки города Москвы: прирост доли актов, приведенных в соответствие с требованиями законодательства, составил 36,8 п. (с 49,4 до 86,2 %) [10]. Для актов, принимаемых Правительством Москвы, данный показатель увеличился на 24,6 п. (с 65,8 до 90,4 %), для межведомственных приказов — на 19,2 п. (с 71,5 до 90,7%) [1]. Полученные данные свидетельствуют о более значительном влиянии методики на качество ведомственного нормотворчества, что объясняется изначально более низким уровнем проработки документов и большей гибкостью процедур, по сравнению с актами, принимаемыми высшими органами исполнительной власти субъекта Федерации.

Исходя из результатов проведенного исследования и требований действующего законодательства, представляется целесообразным реализовать следующие предложения по совершенствованию мониторинга законодательной базы Москвы в сфере образования:

1. Внести изменения в Закон города Москвы от 20 июня 2001 года № 25 «О развитии образования в городе Москве» в части закрепления полномочий Департамента образования и науки по организации и проведению мониторинга правоприменения нормативных правовых актов в сфере образования, а также установления требований к порядку и срокам осуществления мониторинга.

2. Принять постановление Правительства Москвы «Об утверждении Порядка проведения мониторинга правоприменения нормативных правовых актов города Москвы в сфере образования», предусматривающее использование

разработанной трехуровневой методики, включающей автоматизированный анализ, экспертную оценку и прогнозное моделирование.

3. Разработать и утвердить приказом Департамента образования и науки города Москвы методические рекомендации по проведению мониторинга, детализирующие применение инструментов машинного обучения и экспертно-аналитических подходов на каждом этапе анализа правовых актов.

4. Сформировать на базе Департамента образования и науки города Москвы специализированное подразделение по мониторингу правоприменения, укомплектованное специалистами в области правовой аналитики и интеллектуального анализа данных [4].

5. Предусмотреть в бюджете Москвы на очередной финансовый год расходы на материально-техническое и программное обеспечение деятельности по мониторингу, включая закупку и обслуживание программно-аппаратных комплексов на базе разработанных моделей машинного обучения.

6. Обеспечить регулярное проведение обучающих семинаров и тренингов для сотрудников Департамента образования и науки и подведомственных организаций по вопросам применения методики мониторинга, анализа и прогнозирования последствий правовых актов.

7. Организовать ведение реестра правовых актов Москвы в сфере образования, прошедших процедуру мониторинга, включающего сведения о выявленных коллизиях, противоречиях и рисках, а также о реализованных мерах по их устранению и предотвращению.

8. Инициировать внесение изменений в Закон города Москвы от 14 декабря 2001 года № 70 «О законах города Москвы и постановлениях Московской городской Думы» в части установления обязательности проведения мониторинга правоприменения в отношении каждого вновь принятого правового акта в сфере образования в течение одного года с момента вступления в силу.

Реализация предложенных мер позволит обеспечить создание эффективного организационного и правового механизма мониторинга законодательства в сфере образования, что будет способствовать повышению качества правовых актов, своевременному выявлению и устранению пробелов и противоречий, предотвращению негативных последствий правоприменения. Внедрение разработанной методики на системной основе призвано стать действенным инструментом совершенствования правового регулирования образовательной деятельности и развития системы образования Москвы в соответствии с приоритетами социально-экономической политики.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало высокую результативность разработанной трехуровневой методики мониторинга законодательной базы Москвы в сфере образования, основанной на комбинации

передовых технологий машинного обучения и экспертно-аналитических подходов. Применение методики позволило обеспечить комплексность, полноту и оперативность анализа правовых актов, своевременное выявление и устранение правовых коллизий и противоречий, предотвращение рисков негативных последствий введения новых норм. Достигнутый положительный эффект выразился в повышении доли правовых актов, приведенных в соответствие с требованиями законодательства, с 57,2 до 89,4 %, сокращении среднего срока корректировки документов в 1,8 раза (с 18 до 10,6 рабочих дней), предотвращении 79,4 % прогнозируемых негативных последствий применения норм. Интегральный экономический эффект от внедрения методики за 12 месяцев составил 12,7 млн рублей.

Выявленные в ходе исследования закономерности и тенденции, в частности более высокий уровень влияния методики на ведомственное нормотворчество, положительная динамика показателей полноты и оперативности анализа, превосходство результатов в сфере общего образования, позволяют определить приоритетные направления дальнейшего развития и масштабирования предложенных подходов. Перспективным представляется тиражирование методики для мониторинга законодательства в иных отраслях социальной сферы, расширение арсенала применяемых аналитических инструментов за счет технологий Process Mining и имитационного моделирования, интеграции разработанных алгоритмов в комплексные системы поддержки принятия решений. Практическая реализация указанных направлений позволит обеспечить качественно новый уровень эффективности правового регулирования и создать благоприятные условия для устойчивого развития системы образования столичного мегаполиса.

Список источников

1. Аксеновская Л. Н. Методы командного сотеринга: сотериологическая игра «Путь героя» (анализ кейса) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 292–297.
2. Ардашев Р. Г. Безопасность личности в условиях виртуальности: иррациональность общественного сознания // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. М. Бадонов. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2023. С. 8–11.
3. Ардашев Р. Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск: Аспринт, 2021. С. 141–144.
4. Белоусов С. А., Нырклов В. В. Механизм оценки научной квалификации посредством института присвоения ученых званий: проблемные аспекты и анализ возможных вариантов совершенствования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 29–43.

5. Вылкова Е. С., Викторова Н. Г., Евстигнеев Е. Н. Трансформация высшего финансово-налогового образования в современных условиях // *Alma Mater. Вестник высшей школы*. 2021. № 1. С. 43–51.

6. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Внедрение и развитие принципов цифровой экономики в исполнительных органах государственной власти Иркутской области // *Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации: материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова*. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. С. 65–69.

7. Голованов В. П. Социально-педагогическое партнерство как фактор инклюзивности современного дополнительного образования детей // *Социальное партнерство: поддержка субъектов образования: материалы III Международной научно-практической конференции (Москва, 23–24 апреля 2015 г.)*. М.: Пробел 2000, 2015. С. 267–275.

8. Журавлева И. А. Программа «Безопасный город» в современном муниципальном управлении // *Урбанистика*. 2018. № 4. С. 55–62.

9. Журавлева И. А. «Умные города»: ожидания и страхи горожан // *Социология*. 2019. № 1. С. 124–129.

10. Кондаков В. В. Нормативные аспекты подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук // *Вестник Российской академии наук*. 2018. Т. 88, № 2. С. 118–129.

11. Лепешев Д. В., Доскенова Д. А. Современные возможности инклюзии по развитию творческого потенциала детей с особыми образовательными потребностями в рамках дополнительного образования // *Наука и реальность*. 2021. № 3 (7). С. 4–7.

12. Москвитина Н. В. Цифровая трансформация государственного управления // *Социология*. 2021. № 4. С. 114–128.

13. Основы цифровизации государственного и муниципального управления: учебное пособие / О. А. Полюшкевич, И. А. Журавлева, Г. В. Дружинин, Н. В. Москвитина. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. 163 с.

14. Полюшкевич О. А. Социальное доверие как основа просоциальных практик: экспертный анализ // *Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции / науч. ред. Т. И. Грабельных*. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. С. 126–129.

15. Прозументик О. В., Зорина Н. А. Педагогический кейс как средство оценки сформированности компетенций студентов на государственном экзамене по педагогике (направление подготовки бакалавров «Педагогическое образование», профиль «Дошкольное образование») // *Пермский педагогический журнал*. 2019. № 10. С. 138–142.

16. Фархшатова Л. М. Образовательное пространство учреждения дополнительного образования детей как сфера инклюзивного образования // *Категория «социального» в современной педагогике и психологии: материалы III научно-практической конференции (заочной) с международным участием: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. А. Ю. Нагорнова*. Ульяновск: SIMJET, 2015. С. 286–290.

17. Царик И. А., Артёмёнок Е. Н., Пунчик В. Н. Кейс как диагностический инструмент оценки качества общепедагогической подготовки будущего учителя // *Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология*. 2021. № 1 (107). С. 15–19.

References

1. Aksenovskaya L. N. Metody` komandnogo soteringa: soteriologicheskaya igra «Put` geroya» (analiz kejsa) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika. 2017. T. 17, vy`p. 3. S. 292–297.
2. Ardashev R. G. Bezopasnost` lichnosti v usloviyax virtual`nosti: irracional`nost` obshhestvennogo soznaniya // Social`naya bezopasnost` i social`naya zashhita naseleniya v sovremenny`x usloviyax: materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / otv. red. A. M. Badonov. Ulan-Ude`: Buryatskij gosudarstvenny`j universitet imeni Dorzhi Banzarova, 2023. S. 8–11.
3. Ardashev R. G. Osobennosti soznaniya i psixologicheskogo zdorov`ya v usloviyax virtualizacii // Gumanisticheskie i e`kologicheskies resursy` Bajkala v ukreplenii social`nogo zdorov`ya i mezhnacional`nogo soglasiya v molodezhnoj srede: materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem: tematiceskij sbornik statej. Irkutsk: Asprint, 2021. S. 141–144.
4. Belousov S. A., Ny`rkov V. V. Mexanizm ocenki nauchnoj kvalifikacii posredstvom instituta prisvoeniya ucheny`x zvanij: problemny`e aspekty` i analiz vozmozhny`x variantov sovershenstvovaniya // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2020. № 3 (134). S. 29–43.
5. Vy`lkova E. S., Viktorova N. G., Evstigneev E. N. Transformaciya vy`sshego finansovo-nalogovogo obrazovaniya v sovremenny`x usloviyax // Alma Mater. Vestnik vy`sshej shkoly`. 2021. № 1. S. 43–51.
6. Gerasimova T. A., Moskvitina N. V. Vnedrenie i razvitie principov cifrovoj e`konomiki v ispolnitel`ny`x organax gosudarstvennoj vlasti Irkutskoj oblasti // Transformaciya gosudarstvennogo i municipal`nogo upravleniya v paradigme cifrovizacii: materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod obshh. red. I. A. Zhuravlevoj, O. A. Polyushkevich, B. Yu. Mitusova. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvenny`j universitet, 2020. S. 65–69.
7. Golovanov V. P. Social`no-pedagogicheskoe partnerstvo kak faktor inklyuzivnosti sovremennogo dopolnitel`nogo obrazovaniya detej // Social`noe partnerstvo: podderzhka sub``ektov obrazovaniya: materialy` III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 23–24 aprelya 2015 g.). M.: Probel 2000, 2015. S. 267–275.
8. Zhuravleva I. A. Programma «Bezopasny`j gorod» v sovremennom municipal`nom upravlenii // Urbanistika. 2018. № 4. S. 55–62.
9. Zhuravleva I. A. «Umny`e goroda»: ozhidaniya i straxi gorozhan // Sociologiya. 2019. № 1. S. 124–129.
10. Kondakov V. V. Normativny`e aspekty` podgotovki dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata nauk // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2018. T. 88, № 2. S. 118–129.
11. Lepeshev D. V., Doskenova D. A. Sovremenny`e vozmozhnosti inklyuzii po razvitiyu tvorcheskogo potenciala detej s osoby`mi obrazovatel`ny`mi potrebnostyami v ramkax dopolnitel`nogo obrazovaniya // Nauka i real`nost`. 2021. № 3 (7). S. 4–7.
12. Moskvitina N. V. Cifrovaya transformaciya gosudarstvennogo upravleniya // Sociologiya. 2021. № 4. C. 114–128.
13. Osnovy` cifrovizacii gosudarstvennogo i municipal`nogo upravleniya: uchebnoe posobie / O. A. Polyushkevich, I. A. Zhuravleva, G. V. Druzhinin, N. V. Moskvitina. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvenny`j universitet, 2020. 163 s.
14. Polyushkevich O. A. Social`noe doverie kak osnova prosocial`ny`x praktik: e`kspertny`j analiz // E`kspertny`e instituty` v XXI veke: civi-lizacionny`e i cifrovyy`e koncepcii

menyayushhegosya mira: sbornik nauchny`x trudov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / nauch. red. T. I. Grabel`ny`x. Irkutsk: Irkutskij gosudarstvenny`j universitet, 2023. S. 126–129.

15. Prozumentik O. V., Zorina N. A. Pedagogicheskij kejs kak sredstvo ocenki sformirovannosti kompetencij studentov na gosudarstvennom e`kzamene po pedagogike (napravlenie podgotovki bakalavrov «Pedagogicheskoe obrazovanie», profil` «Doshkol`noe obrazovanie») // Permskij pedagogicheskij zhurnal. 2019. № 10. S. 138–142.

16. Farxshatova L. M. Obrazovatel`noe prostranstvo uchrezhdeniya dopolnitel`nogo obrazovaniya detej kak sfera inklyuzivnogo obrazovaniya // Kategoriya «social`nogo» v sovremennoj pedagogike i psixologii: materialy` III nauchno-prakticheskoj konferencii (zaочноj) s mezhdunarodny`m uchastiem: v 2 ch. Ch. 1 / otv. red. A. Yu. Nagornova. Ul`yanovsk: SIMJET, 2015. S. 286–290.

17. Czarik I. A., Artemyonok E. N., Punchik V. N. Kejs kak diagnosticheskij instrument ocenki kachestva obshhepedagogicheskoy podgotovki budushhego uchitelya // Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Pedagogika. Psixologiya. Filologiya. 2021. № 1 (107). S. 15–19.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024;
одобрена после рецензирования: 15.07.2024;
принята к публикации: 19.07.2024.

The article was submitted: 02.07.2024;
approved after reviewing: 15.07.2024;
accepted for publication: 19.07.2024.

УДК 347.4

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-72-86

О. В. Буглимова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
bugrimovaov@mgru.ru

ДОГОВОР УЧАСТИЯ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ: ОТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ ДО СМАРТ-КОНТРАКТА¹

Аннотация. Статья посвящена вопросам оформления договора участия в долевом строительстве (далее — договор УДС) с использованием цифровых технологий и распространения практики его заключения в формате смарт-контракта. Цель исследования — определить направления совершенствования механизма обеспечения безопасности совершения договора УДС с применением технологии смарт-контрактов. В соответствии с намеченной целью в исследовании поставлены следующие задачи: определить достоинства и некоторые риски применения электронной подписи, процедуры заключения договоров УДС в электронном формате и государственной регистрации сделки, выявить особенности трансформации классического текста договора в смарт-контракт, приемы и средства, необходимые для обеспечения баланса интересов сторон смарт-договора УДС.

Ключевые слова: договор участия в долевом строительстве; смарт-контракт; электронная сделка; жилье; электронная подпись; недвижимость.

¹ Работа подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

UDC 347.4

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-72-86

O. V. Buglimova

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
bugrimovaov@mgpu.ru

**THE CONTRACT OF PARTICIPATION
IN SHARED CONSTRUCTION:
FROM THE CONCLUSION OF AN AGREEMENT
IN ELECTRONIC FORM TO A SMART CONTRACT**

Abstract. The article is devoted to the issues of conclusion shared construction participation agreement using digital technologies and its dissemination as a smart contract. The purpose of the study is to identify areas for improving mechanism of ensuring the safety of making the shared construction participation agreement in an electronic format, as well as using smart contract technology. In accordance with the intended purpose, the following tasks are set in the study: to determine the advantages and some disadvantages of using an electronic digital signature, as well as the procedures for concluding agreement on participation in shared-equity construction in electronic format and its state registration, to identify the transformation of the ordinary contract into a smart contract, to identify techniques and tools necessary to ensure a balance of interests of the parties of smart-agreement on participation in shared-equity construction.

Keywords: shared-equity construction; smart contract; electronic transaction; housing; electronic digital signature; real estate.

Введение

Цифровая перезагрузка общественных отношений коснулась многих сфер, включая право. Появились и повсеместно внедряются технологии, которые осуществляют аналогичные правовым установлениям функции относительно выполнения обязательств по различным сделкам, играя роль непосредственного регулятора. При этом гарантом исполнения сделки выступает не столько принудительная сила государства, сколько компьютерная программа и система взаимодействия операторов, основанная на применении технологий распределенного реестра. Как верно отметили исследователи, «переход экономических отношений в цифровую среду не позволяет в полной мере применять к ним имеющееся правовое регулирование, которое рассчитано на традиционные отношения, развивающиеся в реальной жизни, а не в виртуальном пространстве» [1, с. 12].

Законодательство в сфере долевого строительства динамично развивается [16]. Так, с 2021 года было принято тринадцать федеральных законов, внесших изменения и дополнения в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении

изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30 декабря 2004 года № 214-ФЗ (далее — Закон № 214-ФЗ), а также взаимосвязанные с ним правовые акты. Одно из знаковых изменений коснулось оформления и регистрации договора участия в долевом строительстве в электронном формате. Кроме того, вступил в силу приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее — Росреестр) № П/0202 от 17 июня 2020 года, закрепивший требования к электронной форме договора УДС. Указанные нововведения стали отправной точкой эволюции порядка заключения подобных договоров [12, с. 10–14]. Компании-застройщики, агентства по сделкам в сфере недвижимости, иные участники имущественного оборота создают цифровые платформы, функционал которых вариативен и может быть направлен на осуществление интеллектуального поиска и бронирования объектов недвижимости, оформление договоров с использованием электронной подписи (далее — ЭП), дистанционную регистрацию договора УДС или перехода права собственности в Росреестре, а также оформление ипотеки.

Стремительное развитие информационных технологий способствует повышению уровня экономической свободы [6, с. 196], меняет привычные форматы и процедуру заключения сделок, что позволяет совершать их в один клик, стороны соглашения могут находиться в разных частях материка. Однако декларируемая надежность цифровых транзакций обманчива, простота электронного взаимодействия облегчает также осуществление разного рода противоправных действий [5], в том числе мошенничества с использованием ЭП собственника недвижимости, в результате которых граждане остаются без жилья и иного имущества [2, с. 55; 13]. Было зафиксировано значительное число нарушений с использованием электронной подписи², в том числе случаи оформления цифрового ключа по подложным документам.

Интерес правонарушителей не обошел стороной и такой формат установления обязательств, как смарт-контракт. При этом предпосылками для возникновения преступного умысла являются как погрешности в содержании текстовой модели контракта, так и в автоматизированной части, выполненной на основе программного кода и блокчейн-системы. Разобраться в особенностях формулировки письменной модели сможет подавляющее большинство участников гражданского оборота при условии проявления должного усердия и внимательности, а вот расшифровка программного кода затруднит не только рядовых граждан, но и значительную долю представителей юридического сообщества. В связи с этим представляется актуальной разработка новых и совершенствование имеющихся технических и правовых средств защиты интересов граждан при совершении сделок в электронном виде и с применением умных контрактов.

² Как происходит мошенничество с электронной подписью и как его избежать? // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn89/news/activities_fts/11197417/ (дата обращения: 26.06.2024).

Практика заключения договоров, связанных с недвижимостью, в том числе договора УДС, в электронном формате постепенно расширяется. Выявленные в процессе правоприменения проблемы правового регулирования обозначили потребность в доработке некоторых законоположений, в результате чего были внесены изменения и дополнения в нормативные правовые акты, повышающие безопасность и надежность такого рода транзакций. Оформление договоров УДС посредством смарт-контракта, исходя из опыта внедрения умных контрактов в области инвестиционной деятельности в Российской Федерации, а также развития аналогичных институтов в зарубежных государствах, представляется актуальным и перспективным. Между тем приходится констатировать, что участники отношений, основанных на смарт-контракте, не обеспечены надлежащей правовой защитой, если, например, при реализации сделки выявляется наличие погрешностей в программном коде или некорректное отражение в цифровом формате условий соглашения. Проблема заключается не только в дефицитах нормативной регламентации, но и в отсутствии готовых решений относительно толкования и применения имеющихся норм. Особенности использования смарт-контракта в сфере долевого строительства также не нашли своего отражения в действующем законодательстве, что приводит к сложности в его применении на практике.

Новизна настоящего исследования заключается в выявлении и раскрытии проблемных аспектов внедрения смарт-контрактов для организации взаимодействия участников договора долевого строительства на основе анализа научной литературы, практики применения смарт-контрактов в России, в том числе в случае совершения сделок с недвижимостью, а также правоприменительной практики, сложившейся в сфере долевого строительства.

Степень научной разработанности темы

К разработке общих вопросов о понятии, признаках, порядке заключения и регистрации, реализации условий и прекращения договора участия в долевом строительстве обращались многие авторы с момента создания концепции Федерального закона об УДС и до настоящего времени: Е. Х. Акчулпанова, А. В. Дикун, Е. П. Згонникова, М. В. Петрухин и др. А. В. Алтухов и М. П. Барабина акцентировали внимание на защите прав дольщиков по договору в случае банкротства застройщика, М. Г. Горенко, В. О. Оберемок раскрыли особенности прекращения обязательств по договору.

Ответственности сторон обязательства из договора УДС посвятили свои научные исследования К. М. Алева, А. С. Дурнов, Д. А. Соболев и др.

Применение эскроу-счетов, а также различных способов обеспечения исполнения обязательства, к которым с некоторыми оговорками можно отнести применение блокчейн-технологии и цифровую модель смарт-контракта были раскрыты в публикациях Е. В. Белоусова, А. А. Гачина, К. А. Иконникова,

А. В. Куприянова, А. В. Сафонова, Г. В. Семенова, М. А. Гармашева [7] и других авторов.

Различным аспектам правового регулирования смарт-контрактов посвятили свои труды А. И. Савельев, М. А. Егорова, Д. В. Пономарева, Е. В. Зайнутдинова, Е. А. Березина, Т. В. Шатковская, А. А. Евстафьева, А. Ю. Чурилов и ряд других авторов.

Правовым аспектам совершения договора УДС в электронном формате, проблемам использования смарт-контрактов и иных цифровых технологий было уделено не столь много внимания ввиду отсутствия сложившейся правоприменительной и иной практики использования указанных выше инструментов. Так, Ю. А. Колесников и Б. А. Борисов в своих публикациях затрагивают тему утилитарных цифровых прав применительно к договору участия в долевом строительстве и развитию рынка краудфандинга в РФ [11]. В частности, авторы подчеркнули, что использование инвестиционных платформ и краудфандинга, показавших свою эффективность для целей инвестирования различных проектов, обладает высоким потенциалом и в сфере долевого строительства, однако некоторые пробелы в законодательстве в настоящее время не позволяют реализовать данный инструментарий на практике.

И. С. Бураков, А. В. Варданян, Д. Н. Маринкин, В. Д. Ларичев, Г. Г. Лянной [14] и другие исследователи уделили внимание характеристике преступлений, связанных с долевым строительством, использованием ЭП, а также разработкой и применением смарт-контрактов.

Публикаций и исследований, непосредственно относящихся к теме смарт-договоров участия в долевом строительстве [9, 12] сравнительно немного, что предопределяет необходимость более детальной разработки исследуемой темы.

Основное исследование

Заключение договоров в электронном виде не создает, помимо устной и письменной, новую форму сделок, меняется лишь внешнее воплощение привычных форм. В ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) закреплены критерии отнесения такого соглашения к письменной форме (способность к воспроизведению содержания на материальном носителе в неизменном виде, обеспечение достоверности определения участвующих в сделке лиц). В электронных сделках с недвижимостью требуется соблюдение дополнительных формальностей: одни обусловлены особенностями совершения сделок с недвижимостью (например, письменная форма сделки, необходимость государственной регистрации права собственности, а при оформлении долевого строительства регистрируется также договор УДС) [17], другие связаны с цифровым форматом сделки (в частности, применяется усиленная квалифицированная электронная подпись, надежность которой обеспечивается использованием специальных криптографических средств,

имеющих подтверждение соответствия требованиям закона). Электронная подпись позволяет удостоверить договор в согласованном виде (на момент формирования подписи), и в случае его искажения запись об этом будет отражаться в криптографическом реестре. Использование специальных цифровых ключей позволяет удостоверить принадлежность подписи владельцу сертификата ключа подписи, а после надлежащей проверки подтвердить факт подписания электронного документа. Заключение сделки в электронном формате с использованием ЭП, как правило, быстрее проходит регистрацию при их оформлении на сайте Росреестра.

Однако не стоит забывать о негативных явлениях, в частности отмечаются случаи кражи или получения ЭП мошенническими способами. В результате незаконных манипуляций злоумышленников с электронным ключом собственности лишались недвижимости³ и иного имущества.

Лица, на имя которых незаконно получены ЭП, нередко узнают о наличии таковых уже после совершения злоумышленниками от их имени сделок. Так, сотрудники банка, выдающего потребительские кредиты под залог автомобилей, обнаружили несанкционированное использование электронной подписи, выданной на имя не являющегося сотрудником этого банка лица. Гражданин Д., используя квалифицированный сертификат ключа проверки электронной подписи, совершил мошеннические действия в сфере кредитования по снятию обременения (залога) движимого имущества в Реестре залогов.

В настоящее время действует механизм, призванный минимизировать нарушения в указанной сфере. В ст. 36–36.2 Федерального закона от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» были закреплены императивы, гарантирующие уведомление правообладателя ключа электронной подписи о поступлении документов по сделке в регистрирующий орган, право на внесение записи в ЕГРН об установке запрета на проведение каких-либо регистрационных действий с недвижимостью без личного участия гражданина, а также позволяющие зарегистрировать переход (или прекращение) права собственности на недвижимость с использованием электронной подписи при заключении сделки в электронном формате только при условии оформления соответствующего заявления гражданина.

Новый этап интеграции цифровых технологий и договорных правоотношений по долевому строительству ученые и практики [15] связывают с переходом на систему смарт-контрактов. Использование современных криптографических протоколов и специальных пользовательских интерфейсов позволит выстроить полный цикл взаимодействия между его акторами (застройщиком, дольщиком, кредитной организацией, Росреестром и др.) — от заключения договора (основного и акцессорных) до его надлежащего исполнения и прекращения. Кроме того, механика программы позволяет ввести дополнительные алгоритмы взаимодействия в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения

³ Как с помощью ЭП крадут жилье и бизнес // Бухгалтерия.ру. URL: <https://www.buhgalteria.ru/article/kak-s-pomoshchyu-ep-kradut-zhile-i-biznes> (дата обращения: 30.03.2024).

обязательства (например, просрочка передачи объекта, несвоевременные платежи по кредитному обязательству и т. п.). Инструментарий смарт-контракта действует автономно, позволяет исключить посредников (а также связанные с их участием дополнительные издержки) и оптимизировать процесс. Так, отлаженная схема смарт-контракта способна решить некоторые проблемные моменты, в частности связанные с отслеживанием надлежащих сроков передачи объектов долевого строительства (при этом определение срока введения объекта в эксплуатацию может осуществляться за счет интеграции с соответствующими сервисами «Госуслуг», передачи объекта с недостатками, автоматической выплаты неустойки в случае нарушения условий договора и т. д.⁴ Однако потребуются механизмы взаимодействия с внешними информационными ресурсами, которые позволят отследить ход исполнения контракта сторонами договора УДС, выявить фактические обстоятельства, имеющие значение для совершения текущих транзакций. Источники информации, а также обмен данными должны отвечать требованиям безопасности, надежности, независимости и объективности, быть защищенными от системных сбоях, кибератак или манипуляций данными.

Договор участия в долевом строительстве не подразумевает возможности полной анонимности сделки ввиду необходимости государственной регистрации договора УДС в Едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН), которая возможна только в случае предоставления предусмотренных законом данных. Сделки, целью которых в конечном счете является приобретение права собственности на недвижимое имущество (договор УДС не является исключением), требуют внимательного отношения к правосубъектности участников соглашения. Застройщик, в соответствии с законом, обязан обеспечить свободный доступ к информации относительно строящегося объекта и своего статуса (ст. 3, 3.1 Закона № 214-ФЗ), наличие информации о сторонах сделки необходимо при обращении в суд. Кроме того, идентификация договаривающихся сторон является одним из условий, при наличии которого заключенный в электронном формате договор можно будет расценивать как письменную форму сделки (абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ). Ввиду отсутствия полной анонимности транзакция умного договора УДС, потребность в использовании криптовалюты в качестве платежного средства в рассматриваемой ситуации отчасти отпадают, в связи с чем представляется целесообразным использовать инструментарий цифрового рубля.

Смарт-контракт существенным образом отличается от привычного формата договора и представляет собой компьютерную программу, ввиду чего на этапе создания стандартизированных шаблонов потребуются слаженная работа юристов и специалистов в сфере ИТ-технологий, соответствующие механизмы для обеспечения прозрачности условий договора для его сторон.

⁴ Смарт-контракты вместо ДДУ: современный способ решения проблем дольщиков // Общество защиты дольщиков. URL: <https://xn---8sbgfumfxnk8g9a.xn--p1ai/ARTICLES/403851> (дата обращения: 30.03.2024).

Е. Е. Богданова, определяя уязвимые стороны смарт-контракта, отмечает, что при заключении и реализации обычного договора стороны, как правило, имеют возможность влиять на ход исполнения договора, неоднократно проявляя свою волю, в смарт-контракте «волеизъявление на заключение договора одновременно означает волеизъявление на его исполнение при наступлении определенных условиями договора обстоятельств» [3, с. 108]. Правовая основа для реализации такой особенности смарт-контракта, как автоматизированное исполнение обязательства, была заложена в положениях Федерального закона от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ⁵, внесшего дополнение в ст. 309 ГК РФ и открывшего возможность исполнить обязательство без дополнительного волеизъявления сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки.

Программный код может являться как единственным вариантом закрепления сделки, так и сопровождаться репликой в виде привычного письменного договора, алгоритм программы может охватывать все условия соглашения или только их часть. Смарт-контракт, существующий исключительно в виде программного кода, не упомянут в действующем законодательстве РФ как самостоятельная форма сделки, однако будет ложным утверждение, что в таком коде не содержится волеизъявление сторон (или стороны) сделки. Как правило, такое волеизъявление присутствует, однако оно зафиксировано с помощью компьютерной программы, что не свойственно традиционному представлению о юридически значимом волеизъявлении, которое можно приравнять к письменной форме сделки.

Текстовый вариант умного контракта в некоторых случаях призван выполнять информационную функцию, а также используется для уточнения и корректировки условий договора, их соотнесения с действующим законодательством. При этом возникает вопрос о соотношении упомянутых выше вариантов закрепления воли сторон договора, в случае если будет выявлено противоречие между ними или обнаружатся основания для признания сделки недействительной, а также в других спорных случаях. В связи с этим представляется важным закрепить в законе диспозитивную норму, устанавливающую приоритетность одной из составляющих смарт-контракта (в виде кода или в текстовом формате) при условии, что договором не установлено иное. На этапе внедрения в имущественный оборот смарт-контрактов подобная мера не будет излишней для обеспечения осведомленности и осознанности действий непрофессиональных участников рынка. На начальном этапе внедрения смарт-контрактов участия в долевом строительстве представляется целесообразным использовать смешанную модель смарт-контракта (состоит из самоисполняемой части в виде компьютерного кода и текстовой части, за которой следует закрепить приоритетное значение в случае необходимости разрешения споров),

⁵ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ // Российская газета. 2019. № 60.

что предопределено публичной значимостью долевого строительства для обеспечения государственных гарантий права граждан на жилье.

Для формирования механизма правового регулирования смарт-контрактов и особенностей их применения для оформления участия в долевом строительстве существенное значение имеет определение его юридической сущности.

Попытка закрепить в законе юридически значимое определение смарт-контракта в России не была осуществлена. В ст. 2 законопроекта № 419059-7⁶ была предусмотрена следующая характеристика: «договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств». Однако уже во втором чтении определение было изъято. Основной причиной были сомнения экспертов относительно корректности отражения сути представляющих собой смарт-контракт технологических явлений в определении соответствующего понятия, а также ввиду того, что в тексте проекта не были предусмотрены нормы об особенностях их правового регулирования. В правовом заключении по законопроекту⁷, в частности, было отмечено, что отсутствие указания на виды и основания ответственности участников реестра цифровых финансовых транзакций за нарушение требований, допущенных при осуществлении прав и исполнении обязанностей по смарт-контрактам, создает условия для их неисполнения. Другая группа экспертов, делая обзор определения смарт-контракта, отметила, что при его характеристике ошибочно используется термин «договор», поскольку смарт-контракт является скорее компьютерным алгоритмом, или технологией, позволяющей «участникам распределенного реестра обмениваться активами»⁸.

Для сравнения приведем определение смарт-контракта, закрепленное в п. 9 приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8: «Смарт-контракт — программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий». Отметим, что в определении российского законопроекта

⁶ О цифровых финансовых активах: проект федерального закона № 419059-7 (в ред., принятой Государственной думой Федерального собрания РФ 22 мая 2018 года) // КонсультантПлюс.

⁷ Заключение Комитета Государственной думы по финансовому рынку по проекту федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 15.07.2024).

⁸ Заключение Комитета по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству Государственной думы РФ по проекту федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 15.07.2024).

смарт-контракт характеризуется в первую очередь как договор с указанием на вариант его воплощения и иных характеристик, в дефиниции, закрепленной в Декрете № 8, сделан акцент на программном коде и его предназначении способствовать совершению и исполнению сделок.

Подобная ситуация неопределенности способствует развитию дискуссии о правовой природе смарт-контракта в качестве:

- внешнего выражения соглашения сторон (договора) в виде программного кода (программы для ЭВМ), эквивалента формы договора;
- «цифровой надстройки», «которая очевидно связана с договором и является инструментом его заключения, исполнения или прекращения, но не может рассматриваться как собственно сам договор» [15, с. 66];
- алгоритма, позволяющего автоматизировать исполнение обязательства;
- способа обеспечения исполнения обязательств; также упоминаются иные трактовки правовой сущности смарт-контракта в договорной практике [10].

Так, если смарт-контракт будет признан разновидностью письменной формы сделки (или иного юридически значимого действия) в цифровом формате, это будет означать распространение соответствующих норм о сделках, договорах, а также иных юридических действий на взаимоотношения сторон смарт-контракта (например, положение о порядке заключения, изменения и прекращения договоров, недействительности сделок и др.). Косвенным подтверждением такой возможности можно расценивать отказ от первоначальной формулировки дополнения к ст. 309 ГК РФ (факт совершенного компьютерной программой исполнения сделки не оспаривается (кроме случаев вмешательства в действие программы)), которая была предусмотрена в законопроекте № 424632-7⁹. Указанное положение создавало бы особый режим оспаривания смарт-контрактов, отличный от иных сделок, тем самым ограничивая перечень предпосылок для признания их недействительными.

Рассмотрим ситуацию, ставшую предметом спора о факте заключения договора и понуждении к его исполнению. В деле № А55-7445/2022¹⁰, рассмотренном 02 февраля 2023 года апелляционным судом, истцом была сделана попытка доказать наличие между сторонами договорных отношений, оформленных путем совершения юридически значимых действий. Истцом после получения доступа к цифровой платформе, посредством которой общество с ограниченной ответственностью осуществляло продажу автомобилей с использованием смарт-контрактов, было получено предложение о покупке автомобиля, адресованное неопределенному кругу лиц, с указанием существенных условий договора купли-продажи

⁹ О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации: проект федерального закона № 424632-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁰ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02 февраля 2023 года по делу № А55-7445/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/beVQQZoff5LX> (дата обращения: 15.06.2024).

автомобиля. Покупатель посчитал такое предложение офертой и акцептовал ее путем оплаты счета на сумму, указанную в предложении. Продавец осуществил возврат суммы, посчитав транзакцию ошибочным переводом ввиду отсутствия письменного договора между сторонами. Суд счел доводы покупателя, подтверждающие закрепление договорных отношений, недостаточными. Однако отсутствие надлежащих доказательств могло быть обусловлено особенностью взаимодействия между продавцом и покупателем посредством сервиса, обеспечивающего ознакомление с условиями соглашения и формирования смарт-контракта, что не было отражено в решении суда. Размещенная на цифровой платформе информация допускала введение покупателя в заблуждение относительно возможности реализации порядка заключения сделки как в привычном формате юридически значимых действий (оферта-акцепт), так и присоединения к механизму смарт-контракта. Оба варианта допускаются нормами действующего законодательства и соответствуют принципу свободы договора.

Результаты исследований, объект которых затрагивает общественные отношения, так или иначе связанные с использованием смарт-контрактов и имеющие признаки противоправных действий, показывают, что применение инструментария смарт-контрактов весьма привлекательно для преступников, поскольку указанная сфера общественных отношений в настоящее время не в полной мере охвачена правовым регулированием, привлечение в качестве платежных средств криптовалюты является предпосылкой к сокрытию преступных доходов и ухода от ответственности. И. С. Буравов отмечает также «уязвимость программного кода смарт-контракта для хакерских атак, возможность создания лицом, разрабатывающим смарт-контракт, уязвимостей для дальнейшего завладения цифровыми активами»¹¹ [7, с. 330–331] и иным имуществом, кроме того перечисляет слабые места, которые позволяют нарушить безопасность (экономическую и информационную) смарт-контракта, в частности следующие погрешности:

- программирования;
- архитектуры систем, основанных на применении блокчейн-технологий;
- пороков сделки, связанных с логикой смарт-контракта (его первоначальной концепцией, имеющей форму классического договора), в том числе в отношении алгоритма действий системы в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства по соглашению [4, с. 332].

Не представляется возможным полностью исключить вероятность ошибок при кодировании условий договора УДС, а также противоправное вмешательство в закодированный алгоритм, которые могут стать причиной ненадлежащего исполнения обязательств стороной договора, возникновению убытков, что предопределяет необходимость решения вопроса об установлении границ ответственности между держателем сервиса (электронная площадка) для заключения

¹¹ Буравов И. С. Проблемы квалификации преступлений в сфере разработки и применения смарт-контрактов // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 329–336.

смарт-контрактов, программистом и другими действующими лицами. Кроме того, возникает необходимость страхования рисков на случай, если смарт-контракт не обеспечил выполнения действий [15], предусмотренных условиями договора, а также привлечения независимых аккредитованных экспертов к оценке юридически значимых обстоятельств исполнения сделки, в частности недостатков помещений при приемке объектов строительства дольщиками и др.

Результаты исследования

Действующая правовая регламентация (даже с учетом изменений, внесенных в ст. 309 ГК РФ) не содержит необходимых гарантий для использования формата смарт-контрактов применительно к договору участия в долевом строительстве. Повсеместному распространению практики заключения смарт-договоров участия в долевом строительстве должны предшествовать разработка и внедрение мер, предотвращающих негативные явления, аналогичные рассмотренным выше в отношении электронных сделок с использованием ЭП.

Подытоживая рассмотренные вопросы, отметим, что, несмотря на кажущуюся самостоятельность отношений, основанных на децентрализованных и иных системах, позволяющих автоматизировать исполнение обязательств, сложно говорить об отсутствии необходимости в правовой регламентации подобных механизмов взаимодействия участников имущественного оборота и сопряженных с их применением в долевом строительстве вопросов:

- по обеспечению надежной идентификации сторон договора;
- о безопасном использовании ЭП (например, для регистрации договора УДС в ЕГРН);
- о требованиях, предъявляемых к операторам платформ с обслуживающими СК сервисами, включая страхование рисков;
- о защите персональных данных;
- о соблюдении баланса между прозрачностью, надежностью транзакций и гарантий действия принципов гражданского права (в частности, свободы договора, автономии воли и добросовестности действий участников гражданских правоотношений);
- о разграничении ответственности в случае возникновения ущерба из-за ошибок в кодировании смарт-контракта между держателем электронной площадки для заключения смарт-контрактов, программистом и другими действующими лицами;
- о порядке разрешения споров;
- о правилах приоритета между текстовой версией договора УДС и компьютерным кодом, формирующим смарт-контракт;
- о порядке определения достоверности сведений, которые будут приниматься компьютерным алгоритмом как условие для выполнения соответствующей

транзакции (например, об отсутствии недостатков объекта долевого строительства);

– о правовых основах взаимодействия между оператором смарт-платформ и публичными сервисами (такими, как Росреестр, Единая информационная система жилищного строительства).

Все еще актуально теоретическое осмысление вопроса о правовой природе смарт-контрактов, поскольку он является ключевым элементом для формирования правовой и технической основы развития относительно нового инструмента, доказавшего свою привлекательность и состоятельность в финансовом секторе имущественных отношений. Кроме того, необходима развитая цифровая инфраструктура, защищенная от технических сбоев и кибератак.

Список источников

1. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Развитие цифровой экономики как фактор динамики правового регулирования общественных отношений // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 4 (52). С. 7–14.

2. Бадулина Е. В. Отметка в ЕГРН о возможности электронной регистрации — дополнительная гарантия права собственности на недвижимость // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 9 (216). С. 55–60.

3. Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica. 2019. № 7. С. 108–118.

4. Буравов И. С. Проблемы квалификации преступлений в сфере разработки и применения смарт-контрактов // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 329–336.

5. Варданян А. В. Преступления в сфере долевого строительства жилья и иных объектов недвижимости: проблемы законодательства и правоприменительной практики // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 1. С. 73–81.

6. Гаврилова Ю. В. Значение изменений в законодательстве о нотариате для реализации экономических прав граждан // Права человека — индикатор современного развития России: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2015. С. 193–199.

7. Гармашев М. А. Смарт-контракт как договор: виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения // Legal Bulletin. 2023. № 2. С. 77–87.

8. Договорное право / О. В. Буглимова, В. Г. Голышев, А. В. Голышева [и др.]. М.: Саратовский источник, 2023. 241 с.

9. Дробышевская Л. Н., Сумароков Н. В. Проектное финансирование жилищного строительства в Российской Федерации: роль смарт-контрактов // Инновационное развитие экономики. 2023. № 5 (77). С. 69–77.

10. Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78–105.

11. Колесников Ю. А., Борисов Б. А. Об особенностях прав по договору участия в долевом строительстве как утилитарных цифровых прав // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1 (58). С. 179–182.

12. Кузнецов С. С. К вопросу о применении смарт-контрактов на блокчейн-платформе в сфере долевого строительства // Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции с международным участием (Москва, 7 декабря 2019 г.) М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 504–508.

13. Ларичев В. Д. Характеристика преступлений, совершаемых с использованием усиленной квалифицированной подписи // Общество и право. 2020. № 2 (72). С. 15–20.

14. Лянной Г. Г. Электронная цифровая подпись, как новый способ совершения мошеннических действий в регистрационном производстве (в отношении недвижимого имущества) // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10 (178). С. 189–191.

15. Рожкова М. А. Смарт-контракт в договорной практике: программный код и «цифровая надстройка» классического договора // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 1 (39). С. 60–72.

16. Ситдикова Л. Б., Стародумова С. Ю. Генезис развития законодательства о долевом строительстве: история и современное состояние // Градостроительное право. 2022. № 4. С. 8–12.

17. Ситдикова Л. Б., Стародумова С. Ю. К вопросу о некоторых особенностях заключения сделки купли-продажи жилого помещения // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 2. С. 254–259.

References

1. Abramov R. A., Pashencev D. A. Razvitie cifrovoj e`konomiki kak faktor dinamiki pravovogo regulirovaniya obshhestvenny`x otnoshenij // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2023. № 4 (52). S. 7–14.

2. Badulina E. V. Otmетка v EGRN o vozmozhnosti e`lektronnoj registracii — dopolnitel'naya garantiya prava sobstvennosti na nedvizhimost` // Imushhestvenny`e otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2019. № 9 (216). S. 55–60.

3. Bogdanova E. E. Problemy` primeneniya smart-kontraktov v sdelkax s virtual`ny`m imushhestvom // Lex russica. 2019. № 7. S. 108–118.

4. Buravov I. S. Problemy` kvalifikacii prestuplenij v sfere razrabotki i primeneniya smart-kontraktov // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2023. № 26. S. 329–336.

5. Vardanyan A. V. Prestupleniya v sfere dolevogo stroitel`stva zhil`ya i iny`x ob`ektov nedvizhimosti: problemy` zakonodatel`stva i pravoprimitel`noj praktiki // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2022. Т. 16, № 1. S. 73–81.

6. Gavrilova Yu. V. Znachenie izmenenij v zakonodatel`stve o notariate dlya realizacii e`konomicheskix prav grazhdan // Prava cheloveka — indikator sovremennogo razvitiya Rossii: materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / otv. red. T. A. Soshnikova. M.: Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2015. S. 193–199.

7. Garmashev M. A. Smart-kontrakt kak dogovor: vidy`, sposoby` zaklyucheniya i soversheniya, problemy` ispolneniya // Legal Bulletin. 2023. № 2. S. 77–87.

8. Dogovornoe pravo / O. V. Buglimova, V. G. Goly`shev, A. V. Goly`sheva [i dr.]. M.: Saratovskij istochnik, 2023. 241 s.

9. Droby`shevskaya L. N., Sumarokov N. V. Proektnoe finansirovanie zhilishhnogo stroitel`stva v Rossijskoj Federacii: rol` smart-kontraktov // Innovacionnoe razvitie e`konomiki. 2023. № 5 (77). S. 69–77.

10. Efimova L. G., Mixeeva I. V., Chub D. V. Sravnitel'ny'j analiz doktrinal'ny'x koncepcij pravovogo regulirovaniya smart-kontraktov v Rossii i v zarubezhny'x stranax // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly e'konomiki. 2020. № 4. S. 78–105.

11. Kolesnikov Yu. A., Borisov B. A. Ob osobennostyax prav po dogovoru uchastiya v dolevom stroitel'stve kak utilitarny'x cifrovyy'x prav // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2022. № 1 (58). S. 179–182.

12. Kuznecov S. S. K voprosu o primenении smart-kontraktov na blokchejn-platforme v sfere dolevogo stroitel'stva // Yurisprudenciya 2.0: novy'j vzglyad na pravo: sbornik materialov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny'm uchastiem (Moskva, 7 dekabrya 2019 g.) M.: Rossijskij universitet druzhby narodov (RUDN), 2019. S. 504–508.

13. Larichev V. D. Karakteristika prestuplenij, sovershaemy'x s ispol'zovaniem usilenoj kvalificirovannoj podpisi // Obshhestvo i pravo. 2020. № 2 (72). S. 15–20.

14. Lyannoj G. G. E'lektronnaya cifrovaya podpis', kak novy'j sposob soversheniya moshennicheskix dejstvij v registracionnom proizvodstve (v otnoshenii nedvizhimogo imushhestva) // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. № 10 (178). S. 189–191.

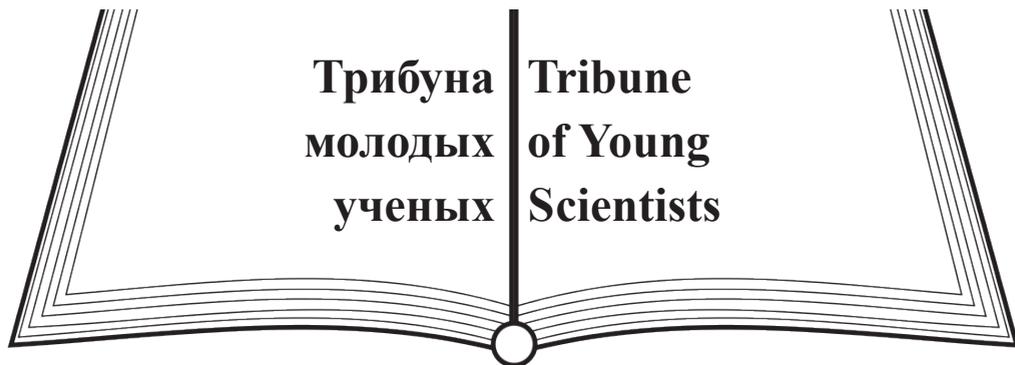
15. Rozhkova M. A. Smart-kontrakt v dogovornoj praktike: programmny'j kod i «cifrovaya nadstrojka» klassicheskogo dogovora // Zhurnal Suda po intellektual'ny'm pravam. 2023. Vy'p. 1 (39). S. 60–72.

16. Sitdikova L. B., Starodumova S. Yu. Genezis razvitiya zakonodatel'stva o dolevom stroitel'stve: istoriya i sovremennoe sostoyanie // Gradostroitel'noe pravo. 2022. № 4. S. 8–12.

17. Sitdikova L. B., Starodumova S. Yu. K voprosu o nekotory'x osobennostyax zaklyucheniya sdelki kupli-prodazhi zhilogo pomeshheniya // Pravo: istoriya i sovremennost'. 2022. T. 6, № 2. S. 254–259.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024;
одобрена после рецензирования: 15.07.2024;
принята к публикации: 19.07.2024.

The article was submitted: 02.07.2024;
approved after reviewing: 15.07.2024;
accepted for publication: 19.07.2024.

УДК 347.121.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-87-98

Р. Р. Аббуд

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
abbud.raul@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ОБРАЗ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме становления и развития права человека на образ как нового права для России в эпоху бурной цифровизации. Цель исследования — обосновать необходимость внедрения права человека на образ в российское право на основе анализа истории схожей концепции the right of publicity из права США. В статье проанализированы нормы действующего гражданского права России, регулирующие защиту нематериальных благ, доктрина и судебная практика США. Выявлена проблематика в данном вопросе, предложено совершенствование законодательства о нематериальных благах. Сделан вывод, что концепция из права США может послужить прообразом права человека на образ для российской доктрины и законодательства с учетом особенностей отечественного права.

Ключевые слова: право человека на образ; the right of publicity; право на публичность; генезис; нематериальные блага; гражданское право.

UDC 347.121.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-87-98

R. R. Abbud

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russian Federation,
abbud.raul@yandex.ru

**ON THE QUESTION OF THE GENESIS
OF THE HUMAN RIGHT TO AN IMAGE**

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of the formation and development of the human right to an image as a new right for Russia in the era of rapid digitalization. The purpose of the study is to substantiate the need to introduce the human right to an image into Russian law based on an analysis of the history of a similar concept of «right of publicity» from US law. The article analyzes the norms of the current civil law of Russia governing the protection of intangible benefits, the doctrine and judicial practice of the United States. The problematic questions in this issue have been identified, and improvement of legislation on intangible benefits has been proposed. It is concluded that the concept from US law can serve as a prototype of the human right to an image for Russian doctrine and legislation, considering the peculiarities of Russian law.

Keywords: the human right to an image; the right of publicity; genesis; intangible benefits; civil law.

Введение

В российском гражданском законодательстве нашли свою защиту нематериальные блага человека. Этому вопросу посвящена гл. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). В частности, в ст. 150 ГК РФ закреплён открытый перечень нематериальных благ, в числе которых жизнь и здоровье, достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация, имя гражданина и иные нематериальные блага¹.

Предназначение права на образ заключается в защите нематериальных благ человека от третьих лиц. Это новое право для российской доктрины, которое не имеет законодательного признания. В отечественной юридической литературе схожую проблематику затрагивали М. Н. Малеина, А. С. Мограбян, А. А. Галлямова, В. О. Пучков, А. Г. Матвеев и Е. Ю. Мартыанова. Так, М. Н. Малеина писала о правах, обеспечивающих индивидуализацию личности, в числе которых приводила: право на имя, право на индивидуальный облик (вид) и голос, право на честь, достоинство, деловую репутацию [2, с. 190–234]. А. С. Мограбян предлагала включить в гл. 8 ГК РФ статью, регулирующую

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 10.06.2024).

право на неприкосновенность внешнего облика физического лица [4, с. 105]. А. А. Галлямова и В. О. Пучков рассмотрели проблемы цифрового образа человека [1, 5]. А. Г. Матвеев и Е. Ю. Мартыанова рассматривали проблему гражданско-правовой охраны голоса человека при его синтезе искусственным интеллектом и предлагали соответствующие изменения в гражданское законодательство [3, с. 130].

Право человека на образ только начинает свой долгий путь развития и становления в России, поэтому автором предлагается обратить внимание на историю схожей правовой концепции из права США. Эта концепция в законодательстве и общем праве США известна как *the right of publicity* (далее — право на публичность).

Основное исследование

Начиная со второй половины XIX века в США в связи с бурным развитием производства и распространением печатной продукции, в том числе и фотографий, стали раздаваться призывы к праву контролировать свои изображения, особенно фотографии, которые были сделаны с разрешения или без него.

В 1869 году журнал *America Law Register* опубликовал статью, в которой выступал за создание основания для иска, направленного на предотвращение продажи изображения человека без его разрешения. Автор статьи утверждал, что люди обладают «естественным авторским правом» на свои собственные особенности и это право дает им возможность запрещать другим использовать их изображения без согласия². В 1884 году в статье, опубликованной в журнале *Washington Law Reporter*, прослеживалась мысль о признании «права на портрет», для того чтобы обеспечить контроль степени публичности о себе, и в частности контроль использования фотографий [10, с. 293]. Газета *The New York Times* в 1902 году призывала к праву на неприкосновенность частной жизни в такой степени, которая бы ограничивала публикации газетных изображений президента и известных предпринимателей [10, с. 293].

В американской доктрине отмечается, что основным историческим предшественником права на публичность является право на неприкосновенность частной жизни [6, с. 186]. С. Д. Уоррен и Л. Д. Брандейс впервые представили концепцию права на неприкосновенность частной жизни в своей знаменитой и влиятельной юридической статье в журнале *Harvard Law Review* в 1890 году «Право на неприкосновенность частной жизни», в которой обсуждалось «право человека на то, чтобы его оставили в покое», или *the right to be let alone* [11]. В течение следующих семидесяти лет право на неприкосновенность частной жизни стало охватывать четыре деликта, которые сформулировал У. Л. Проссер:

² URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2312&context=penn_law_review

необоснованное вторжение в уединение истца; публичное раскрытие частных фактов истца; публичность, которая выставляет истца в ложном свете общественности и присвоение в интересах ответчика имени или сходства истца [12, с. 389]. Современное право на публичность выросло из деликта Проссера о присвоении [6, с. 186].

подавляющее большинство американских комментаторов считают, что именно в 1953 году в решении Апелляционного суда второго округа США в деле *Haelan Labs., Inc. v. Topps Chewing Gum, Inc.*³ (далее — Хэлан) судья Дж. Фрэнк ввел в обиход термин «право на публичность».

Дело Хэлан 1953 года заключалось в том, что известные бейсболисты продавали права на свои изображения двум конкурирующим компаниям по производству жевательной резинки. Право на неприкосновенность частной жизни, являющееся личным правом и не подлежащее передаче, не допускало бы каких-либо претензий со стороны игроков. По-видимому, именно поэтому суд признал, что имидж знаменитостей имеет ценность, следовательно, их интересы при рекламе продукции должны быть защищены. Судья Дж. Фрэнк предположил, что право, защищающее имидж знаменитости, можно назвать правом на публичность. Он настаивал на очевидности того факта, что многие выдающиеся личности, например актеры или бейсболисты, чувствовали бы себя крайне обделенными, если бы они больше не получали прибыль за рекламу с их участием.

Таким образом, в ходе вышеуказанного знакового дела и в дополнение к праву на неприкосновенность частной жизни возникло новое независимое право — право на публичность.

Право на публичность предоставляло индивиду контроль над коммерческим использованием его личности и, следовательно, право на подачу иска против незаконного присвоения его образа. Появилось четкое различие между личным правом на то, чтобы быть оставленным в покое, и правом человека контролировать использование своей личности в коммерции. Право на неприкосновенность частной жизни защищает достоинство и душевный покой человека, не позволяет посторонним лицам вторгаться в личную жизнь других людей и компенсирует ущерб, нанесенный чувствам, то есть моральный вред. Напротив, право на публичность по своей природе подобно собственности. Оно служит коммерческому, а не моральному интересу, при этом ущерб оценивается в первую очередь с точки зрения материального вреда.

Спустя год после дела, касающегося бейсболистов, в 1954 году, знаменитый американский юрист М. Ниммер написал основополагающую статью «Право на публичность», после которой это право, ныне признанное ценным экономическим правом в США, дальше расширилось, охватывая любой аспект личности, который знаменитость может продать.

³ *Haelan Labs., Inc. v. Topps Chewing Gum, Inc.*, 202 F.2d 866 (2d Cir. 1953). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/202/866/216744> (дата обращения: 05.06.2024).

В статье Ниммера подчеркивалась неадекватность существующих правовых теорий для защиты коммерческих интересов знаменитостей, связанных с их личными данными. И в качестве решения предлагалось признание независимого права на публичность [7].

Однако есть и совсем противоположный взгляд на историю зарождения и развития права на публичность.

Так, например, Дж. Ротман считает, что право на неприкосновенность частной жизни с самого начала выполняло большую часть того, что мы сегодня считаем работой права на публичность [6, с. 278]. Еще до существования права контролировать публичность о себе общественные деятели могли защищать себя от экономического вреда. По ее мнению, большая часть общепринятого понимания этого права неточна. Как было сказано ранее, судья в вышеупомянутом деле и многие ученые описывали право на публичность и право на неприкосновенность частной жизни как противоположности. Но, по мнению Дж. Ротман, эти два права гораздо более похожи и взаимосвязаны, чем принято считать. Они начинались как одно и то же. Право на неприкосновенность частной жизни было первоначальным правом на публичность и было прямо призвано как право прекратить необоснованную публичность о себе и компенсировать как моральный, так и материальный вред [6, с. 279].

Вышеперечисленные комментаторы и Дж. Ротман сходились во мнениях в том, что право на неприкосновенность частной жизни по своей природе не могло быть передано, унаследовано, так как это право является неотчуждаемым правом конкретного человека, в отличие от права на публичность.

Право на неприкосновенность частной жизни изначально было правом на публичность. С середины XIX века в США право на прикосновенность частной жизни было непосредственно закреплено в деликтном праве и, прежде всего, сосредоточено на обеспечении контроля за правомерным использованием своей личной информации, например своего имени и сходства.

В 1929 году Дж. Рэглэнд — младший написал в журнале *Kentucky Law Journal*, что типичными делами о праве на прикосновенность частной жизни были дела о рекламе с картинками [11, с. 102]. Затем, спустя несколько лет, в 1932 году Л. Грин также подчеркнул, что наиболее частые дела о неприкосновенности частной жизни затрагивали присвоение чей-либо идентичности, в том числе несанкционированное использование имени, фотографии или сходства [6, с. 289].

По прошествии определенного периода времени среди судов и ученых устоялось правопонимание вышеуказанного права как права контролировать степень своей публичности, включая право прекращения и право на компенсацию за несанкционированное использование своего имени и сходства третьими лицами.

Многие из первых случаев нарушения неприкосновенности частной жизни были связаны с использованием изображений людей на различного рода

товарах и в самой рекламе. С точки зрения Дж. Ротман, именно аналогичные ранние дела, а не прецеденты вторжения в личное пространство человека или публикации сведений о его частной жизни, сыграли основополагающую роль в создании права на неприкосновенность частной жизни [6, с. 289].

В деле *Roberson v. Rochester Folding Box Co* 1902 года фотография молодой женщины Эбигейл Роберсон была использована без ее разрешения в рекламе муки⁴. Роберсон добровольно позировала для фотографа, однако не давала согласия на использование ее фотографии в рекламных целях. Суд отклонил иск Роберсон, сославшись на то, что, в соответствии с общим правом штата, не существует права на неприкосновенность частной жизни, которое могло бы обеспечить ей защиту. Такое решение суда вызвало сильный общественный резонанс, что привело к принятию в 1903 году одного из первых в США законов о неприкосновенности частной жизни⁵. Закон запрещал использование без письменного согласия имени, сходства, фотографии или портрета живого человека в рекламных целях. Сегодня этот закон уже защищает и голос человека. Дж. Ротман считает, что законы о праве на неприкосновенность частной жизни с самого начала выполняли ту же работу, что и законы о праве на публичность сегодня.

Еще одно определяющее дело — это дело *Pavesich v. New England Life Ins. Co* 1905 года⁶. Как и Роберсон, Павесич сам позировал для фотографии, которая затем была без его согласия использована в рекламе. Суд пришел к выводу, что право каждого человека выставлять себя на публику в любое время, во всех подходящих местах и надлежащим образом входит в право на личную свободу. Право не привлекать к себе общественное внимание в любое время, которое человек сочтет нужным, когда его присутствие на публике не требуется никакими нормами закона, также входит в право на личную свободу. Неприкосновенность частной жизни должна гарантироваться, как и возможность быть публичным. Если личная свобода включает в себя право на публичность, то она в меньшей степени включает в себя и право на неприкосновенность частной жизни.

Также, по мнению Дж. Ротман, делу Хэлан ошибочно приписывают создание права на публичность. Как было сказано ранее, еще задолго до данного дела люди защищали свою идентичность от несанкционированного использования в рекламе. Судья Дж. Фрэнк, по сути, не внес ничего нового. Говоря о праве на публичность, он, по-видимому, не осознавал ни давнего употребления этого термина, ни его истории и в целом того, что было сделано за десятилетия до рассмотрения дела Хэлан [6, с. 286].

⁴ *Roberson v. Rochester Folding Box Co.*, 64 N.E. 442 (N.Y. 1902). URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/3641834/roberson-v-rochester-folding-box-co> (дата обращения: 10.06.2024).

⁵ URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/CVR/50>

⁶ *Pavesich v. New England Life Ins. Co.*, 50 S.E. 68, 78–81 (Ga. 1905). URL: <https://law.justia.com/cases/georgia/supreme-court/1905/122-ga-190.html> (дата обращения: 10.06.2024).

Как отмечает Дж. Ротман, именно решение по делу *Zacchini v. Scripps-Howard Broadcasting* 1977 года (далее — Заккини), а не дело Хэлан создало то, что мы сегодня понимаем как право на публичность⁷. В рамках данного дела было создано право на публичность, а также установилось окончательное разделение между указанным правом и правом на неприкосновенность частной жизни [10, с. 302]. На сегодняшний день это единственное дело о праве на публичность, дошедшее до Верховного суда США.

Хьюго Заккини, человек — пушечное ядро, подал иск в суд о возмещении убытков на телевизионную компанию *Scripps-Howard*, которая снимала и затем без разрешения Заккини транслировала небольшой отрывок из его выступления. В конце концов дело дошло до Верховного суда США. Суд постановил, что Первая поправка к Конституции США о защите свободы слова, прессы и т. д. не освобождает средства массовой информации от гражданской ответственности, если они ведут трансляцию выступления без разрешения исполнителя. По сути, в данном деле перед судом стоял выбор между защитой конституционных прав и свобод, с одной стороны, и правом защиты от несанкционированной публичности — с другой. Судья Г. Блэкмун по данному делу затронул важную проблему. Он был обеспокоен тем, что если средства массовой информации могут вести без разрешения трансляцию выступления, подобные выступлению Заккини, то ничто не помешает им транслировать целые симфонии, боксерские матчи и т. п., если эти выступления не защищены законом об авторском праве [10, с. 304].

Суду потребовалось обосновать право на публичность как необходимое право, защищающее результаты деятельности. Суд указал, что в основе права на публичность лежит защита имущественных интересов человека в его действиях. Как пояснил суд, цели этой защиты схожи с целями патентного и авторского права. Суд сделал вывод о том, что предоставление Заккини права на публичность обеспечит ему экономический стимул создавать представления развлекательного характера, представляющие интерес для обществу. Суд также определил, что Заккини в первую очередь защищает свои экономические интересы, утверждая, что его иск имел мало общего с защитой морального вреда или защитой репутации. Напротив, его иск касался получения вознаграждения за свои затраченные усилия по проведению выступления.

По мнению большинства судей, никакой общественной цели не служило то, что телевизионная компания без разрешения Заккини транслировала его выступление на безвозмездной основе.

Таким образом, Верховный суд США постановил, что Первая поправка к Конституции США не распространяется на трансляцию всего выступления Заккини без его разрешения.

⁷ *Zacchini v. Scripps-Howard Broad. Co.*, 433 U.S. 562, 572 n.9 (1977). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/433/562> (дата обращения: 10.06.2024).

Право на публичность, уходящее своими корнями в право на неприкосновенность частной жизни, благодаря делу Заккини сместилось в сторону интеллектуальной собственности, став при этом шире по своему содержанию. Данное право теперь не ограничивается одной личностью. Теперь это право способно пережить смерть его владельца, оно охватывает банальное воссоздание личности человека и исходит из той презумпции, что использование чьей-либо идентичности должно быть возмездным [10, с. 306].

Исходя из вышесказанного, право на публичность — это многогранное, широкое по содержанию право. На развитие этого права в США влияли случайные и конъюнктурные факторы. Далее это право широко применялось в делах с участием знаменитостей, слава которых приводила к несанкционированному заимствованию их идентичности в коммерции.

Одно их первых судебных дел, расширившее объем права на публичность, — *Carson v. Here's Johnny Portable Toilets* 1983 года (далее — Карсон)⁸. Истец, Джонни Карсон, являлся известным артистом, который вел популярную передачу *The Tonight Show* на телевидении. Начиная с 1962 года в начале шоу Карсон представлялся публике под фирменную знаменитую фразу «А вот и Джонни». В 1976 году компания по продаже портативных туалетов зарегистрировалась под названием *Here's Johnny Portable Toilets*, или «А вот и портативные туалеты Джонни». Джонни Карсон подал иск на компанию, заявляя о заимствовании его атрибута личности без его разрешения и утверждая, что та нарушает его право на публичность. Федеральный окружной суд Восточного округа Мичиган отклонил иск Карсона по общему праву штата Мичиган о праве на публичность, так как ответчик не использовал имени, сходства или изображения Карсона. Апелляционный суд шестого округа США отменил решение окружного суда и признал правопонимание окружного суда концепции права на публичность довольно ограниченным. Суд постановил, что право на публичность было нарушено, поскольку ответчик несанкционированно присвоил себе узнаваемый аспект личности Джонни Карсона, а именно его фирменную фразу «А вот и Джонни».

Известное дело *Midler v. Ford Motor Co* 1988 года (далее — Мидлер) касалось того, что популярная певица Бетт Мидлер защищала свой голос от использования в рекламе без ее разрешения⁹. Рекламное агентство компании *Ford Motor Company* предложило Мидлер спеть песню для телевизионного рекламного ролика, но получило отказ от исполнительницы. По этой причине агентство наняло пародиста, способного сымитировать голос певицы в рекламном ролике. Когда реклама вышла в телевизионный эфир, многие люди указали на то, что голос очень сильно напоминает голос Мидлер,

⁸ *Carson v. Here's Johnny Portable Toilets, Inc.*, 698 F.2d 831, 836 (6th Cir. 1983). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/498/71/1652758> (дата обращения: 10.06.2024).

⁹ *Midler v. Ford Motor Co.*, 849 F.2d 460, 462–63 (9th Cir. 1988). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/849/460/37485> (дата обращения: 10.06.2024).

а некоторые и вовсе подумали, что именно Бетт Мидлер исполняет композицию в рекламе. Таким образом, возникло заблуждение среди людей, будто певица действительно спела песню и тем самым одобрила рекламирующийся продукт.

Апелляционный суд девятого округа США пояснил, что ни нарушения авторского права, ни нарушения добросовестной конкуренции со стороны ответчика в отношении Мидлер он не находит. Ст. 3344 Гражданского кодекса Калифорнии также не защищает Мидлер¹⁰. Данная статья предусматривает возмещение ущерба лицу от неправомерных действий другого лица по использованию его имени, голоса, подписи, фотографии или сходства любым способом. Голос, который ответчик использовал, принадлежал не Мидлер, а человеку, симитировавшему голос. Термин «сходство» относится к визуальному образу, а не к имитации голоса. Однако право на публичность защищает все атрибуты личности, которые можно коммерциализировать. Суд пришел к выводу, что имитации голоса ответчиком была осуществлена с целью создать впечатление у аудитории, будто Бетт Мидлер действительно спела в рекламе. Голос является признаком индивидуальности Мидлер. Его коммерческая ценность заключается в том, что рынок заплатил бы за то, чтобы Мидлер лично спела в рекламном ролике.

Таким образом, по решению суда присваивание путем имитации голоса Мидлер в рекламных целях является правонарушением. Голос человека не принадлежит ответчику.

Еще одним знаковым судебным решением для концепции права на публичность является дело *White v. Samsung Electronics America, Inc.* 1992 года (далее — Уайт)¹¹. Компания Samsung выпустила в эфир рекламное видео для своей продукции, где робот, одетый в платье и парик, стоит у игрового поля «Колеса фортуны». То, как робот был одет, и декорации вокруг него действительно напоминали известную ведущую шоу «Колесо фортуны» Ванну Уайт.

Основанием для иска Уайт к компании Samsung стала ст. 3344 Гражданского кодекса Калифорнии и право на публичность по общему праву Калифорнии. Уайт указала на то, что робот обладал ее визуальным подобием в нарушение вышеуказанной статьи. По ее мнению, было сознательно использовано в коммерческих целях сходство без ее одобрения. К тому же, по заявлениям Уайт, ответчик украл часть ее индивидуальности без выплаты компенсации. Апелляционный суд девятого округа США указал на сильное сходство рекламы ответчика с образом Ванны Уайт в роли ведущей шоу, а также на то, что Samsung присвоила этот образ. Довод компании Samsung о том, что это была лишь пародия, был признан несостоятельным, так как целью

¹⁰ URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?sectionNum=3344.&lawCode=CIV

¹¹ *White v. Samsung Elecs. Am., Inc.*, 989 F.2d 1512 (9th Cir. 1993). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/971/1395/71823> (дата обращения: 10.06.2024).

рекламного ролика было не пародирование Ванны Уайта, а продажа продукции ответчика.

Проанализировав вышеуказанные дела Карсона, Мидлер и Уайт, можно сделать вывод о том, что право на публичность не ограничивается лишь именем, изображением или сходством. Важно не то, каким способом ответчик присвоил идентичность истца, а сделал ли он это вообще. Поэтому представляется не совсем оправданным ограничиваться исчерпывающим перечнем средств присвоения личных данных человека.

В настоящее время в США нет федерального закона о праве на публичность. Каждый штат сам определяет сферу своего признания данного права, что приводит к большой дифференциации внутри государства. Около 36 штатов признают право на публичность [8, с. 2].

Результаты исследования

Российскому гражданскому законодательству и доктрине неизвестно право человека на образ. Открытый перечень нематериальных благ защищается ст. 150 ГК РФ. Изображение гражданина защищается ст. 152.1 ГК РФ. Однако, на наш взгляд, этого недостаточно. Следует защитить также голос человека и его сходство от несанкционированного использования. Также следует рассмотреть защиту и иных способов проявления идентичности человека. Поэтому, по аналогии со ст. 150 ГК РФ, перечень защищаемых способов проявления образа человека должен быть открытым. Право человека на образ могло бы объединить в себе и право на имя, и право на изображение, и право на голос и другие отличительные черты образа человека.

По мнению автора, право на публичность может послужить прообразом права человека на образ для российской юридической доктрины и законодательства с учетом отечественной правовой конъюнктуры. В эпоху стремительного развития информационных технологий и искусственного интеллекта все проще становится визуализировать человека. Это объективно несет в себе потенциальные риски сохранению контроля над публичностью человека. По мнению автора, данное право предоставит сильную защиту от несанкционированного использования образа человека.

Список источников

1. Галлямова А. А. Биопринтинг и право человека на цифровой образ: правовые проблемы // Право и бизнес. 2023. № 2. С. 39–44.
2. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление и защита): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Малеина Марина Николаевна; Московская государственная юридическая академия. М., 1997. 431 с.
3. Матвеев А. Г., Мартынова Е. Ю. Гражданско-правовая охрана голоса человека при его синтезе и последующем использовании // Ex Jure. 2023. № 3. С. 118–131. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-118–131

4. Мограбян А. С. Внешний облик физического лица как объект субъективного права на неприкосновенность внешнего облика // Вестник ВолГУ. 2011. Серия 9. Вып. 9. С. 102–106.
5. Пучков В. О. Основные проблемы цифрового образа субъекта гражданского права в цивилистической доктрине и судебной практике // Арбитражные споры. 2020. № 3. С. 143–158.
6. Daniel Gervais and Martin L. Holmes, *Fame, Property & Identity: The Purpose and Scope of the Right of Publicity* // *Fordham Intell. Prop. Media & Ent. L. J.* 2014. Vol. 25, № 1. P. 181–225.
7. Melville B. Nimmer *The right of publicity* // *Law and Contemporary Problems.* 1954. Vol. 19, № 2. P. 203–223.
8. Quinn Emanuel Urquhart & Sullivan, LLP *The Right of Publicity in the AI Age* // *Firm Memoranda.* 2023. P. 1–13.
9. Ragland G. J. *The Right of Privacy* // *Kentucky Law Journal.* 1929 Vol. 17, № 2. P. 85–122.
10. Rothman J. E. *The right of publicity's intellectual property turn* // *Columbia journal of law & the arts.* 2019. P. 277–319.
11. Warren Samuel D., Brandeis Louis D. *The Right to Privacy* // *Harvard Law Review.* 1890. Vol. 4, № 5. P. 193–220.
12. William L. Prosser *Privacy* // *California Law Review.* 1960. Vol. 48, № 3. P. 383–423.

References

1. Gallyamova A. A. *Bioprinting i pravo cheloveka na cifrovoj obraz: pravovy`e problemy`* // *Pravo i biznes.* 2023. № 2. S. 39–44.
2. Maleina M. N. *Lichny`e neimushhestvenny`e prava grazhdan (ponyatie, osushhestvlenie i zashhita): dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.03 / Maleina Marina Nikolaevna; Moskovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya. M., 1997. 431 s.*
3. Matveev A. G., Mart`yanova E. YU. *Grazhdansko-pravovaya ohrana golosa cheloveka pri ego sinteze i posleduyushhem ispol`zovanii* // *Ex Jure.* 2023. № 3. S. 118–131. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-118–131
4. Мограбян А. С. Внешний облик физического лица как объект субъективного права на неприкосновенность внешнего облика // Вестник ВолГУ. 2011. Серия 9. Вып. 9. С. 102–106.
5. Пучков В. О. Основные проблемы цифрового образа субъекта гражданского права в цивилистической доктрине и судебной практике // Арбитражные споры. 2020. № 3. С. 143–158.
6. Daniel Gervais and Martin L. Holmes, *Fame, Property & Identity: The Purpose and Scope of the Right of Publicity* // *Fordham Intell. Prop. Media & Ent. L. J.* 2014. Vol. 25, № 1. P. 181–225.
7. Melville B. Nimmer *The right of publicity* // *Law and Contemporary Problems.* 1954. Vol. 19, № 2 P. 203–223.
8. Quinn Emanuel Urquhart & Sullivan, LLP *The Right of Publicity in the AI Age* // *Firm Memoranda.* 2023. P. 1–13.
9. Ragland G. J. *The Right of Privacy* // *Kentucky Law Journal.* 1929 Vol. 17, № 2. P. 85–122.

10. Rothman J. E. The right of publicity's intellectual property turn // Columbia journal of law & the arts. 2019. P. 277–319.
11. Warren Samuel D., Brandeis Louis D. The Right to Privacy // Harvard Law Review. 1890. Vol. 4, № 5. P. 193–220.
12. William L. Prosser Privacy // California Law Review. 1960. Vol. 48, № 3. P. 383–423.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024;
одобрена после рецензирования: 15.07.2024;
принята к публикации: 19.07.2024.

The article was submitted: 02.07.2024;
approved after reviewing: 15.07.2024;
accepted for publication: 19.07.2024.

УДК 347.682.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-99-106

Г. В. Величкин

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
velichkingv@mgpu.ru

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР КАК СПОСОБ НАСЛЕДОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ

Аннотация. Многие граждане Российской Федерации еще не знакомы с понятием «наследственный договор» и опасаются его подводных камней, которые будут изучены ниже. В статье проводится детальный анализ характерных признаков наследственного договора и его особых условий, выделенных законодателем, а также в ходе практического применения. В процессе анализа выделяются ключевые стороны договора, выявляются значимые элементы с точки зрения положительных и отрицательных факторов, влияющие на применение данного договора в гражданском обороте субъектами складывающихся отношений. Производится поиск и выверение проблем, с которыми могут столкнуться участники гражданского оборота. Обосновывается необходимость внесения законодательных изменений в подходы к регулированию наследственного договора с целью его популяризации среди членов как отдельно взятой организации, так и граждан общества в целом.

Ключевые слова: законодательство; наследственное право; корпоративные права; наследственный договор; проблемы; Гражданский кодекс РФ.

UDC 347.682.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-99-106

G. V. Velichkin

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
velichkingv@mgpu.ru

INHERITANCE AGREEMENT AS A WAY OF INHERITING CORPORATE RIGHTS

Abstract. Many citizens of the Russian Federation are not yet familiar with the concept of «inheritance contract» and are wary of its pitfalls, which will be studied below. The article provides a detailed analysis of the characteristic features of an inheritance contract and its special conditions identified by the legislator, as well as in the course of practical application. In the process of analysis, the key parties to the contract are identified, significant elements are identified from the point of view of positive and negative factors affecting the application of this contract in civil circulation by subjects of developing relations. A search and verification of problems that participants in civil circulation may encounter is carried out. The need for legislative changes to approaches to regulating an inheritance

contract is substantiated in order to popularize it among members of both a separate organization and citizens of society as a whole.

Keywords: legislation; inheritance law; corporate rights; inheritance contract; problems; civil code.

Введение

В течение последних нескольких лет российское законодательство активно подвергается пересмотру и реформированию в самых различных отраслях и институтах. Этому способствуют различные возникающие причины внутреннего и внешнего характера. Экономические и политические изменения напрямую затрагивают правовую сферу общественных отношений, в которой корпоративная сфера представляется ключевым элементом, требующим пристального внимания со стороны государства и законодателя. Правовое научное сообщество также не оставляет без внимания корпоративную и наследственную сферы отношений [2], которые тесно между собой переплетаются в связи с усложнением корпоративных и наследственных отношений. Многие вопросы наследования корпоративных прав до сих пор остаются нерешенными. Для права как регулятора отношений между субъектами гражданского оборота это является опасной ситуацией, которая в незамедлительном порядке должна быть решена.

Основная цель работы — сбор и выявление существующих проблем в области наследственного договора как способа наследования корпоративных прав, его преимущества перед ранее известными, уже ставшими традиционными способами наследования, а также поиск и выработка решений по улучшению законодательства в данной области и применение этих улучшений с целью уменьшения рисков и негативных эффектов при использовании наследственного договора.

Степень научной разработанности темы

В связи с тем, что для российского правового поля институт наследственного договора представляется относительно молодым, так как его введение произошло в результате реформы третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) с 1 июля 2019 года, надлежит констатировать: тема исследования лежит в первичной плоскости научной разработанности. Однако многие положения наследственного договора были заимствованы у законодательств зарубежных государств с учетом специфики российской правовой системы. По данной тематике в информационном пространстве представлены работы таких авторов, как Н. С. Бессараб [2], И. О. Прокопьева [8], М. В. Корсун [6], Д. А. Дымский, Л. Б. Ситдикова [9; 10]. Тем не менее использование наследственного договора непосредственно в качестве способа приобретения корпоративных прав до сих пор не был научно проанализирован. Эти обстоятельства свидетельствуют

о необходимости введения данной темы в контекст законодательной и научной дискуссии и приведения всех поставленных задач под общей знаменатель.

Основное исследование

Наследование корпоративных прав остается до настоящего времени одной из самых запутанных и непонятных областей правовой науки и практики. Изучение вопросов наследования открывает все новые и новые законодательные пробелы, которые на данный момент не закрыты, что приводит к различным нарушениям и деградации самого института. С 1 июня 2019 года в российское наследственное право было внесено изменение, которое связано с введением новой формы наследования — наследственного договора [3, с. 54]. Однако данная форма не представляется недавним открытием и используется зарубежными правовыми порядками достаточно давно. Наследственный договор существует в законодательствах Германии, Латвии, Венгрии, Китая, Швейцарии.

Развитие наследственного права стало следствием усложнения экономических и гражданских правоотношений, в которых существующие модели поведения подвергаются изменениям, приведению в соответствие с объективно существующими потребностями общества. Однако в вопросе о необходимости появления третьей формы наследования прав и имущества за столь короткий промежуток времени возникло множество дискуссий.

Наследственному договору посвящена ст. 1140.1 ГК РФ. Данная статья не содержит определения наследственного договора, но на основании его признаков можно выделить основные черты рассматриваемого договора [5, с. 191]. Наследственный договор представляет собой двустороннее соглашение наследодателя с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию, определяющее порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к указанным лицам или к третьим лицам. Фактически к наследственному договору применяются нормы о наследовании по завещанию, о чем можно судить исходя из положения п. 1 ст. 1118 ГК РФ¹. Тем не менее наследственный договор обладает собственным набором противоречивых предписаний, которые нельзя оставить без рассмотрения для составления наиболее точной картины об этом правовом явлении. Наследственный договор является консенсуальным и начинает действовать с момента подписания сторонами. Также необходимо отметить, что данный договор может иметь характер как возмездного, так и безвозмездного договора.

Предметом наследственного договора выступает порядок перехода прав и обязанностей на имущество наследодателя после его смерти. Однако, в соответствии со ст. 1112 ГК РФ, в состав наследственной массы на день открытия наследства могут входить не только вещи, то есть предметы материального мира, но и иное имущество, а также имущественные права и обязанности [7, ст. 88]. Корпоративные права в статье о наследственном договоре прямо не поименованы,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ. Часть 3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154 (дата обращения: 08.02. 2024).

но это ни в коем случае не исключает возможности их наследования в рамках наследственной массы.

Наследственный договор может устанавливать порядок наследования доли в уставном капитале организации. Между тем механизмы наследования корпоративных прав поставлены в зависимость от наличия или отсутствия согласия оставшихся членов организации после смерти наследодателя. В соответствии со ст. 1176 ГК РФ члены хозяйственного товарищества или общества либо производственного кооператива вправе не дать согласия наследнику на вступление в члены организации, выплатив ему действительную стоимость унаследованной доли (пая) либо соответствующую ей часть имущества. То есть на данный момент конструкция наследственного договора в отношении корпоративных прав ломается перед необходимым согласием участников корпорации.

Несмотря на это, следует предположить, что конструкция наследственного договора будет востребована в случае наследования имущественных корпоративных прав, так как в любом случае, вне зависимости от наличия или отсутствия согласия остальных участников объединения, общество или иная организация обязана по требованию наследника выплатить стоимость этой доли [4, с. 357]. Здесь также можно отметить преимущество наследственного договора в случае вопроса об определении будущего организации, если мы говорим об организации одного лица. В целях сохранения бизнеса за членами семьи наследственным договором может быть урегулирован вопрос наследования бизнеса, а именно: наследодателем может быть указано подходящее в качестве наследника лицо, при этом наследодателем могут быть уточнены детали непосредственно в самом договоре: обязательное получение наследником статуса предпринимателя, внесение определенной суммы в уставной капитал, оказание содействия бизнесу наследодателя и иные вопросы. Или вполне допустимо предположить вариант передачи наследодателем части бизнеса члену организации, с которым сложились с течением времени доверительные отношения. Как известно, корпоративные отношения состоят не только из вертикальных связей корпорации и его членов, но также обязательным элементом корпоративных отношений являются горизонтальные связи членов отдельно взятого общества. Формирование благоприятной среды доверительных отношений между членами организации и их совершенствование напрямую влияет на качество работы такой компании и успешность ее деятельности. Поэтому заключение наследственного договора с таким членом общества представляется актуальным решением серьезной задачи сохранения активов и их приумножения в будущем. К тому же данный случай не будет попадать под действие абз. 2 п. 1 ст. 1176 ГК РФ, в котором прописан механизм необходимого согласия остальных членов для вступления наследника в данное общество². В сущности, наследник к этому моменту уже является его членом.

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ. Часть 3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154 (дата обращения: 09.02. 2024).

Однако плюсы наследственного договора не покрывают возникающих проблем и рисков, которые порой и являются причиной низкой популярности его применения. Одна из самых главных проблем — возможность заключения наследственного договора с разными лицами, отдельными наследственными договорами с одним и тем же предметом наследования. То есть, если возникнет ситуация, при которой имеется недобросовестный наследодатель, получивший выгоду по каждому договору от разных наследников, предмет договора перейдет только по первому заключенному договору, о чем говорит п. 8 ст. 1140.1 ГК РФ.

Примером данной проблемы может выступить следующая ситуация: наследодатель заключил наследственный договор с наследником о получении последним жилого дома в собственность после смерти наследодателя. По условиям договора наследник обязан осуществлять отчисления в пользу наследодателя в качестве ухода и выполнения условия договора. Однако недобросовестный наследодатель заключил еще несколько таких же договоров.

Обманутые наследники могут обратиться в суд за возмещением убытков с наследодателя. Но возместить реальные потери в связи с исполнением договора, справедливо определить убытки и возместить их в сжатые сроки на сегодняшний день не представляется возможным. Правовых гарантий на запрет заключения последующих договоров для наследников не существует. К тому же нельзя забывать, что наследственный договор даже после его заключения никак не ограничивает последующее отчуждение имущества наследодателем, например с помощью продажи, дара, обмена, уничтожения, внесения в уставной капитал и прочих возможностей. От таких возможных исходов также нет никаких гарантий.

Следующей проблемой может стать вариант одностороннего отказа от наследственного договора с обязательным уведомлением нотариуса второй стороны договора. Без сомнений, наследодатель, принимая такое решение, должен знать о последствиях подобного отказа и о последующих требованиях наследников о возмещении убытков. Однако потенциальные наследники по договору заключают договор не для получения возмещения, а для принятия предмета наследования, например получения бизнеса. Ограничить наследодателя в одностороннем отказе невозможно и, в сущности говоря, проверять мотивы такого отказа у нотариуса нет полномочий.

Дополнительно необходимо выделить проблему с выделом обязательной доли в имуществе наследодателя [8, с. 287]. Например, наследник или наследники добросовестно исполняли свои обязанности по наследственному договору в течение долгого времени, тратили средства и вкладывали свои силы, но в течение жизни наследодателя или после его смерти появился наследник, имеющий право на обязательную долю в наследстве. В этом случае заключившие договор наследники не могут рассчитывать на ту часть имущества, которая должна была причитаться по договору, что также делает наследственный договор еще более рискованным. Предусмотреть в наследственном договоре ситуации, связанные с обязательным наследником, бывает достаточно сложно в силу

ряда причин: правовой неграмотности сторон, развития серьезных болезней наследника, которые могут привести к нетрудоспособности, и иных причин.

В то же время в законодательстве отдельных европейских государств для решения данной проблемы был выработан специальный правовой механизм, исключаящий вышеописанную ситуацию. В австрийском гражданском кодексе установлена норма о «свободной доле», которая предполагает, что наследники не смогут безусловно получить все имущество наследодателя [6, ст. 1276]. Законом устанавливается, что предметом наследственного договора выступает только $\frac{3}{4}$ от общего количества наследственного имущества, предусмотренного по договору. Оставшаяся $\frac{1}{4}$ распределяется обязательному наследнику. В Швейцарии действует норма об обязательном заключении договора между наследником по договору с обязательным наследником; данным договором предусматривается право обязательного наследника вовсе отказаться от получения обязательной доли и получить соразмерную компенсацию от наследника в виде другого имущества, например денежных средств. Указанный механизм наиболее четко регламентирует права наследника по договору — получить причитающееся имущество — и отвечает интересам обязательного наследника, который в любом случае получает часть имущества для своего существования без кормильца. В частности, такой механизм будет актуальным при наследовании корпоративных прав, так как, скорее всего, обязательный наследник будет заинтересован в получении материальных средств, а не прав в организации.

Результаты исследования

Таким образом, при детальном анализе нового способа для российского законодательства наследования прав и имущества был выявлен ряд проблем и рисков, которые во многом являются ключевыми при использовании того или иного способа наследования. Наследственный договор не превалирует над мнением оставшихся членов организации при наследовании корпоративных прав, за исключением имущественных, что во многом исключает его особую значимость для наследника. Отсутствие реальных механизмов защиты прав и интересов наследников должны побудить законодателей и правоведов государства пересмотреть существующие нормы о наследственном договоре. Возможным решением существующих проблем будет внесение изменений в ст. 1140.1 ГК РФ путем включения пункта о «свободной доле», которая, по аналогии с Гражданским кодексом Австрии, будет включать обязательную долю в наследственном договоре. Этот пункт внесет ясность для сторон договора, чтобы исключить спор по рассматриваемому поводу.

Кроме того, в качестве гарантий исполнения договора и реализации прав и обязанностей наследников необходимо реформировать п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ о безусловном возможном отказе от исполнения договора с уведомлением наследников. В данном случае наиболее разумно будет внести положение

об отказе от исполнения договора по перечисленным в законе уважительным причинам. Например, односторонний отказ будет иметь место в случае:

- совершения противоправного деяния в отношении наследодателя наследником по наследственному договору;
- неисполнения обязанностей по договору, возложенных на наследника;
- ухудшения состояния здоровья наследника, которое привело к недееспособности.

Дополнительной мерой для поддержания баланса интересов в договоре будет установление нормы в ст. 1140.1 ГК РФ об обязательном уведомлении наследников через нотариуса о заключении последующих наследственных договоров наследодателем, а также нормы о предотвращении размывания наследственной массы по вышеуказанным договорам, что может также стать эффективным инструментом по реализации прав наследников.

Необходимой рекомендацией является просвещение граждан по вопросам правового регулирования, порядка заключения наследственного договора и др., а также проведение по указанным вопросам специалистами (нотариусы, юристы) разного рода разъяснительных мероприятий, что будет способствовать популяризации применения наследственного договора в обществе в целом, а также в корпоративной среде.

Список источников

1. Белоотченко Е. А. Наследственный договор в рамках реформирования российского наследственного права // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2 (48). С. 122–129.
2. Бессараб Н. С. Правовое регулирование наследственного договора в Российской Федерации: актуальные проблемы и пути их решения // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 4–2 (94). С. 78–80.
3. Гусейнова А. И. Понятие и правовая природа наследственного договора / А. И. Гусейнова // Закон и право. 2020. № 3. С. 54–55.
4. Захарова Е. А., Воронина Ю. Н., Шаназарова Е. В. Перспективы наследования бизнеса на основании наследственного договора в Российской Федерации // European Research: сборник статей победителей VII Международной научно-практической конференции (Пенза, 7 декабря 2016 г.) / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: Наука и Просвещение, 2016. С. 355–358.
5. Ким И. И. Актуальные проблемы применения наследственного договора в Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 17 (412). С. 190–193.
6. Корсун М. В. Проблемы применения наследственного договора в РФ // XVI королевские чтения: Международная молодежная научная конференция, посвященная 60-летию полета в космос Ю. А. Гагарина: сборник материалов (5–7 окт. 2021 г.): в 3 т. Т. 3. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, 2021. С. 1276–1277.
7. Кравчук А. А. Теоретические и практические подходы к пониманию сущности категории «корпорация» // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 3 (51). С. 81–94.
8. Прокопьева И. О. Основные проблемы наследственного договора // Молодой ученый. 2019. № 48 (286). С. 286–288.

9. Ситдикова Л. Б., Стародумова С. Ю. К вопросу о мерах ответственности и способах защиты при нарушении или неисполнении условий корпоративного договора // Юридический мир. 2021. № 11. С. 48–52.

10. Ситдикова Л. Б., Стародумова С. Ю. Наследование корпоративных прав // Наследственное право. 2019. № 1. С. 7–11.

References

1. Belootchenko E. A. Nasledstvenny`j dogovor v ramkax reformirovaniya rossijskogo nasledstvennogo prava // Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2017. № 2 (48). S. 122–129.

2. Bessarab N. S. Pravovoe regulirovanie nasledstvennogo dogovora v Rossijskoj Federacii: aktual`ny`e problemy` i puti ix resheniya // Mezhdunarodny`j nauchno-issledovatel`skij zhurnal. 2020. № 4–2 (94). S. 78–80.

3. Gusejnova A. I. Ponyatie i pravovaya priroda nasledstvennogo dogovora / A. I. Gusejnova // Zakon i pravo. 2020. № 3. S. 54–55.

4. Zaxarova E. A., Voronina Yu. N., Shanazarova E. V. Perspektivy` nasledovaniya biznesa na osnovanii nasledstvennogo dogovora v Rossijskoj Federacii // European Research: sbornik statej pobeditelej VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Penza, 7 dekabrya 2016 g.) / pod obshh. red. G. Yu. Gulyaeva. Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2016. S. 355–358.

5. Kim I. I. Aktual`ny`e problemy` primeneniya nasledstvennogo dogovora v Rossijskoj Federacii // Molodoj ucheny`j. 2022. № 17 (412). S. 190–193.

6. Korsun M. V. Problemy` primeneniya nasledstvennogo dogovora v RF // XVI korolyovskie chteniya: Mezhdunarodnaya molodezhnaya nauchnaya konferenciya, posvyashhennaya 60-letiyu poleta v kosmos Yu. A. Gagarina: sbornik materialov (5–7 okt. 2021 g.): v 3 t. T. 3. Samara: Samarskij nacional`ny`j issledovatel`skij universitet imeni akademika S. P. Korolyova, 2021. S. 1276–1277.

7. Kravchuk A. A. Teoreticheskie i prakticheskie podhody` k ponimaniyu sushhnosti kategorii «korporaciya» // Vestnik MGPU. Seriya «Juridicheskie nauki». 2023. № 3 (51). С. 81–94.

8. Prokop`eva I. O. Osnovny`e problemy` nasledstvennogo dogovora // Molodoj ucheny`j. 2019. № 48 (286). S. 286–288.

9. Sитдикова Л. Б., Стародумова С. Ю. К вопросу о мерах ответственности и способах защиты при нарушении или неисполнении условий корпоративного договора // Юридический мир. 2021. № 11. С. 48–52.

10. Sитдикова Л. Б., Стародумова С. Ю. Наследование корпоративных прав // Наследственное право. 2019. № 1. С. 7–11.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024;
одобрена после рецензирования: 15.07.2024;
принята к публикации: 19.07.2024.

The article was submitted: 02.07.2024;
approved after reviewing: 15.07.2024;
accepted for publication: 19.07.2024.

УДК 347.211

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-107-114

Н. А. Галкин

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
galkinna@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8538-283X>

**ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЦИФРОВОГО ИМУЩЕСТВА
КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ**

Аннотация. Целью исследования является определение понятия и места цифрового имущества в системе объектов гражданских прав. В эпоху цифровизации представляется важным иметь точное понимание новых явлений, чтобы впоследствии применять правильный правовой режим для новых объектов гражданских прав. Основной метод исследования — метод диалектического материализма, использованы общенаучные и специальные методы, такие как анализ, синтез, сравнительно-правовой и формально-догматический методы. В статье проанализированы доктринальные подходы к определению рассматриваемого явления и выявлена проблема правовой неопределенности термина «цифровое имущество». В ходе исследования были выделены признаки цифрового имущества, на их основе сформулирована дефиниция цифрового имущества как объекта гражданских прав. Сделан вывод о соотношении понятий «цифровое право» и «цифровое имущество».

Ключевые слова: цифровое имущество; виртуальное имущество; цифровой объект; виртуальная собственность; цифровой контент; цифровой актив; цифровое право.

UDC 347.211

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-107-114

N. A. Galkin

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
galkinna@mgpu.ru

**THE CONCEPT AND FEATURES OF DIGITAL PROPERTY
AS AN OBJECT OF CIVIL RIGHTS**

Abstract. The purpose of this study is to attempt to to define the concept and place of digital property in the system of objects of civil rights of civil rights. In the era of digitalization, it is important to have accurate understanding of the new phenomena to apply the correct legal regime for the new objects of civil rights correct legal regime for new objects of civil rights. The main method of research is the method of dialectical materialism, general scientific and special methods, such as analysis, synthesis, comparative analysis such as analysis, synthesis, comparative-legal and formal-dogmatic methods. The article analyzes the doctrinal approaches to the definition of the phenomenon under consideration

and the problem of legal uncertainty of the term “digital property” is revealed uncertainty of the term «digital property». During the research the features of digital property were singled out, on their basis the definition of digital property as an object of civil rights was formulated of civil rights. The conclusion is made about the correlation of the concepts of digital right and digital property.

Keywords: digital property; virtual property; digital object; virtual property; digital content; digital asset; digital law.

Введение

Научно-технический прогресс за последние 30 лет позволил кардинально изменить уклад жизни человека. Благодаря цифровизации и новым интернет-ресурсам появляются общественные отношения, о которых раньше нельзя было и подумать. Из-за обилия новых технологий появляются проблемы с правовым регулированием возникающих общественных отношений. Как отмечает Д. А. Пашенцев, «именно потребности регулирования отношений, непосредственно связанных с экономической деятельностью, во многом определяют основные направления развития законодательства, научные и практические подходы к формированию нового законодательного массива» [7, с. 38]. В целом исследователи отмечают, что развитие цифровой экономики приводит к возникновению пробелов в праве, которые требуют преодоления [1, с. 13].

Развитие цифровой экономики, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, действительно требует правового регулирования; за последнее время все чаще можно встретить цифровые объекты, которые подлежат реальной экономической оценке: невзаимозаменяемые токены (NFT), искусственный интеллект, криптовалюты, аккаунты и другие объекты. Не так давно появились виртуальные миры, которые либо повторяют реальную жизнь, либо создают непохожий ни на что новый мир. И в этом киберпространстве сформировался свой оборот виртуальных объектов, которые имеют реальную ценность. Так, в научно-фантастической видеоигре *Entropia Universe* существует выстроенная экономическая система. Игроки приобретают за реальные деньги виртуальные участки земли на планете и получают процент с суммы всех сделок, которые совершаются на этой планете. Разработчики предусмотрели шесть тысяч участков, цена каждого — 100 долларов. Один игрок приобрел 25 000 участков на общую сумму 2,5 миллиона долларов¹.

Несмотря на то что данное исследование имеет цивилистическую направленность, необходимо отметить, что правильное правовое регулирование цифровых объектов привнесет изменения не только в гражданское право, но и в другие его отрасли: налоговое, административное и уголовное. Так,

¹ Геймер купил недвижимость в игре на 2,5 миллиона долларов. URL: <https://lenta.ru/news/2012/04/05/entropia/> (дата обращения: 05.08.2024).

уже сегодня возбуждаются уголовные дела, которые связаны с кражей цифровых объектов. Например, в 2014 году был вынесен обвинительный приговор в отношении 29-летнего Дмитрия Шашкина² за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации. Фабула дела заключалась в том, что гражданин использовал хакерские программы и получил данные для авторизации пользователей в видеоигре. Затем менял пароли и те цифровые объекты, которые находились на аккаунте, продал их и полученную игровую валюту обменял на деньги. По приговору суда ему назначено наказание в виде 1,2 года ограничения свободы.

Таким образом, можно утверждать, что гражданский оборот пополняется новым видом объектов — цифровым имуществом. Безусловно, необходимо выбрать правильный правовой режим для данных объектов, но при этом необходимо понимать, как терминологически обозначать такие объекты, поэтому в начале пути следует теоретизировать данную тему и подобрать единый понятийный аппарат.

Степень научной разработанности

Под цифровым имуществом принято понимать объекты цифрового пространства [13, с. 42]. Также высказывается мнение, что цифровым имуществом признается объективированная виртуальными единицами информация, обрабатываемая в информационной системе, обеспечивающей возможность ее создания и передачи с помощью ЭВМ [8, с. 67].

Также известен термин «виртуальное имущество», под которым М. А. Рожкова понимает «нематериальные объекты, которые имеют экономическую ценность, но полезны или могут быть использованы исключительно в виртуальном пространстве»³.

Под схожим термином «виртуальная собственность» обычно понимают «объекты виртуального мира, которые приобретаются в результате виртуальной деятельности, путем вложения денежных средств и затрат труда индивида, и имеющие реальную имущественную ценность» [2, с. 31].

Данные термины являются тождественными, и чаще всего их синонимом выступает понятие «внутриигровое имущество», которое применимо только в отношении объектов, находящихся внутри видеоигры. Данная терминология не выдерживает критики. Если обратиться к толковому словарю, под термином «виртуальное» принято понимать: «возможный, такой, который может или должен

² В Раменском за неправомерный доступ к компьютерной информации третьих лиц осужден местный житель. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_50/mass-media/news?item=31062990 (дата обращения: 05.08.2024).

³ Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 05.08.2024).

появиться при определенных условиях» [11, с. 254]. Данное определение довольно четко объясняет сущность виртуального имущества, то есть предмета, который появляется только в условиях, задуманных разработчиками. Точнее, виртуальное имущество является копией какого-либо реального объекта, возможно из материального мира, но при этом не существует в реальности. А цифровое имущество представляет собой собирательный термин, так как под цифровым принято понимать нечто записанное цифровым кодом [3, с. 80].

Важное место занимает вопрос о разграничении понятий «цифровое имущество» и «виртуальное имущество». Так, А. В. Тумаков и Н. А. Петраков отмечают, что «термин “виртуальный” является характеристикой объекта, а термин “цифровой” отражает характеристику формы выражения» [12, с. 69]. При этом под цифровыми объектами принято понимать «нематериальные объекты, которые выражаются в программном коде, не имеют вещественной формы и фиксируются на электронном носителе, и распоряжаться ими возможно только в информационной системе» [4, с. 60]. Таким образом, термин «виртуальное имущество» уже термина «цифровое имущество» и в целом они не являются тождественными. Цифровым объектом является любой объект, находящийся в информационном пространстве, а виртуальный объект находится только в кибернетическом пространстве конкретной видеоигры.

Стоит упомянуть термин «цифровой контент», который А. И. Савельев считает аналогом виртуальной собственности [9, с. 394]. Можно утверждать, что данный термин более применим к авторскому праву и характеризует цифровое имущество именно как объект авторских прав, поэтому его использование в отношении вещных прав является спорным.

Из вышеизложенного видно, что в доктрине гражданского права нет однозначной позиции по точному определению цифрового имущества. Такое обилие понятийного аппарата приводит к проблемам правоприменения и порождает правовую неопределенность.

Таким образом, из числа рассмотренных дефиниций, можно сделать вывод, что термин «цифровое имущество» наиболее применим для внедрения в легальный оборот. В свою очередь, понятие «цифровой актив» является самостоятельным и относится к экономическим активам, таким как токены, криптовалюты. Виртуальная собственность и виртуальное имущество одинаковы, и их следует рассматривать только в качестве одного из видов цифрового имущества, то есть данные понятия являются более узкими.

Основное исследование

Для точного понимания рассматриваемого явления выделим признаки цифрового имущества, основываясь на вышеназванных определениях.

1. *Цифровое имущество не существует в физическом смысле.* Все авторы склонны утверждать, что цифровое имущество не представляет собой

овещественный результат человеческой деятельности. Так, В. С. Левинзон и Р. К. Митин утверждают, что данный признак является ключевым отличием от других объектов гражданских прав в силу его существования лишь в электронной среде [6, с. 40].

2. *Цифровое имущество имеет экономическую ценность.* А. А. Карцхия отмечает, что «цифровое имущество обладает потенциальной или действительной экономической ценностью, а также экономическим содержанием» [5, с. 24]. То есть к цифровому имуществу можно отнести только те объекты виртуального мира, которые подлежат оценке; значит, объекты, не имеющие ценности, уже не являются цифровым имуществом. Данная точка зрения хотя и логична, но в современных реалиях весьма спорна, так как вполне возможно, что изначально виртуальный объект не подлежит оценке по ряду причин: например, разработчики не предусмотрели технологической возможности, а через некоторое время такой инструмент появляется.

3. *Цифровое имущество подлежит активному обороту.* При этом активный оборот может носить как экономический, так и культурный характер. Например, аккаунт в социальной сети может не иметь денежной оценки, но быть ценен в духовном смысле для конкретного лица. Причем эти правила могут быть как технического характера и заложены в программный код, так и юридического характера, то есть закреплены в соглашении с конечным пользователем (пользовательское соглашение).

4. *Доступ к цифровому имуществу возможен только через специальное устройство.* М. А. Рожкова отмечает, что цифровое имущество не просто нематериальный объект, а доступ к нему возможен только в виртуальном пространстве⁴. То есть данный объект находится в киберпространстве, под которым понимается «искусственно создаваемая программно-аппаратными средствами объемная область — „пространство“ для размещения объектов и действий виртуальной реальности» [3, с. 196]. А доступ к киберпространству осуществляется за счет консоли, персонального компьютера или мобильного устройства, напрямую человек не может влиять на процессы, которые происходят в виртуальном пространстве.

5. *Цифровое имущество имеет индивидуальную определенность.* Подразумевается, что есть объекты, которые имеют индивидуальный цифровой код и могут быть уникальными, в единичных экземплярах или наоборот: объекты по своим характеристикам одинаковы, но при этом имеют разные коды.

Систематизировав рассмотренные признаки, можно сделать вывод, что все авторы считают основным признаком цифрового имущества его нематериальный характер, то есть то, что он существует только в киберпространстве. Такие авторы, как М. А. Рожкова, А. А. Карцхия, В. С. Левинзон и другие склонны утверждать, что цифровое имущество подлежит оценке и имеет экономическую

⁴ Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovy_e_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnosit (дата обращения: 05.08.2024).

ценность. Исходя из проведенного анализа признаков цифрового имущества, можно признать следующие характерные признаки: отсутствие физической оболочки и доступ через специальное устройство, а также цифровое имущество должно подлежать обороту, то есть возможности или праву отчуждения. По мнению автора статьи, следует выделить еще один признак: цифровое имущество удовлетворяет потребности пользователя. Подразумевается, что приобретение или отчуждение объектов, относимых к цифровому имуществу, каким-либо образом удовлетворяет личные интересы, при этом не обязательно в экономическом, но и в духовном смысле, без такого признака правовая охрана цифрового имущества будет нецелесообразна.

Результаты исследования

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Термин «цифровое имущество» является наиболее емким при определении всей терминологической совокупности описания цифровых объектов, его следует понимать как совокупность объектов кибернетического пространства, находящихся в активном обороте, удовлетворяющих интересы пользователя, доступ к которым возможен через специальное устройство.

2. Признаки цифрового имущества:

- цифровое имущество не существует в реальности, оно находится в киберпространстве, и доступ к нему возможен только через специальное устройство;
- цифровое имущество является оборотоспособным объектом и обладает возможностью отчуждения;
- цифровое имущество удовлетворяет экономические и (или) духовные интересы пользователя.

3. Соотношение понятий «цифровое право» и «цифровое имущество» [10, с. 125] заключается в том, что цифровое право, выступая обязательственным правом, возникает на определенный объект, то есть на цифровое имущество, а цифровое имущество, в свою очередь, является конкретным объектом, находящимся в цифровой среде.

Список источников

1. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Развитие цифровой экономики как фактор динамики правового регулирования общественных отношений // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 4. С. 7–14.

2. Балобанов М. Н., Клевец О. В. Природа и правовое регулирование виртуальной собственности // Актуальные вопросы корпоративного права: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 1 мая 2022 г.) / отв. за выпуск В. Д. Гридасов. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2022. С. 30–35. EDN: MCDHNE

3. Воройский Ф. С. Систематизированный толковый словарь по информатике: вводный курс по информатике и вычислительной технике в терминах. М.: Либерия, 1998. 376 с.
4. Ефимова Л. Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 8 (129). С. 52–62. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.129.8.052-062; EDN: VWFQTW
5. Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2019. 394 с. EDN: IRNCZH
6. Левинзон В. С., Митин Р. К. Правовое регулирование виртуального имущества // Закон и право. 2020. № 5. С. 39–42. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10209; EDN: JMUNEM
7. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3 (43). С. 31–39.
8. Петраков Н. А. Концепция цифрового имущества как объекта гражданских прав // Цивилист. 2024. № 1 (47). С. 62–69. EDN: ZQPOGQ
9. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 638 с.
10. Ситдикова Л. Б., Галкин Н. А. Цифровизация гражданского оборота: соотношение понятий «цифровое право» и «цифровое имущество» // Актуальные проблемы развития правовых институтов в контексте глобальных вызовов: сборник научных статей. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 2024. С. 124–126. EDN: JBCEUK
11. Скворцов Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи. СПб.: Диля, 2006. 1136 с.
12. Тумаков А. В., Петраков Н. А. Гражданско-правовые аспекты цифрового имущества // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 67–72. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-4-67-72; EDN: LGMFLV
13. Халагаева О. А. Виды цифровых прав // Гражданское право. 2023. № 5. С. 42–45. DOI: 10.18572/2070-2140-2023-5-42-45; EDN: CTGITU

References

1. Abramov R. A., Pashencev D. A. Razvitie cifrovoj e`konomiki kak faktor dinamiki pravovogo regulirovaniya obshhestvenny`x otnoshenij // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2023. № 4. S. 7–14.
2. Balobanov M. N., Klevecz O. V. Priroda i pravovoe regulirovanie virtual`noj sobstvennosti // Aktual`ny`e voprosy` korporativnogo prava: materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii molody`x ucheny`x i studentov (Ekaterinburg, 1 maya 2022 g.) / otv. za vy`pusk V. D. Gridasov. Ekaterinburg: Federal`noe gosudarstvennoe byudzhethnoe obrazovatel`noe uchrezhdenie vy`sшого obrazovaniya «Ural`skij gosudarstvenny`j yuridicheskij universitet», 2022. S. 30–35. EDN: MCDHHE
3. Vorojskij F. S. Sistematzirovanny`j tolkovy`j slovar` po informatike: vvodny`j kurs po informatike i vy`chislitel`noj texnike v terminax. M.: Libereya, 1998. 376 s.
4. Efimova L. G. Al`ternativny`j vzglyad na pravovoe regulirovanie grazhdansko-pravovy`x otnoshenij v usloviyax cifrovoj e`konomiki // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. T. 16, № 8 (129). S. 52–62. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.129.8.052-062; EDN: VWFQTW

5. Karczxiya A. A. Grazhdansko-pravovaya model' regulirovaniya cifrovyy`x texnologij: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.03. M., 2019. 394 s. EDN: IRNCZH
6. Levinzon V. S., Mitin R. K. Pravovoe regulirovanie virtual' nogo imushhestva // Zakon i pravo. 2020. № 5. S. 39–42. DOI: 10.24411/2073-3313-2020-10209; EDN: JMUNEM
7. Pashencev D. A. Osnovny`e napravleniya i osobennosti razvitiya zakonodatel' stva v usloviyax cifrovizacii i perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 3 (43). S. 31–39.
8. Petrakov N. A. Konceptiya cifrovogo imushhestva kak ob`ekta grazhdanskix prav // Civilist. 2024. № 1 (47). S. 62–69. EDN: ZQPOGQ
9. Savel`ev A. I. E`lektronnaya kommerciya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2016. 638 s.
10. Sitdikova L. B., Galkin N. A. Cifrovizaciya grazhdanskogo oborota: sootnoshenie ponyatij «cifrovoye pravo» i «cifrovoye imushhestvo» // Aktual'ny`e problemy` razvitiya pravovy`x institutov v kontekste global'ny`x vy`zovov: sbornik nauchny`x statej. Grodno: Grodnenskiy gosudarstvenny`j universitet im. Yanki Kupaly`, 2024. S. 124–126. EDN: JBCEUK
11. Skvorczov L. I. Bol`shoj tolkovy`j slovar' pravil'noj russkoj rechi. SPb.: Dilya, 2006. 1136 s.
12. Tumakov A. V., Petrakov N. A. Grazhdansko-pravovy`e aspekty` cifrovogo imushhestva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 4. S. 67–72. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-4-67-72; EDN: LGMFLV
13. Xalagaeva O. A. Vidy` cifrovyy`x prav // Grazhdanskoye pravo. 2023. № 5. S. 42–45. DOI: 10.18572/2070-2140-2023-5-42-45; EDN: CTGITU

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024;
одобрена после рецензирования: 15.07.2024;
принята к публикации: 19.07.2024.

The article was submitted: 02.07.2024;
approved after reviewing: 15.07.2024;
accepted for publication: 19.07.2024.

УДК 343.13

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-115-128

А. В. Ткачев

Российский новый университет,
Москва, Российская Федерация,
artyom.tkachyov@yandex.ru

**О ПЕРСПЕКТИВАХ ВВЕДЕНИЯ
ВНЕСУДЕБНОЙ ПРОЦЕДУРЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА
РЕАБИЛИТИРОВАННЫМ ЛИЦАМ**

Аннотация. Статья посвящена проблемам действующей процедуры получения возмещения вреда лицами, за которыми, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом России, признано право на реабилитацию. Автор указывает на чрезмерную длительность и сложность действующей процедуры. Целью исследования является выработка предложений по совершенствованию процедуры получения реабилитированными лицами возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда, в частности вариантов введения внесудебной процедуры получения выплат. В исследовательской части статьи предпринята попытка сформулировать критерии, позволяющие решить вопрос об отнесении того или иного дела именно к компетенции судов, а не органов исполнительной власти. Кроме того, в статье подробно описывается содержание внесудебной процедуры получения компенсации реабилитированными лицами на основе модели оказания государственных услуг. Автор приходит к выводу о том, что на сегодняшний день возможно введение внесудебной процедуры возмещения имущественного вреда реабилитированным лицам, а также внесудебной процедуры компенсации морального вреда при условии введения презюмируемого размера компенсации морального вреда для реабилитированных. Реализация изложенных в статье предложений имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку позволит значительно упростить процедуру получения выплат, уменьшить нагрузку на суды, а также позволит реабилитированным лицам в короткие сроки получать выплаты, что, в свою очередь, будет способствовать повышению авторитета государства и уровня правосознания.

Ключевые слова: реабилитация; возмещение вреда; незаконное осуждение; уголовное преследование; невиновность.

UDC 343.13

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-115-128

A. V. Tkachev

Russian New University,
Moscow, Russian Federation,
artyom.tkachyov@yandex.ru

**ON THE PROSPECTS OF INTRODUCING
AN EXTRA-JUDICIAL PROCEDURE FOR THE POSSIBILITY
OF HARM TO REHABILITATED PERSONS**

Abstract. The article is devoted to the problems of the current procedure for obtaining compensation for harm by persons who, in accordance with the Criminal Procedure Code of Russia, have the right to rehabilitation recognized. The author points out the excessive duration and complexity of the current procedure. The purpose of the study is to develop proposals to improve the procedure for rehabilitated persons to receive compensation for property damage and compensation for moral damage, in particular, options for introducing an out-of-court procedure for receiving payments. In the research part of the article, an attempt is made to formulate criteria that make it possible to resolve the issue of attributing a particular case specifically to the competence of courts, and not executive authorities. In addition, the article describes in detail the content of the out-of-court procedure for obtaining compensation for rehabilitated persons based on the model of public services. The author comes to the conclusion that today it is possible to introduce an out-of-court procedure for compensation of property damage to rehabilitated persons, as well as an out-of-court procedure for compensation of moral harm, provided that a presumed amount of compensation for moral harm for rehabilitated persons is introduced. The implementation of the proposals outlined in the article has important theoretical and practical significance, since it will significantly simplify the procedure for receiving payments, reduce the burden on the courts, and also allow rehabilitated persons to receive payments in a short time, which in turn will contribute to increasing the authority of the state and raising the level of legal awareness.

Keywords: rehabilitation; compensation for harm; unlawful conviction; criminal prosecution; innocence.

Введение

Общеизвестной в правовой науке является мысль о том, что недостаточно лишь формально закрепить в законе право или обязанность — необходимо создать условия для их реализации. В противном случае права и обязанности остаются лишь буквами на листе бумаги, не порождающими реальных правоотношений. При этом реализация права и исполнение обязанности должны соответствовать тем целям, для которых они были предназначены. Указывая на эти прописные истины, хочется затронуть проблемы, которые существуют на сегодняшний день у лиц, за которыми признано право на реабилитацию в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Перед тем как начать обсуждение вышеуказанных проблем, необходимо обозначить, кто является реабилитированным лицом в контексте нашей научной статьи. УПК РФ в п. 35 ст. 5 определяет реабилитированного как «лицо, имеющее в соответствии с настоящим Кодексом право на возмещение вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием». В доктрине данное определение вызывает немало критики. Например, высказываются мнения о том, что «лицо обретает статус реабилитированного тогда, когда в отношении него процесс реабилитации завершен полностью. Поэтому, опираясь на положение п. 34 ст. 5 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что лицо, только имеющее право на реабилитацию, является не реабилитированным, а реабилитируемым, то есть находящимся в процессе реабилитации» [4; с. 28]. В то же время ученые справедливо отмечают, что именно после принятия процессуального решения, которым за лицом признается право на реабилитацию, «никто не может сказать о том, что данное лицо совершило преступление» и «вряд ли можно говорить, что оно становится реабилитированным только после осуществления процесса реабилитации, ведь оно не перестанет быть реабилитированным, если не будет требовать восстановления своих прав и возмещение причиненного вреда» [7, с. 35]. Стоит согласиться с исследователями, придерживающимися второго мнения, поскольку в противном случае сложилась бы ситуация, при которой приобретение статуса реабилитированного зависело бы исключительно от воли самого лица.

Говоря о правовом статусе реабилитированного, необходимо отметить его право на обращение в суд с требованием о возмещении имущественного вреда в течение трех лет (общий срок исковой давности) с момента признания за ним права на реабилитацию и получения извещения с разъяснением порядка возмещения вреда. Кроме того, реабилитированный имеет право на компенсацию морального вреда (извинение от прокурора, компенсация в денежном выражении, сообщение о реабилитации в печати, по телевидению, радио, направление сообщения о реабилитации по месту его работы, учебы или месту жительства), а также восстановление трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав. Реализация указанных прав реабилитированного происходит в порядке, установленном УПК РФ, который, как уже было сказано выше, имеет ряд существенных недостатков.

Если обратиться к ч. 4 ст. 135 УПК РФ, то можно обнаружить, что для возмещения имущественного вреда в порядке реабилитации установлен сокращенный месячный срок рассмотрения дела судом, а также упрощенный, по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства, режим правовой защиты, освобождающий реабилитированного от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда и одновременно предоставляющий возможность участвовать в доказывании объема компенсации.

Такое безусловно положительное решение законодателя нивелируется дальнейшей процедурой получения выплаты в Министерстве финансов Российской Федерации (далее — Минфин России), которая регулируется приказом

Минфина России от 15 августа 2006 года № 271 «Об организации работы в Министерстве финансов Российской Федерации по исполнению судебных актов о взыскании денежных средств по искам к Российской Федерации в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации». Дело в том, что, в соответствии с данным приказом, у Правового департамента Минфина есть 75 дней на рассмотрение поступившего исполнительного документа, заявления и постановления суда. После истечения указанного срока Административный департамент может еще 15 рабочих дней не перечислять денежных средств реабилитированному. Получается, что с момента обращения в суд и до момента, когда денежные средства будут доступны заявителю, может пройти 1 месяц, 75 календарных и 15 рабочих дней, то есть суммарно 18 недель. Чем обусловлена такая длительная проверка вступившего в силу судебного акта, выданного на его основании исполнительного листа и заявления, не совсем понятно. Ситуация, при которой дело в суде, пусть и по упрощенной процедуре, рассматривается быстрее, чем приводится в исполнение в отношении должника, гарантированно имеющего средства для погашения задолженности, выглядит абсурдно.

Но и данный механизм возмещения выглядит благоприятным на фоне механизма получения компенсации морального вреда. Как известно, компенсация морального вреда реабилитированным осуществляется в рамках гражданского судопроизводства. Это означает, во-первых, что упрощенная процедура перестает действовать и все бремя доказывания того, что реабилитированный испытал тяжелые душевные страдания в связи с незаконным уголовным преследованием, ложится на него, а во-вторых, это означает значительное увеличение сроков получения компенсации.

Гражданские дела рассматриваются и разрешаются судом до истечения двух месяцев со дня поступления заявления в суд. Как показывает практика, суды в полной мере используют эти два месяца, иногда даже нарушая двухмесячный срок¹. Кроме того, решение суда вступает в силу по общему правилу через месяц. До этого момента реабилитированный не может получить исполнительный лист и запустить административную часть процедуры в Минфине России, о которой речь шла выше. При этом не исключено обжалование со стороны Минфина решения суда первой инстанции, причем по формальным основаниям. В этом случае вступление решения в законную силу оттягивается еще на несколько месяцев. Если реабилитированный не согласен с чрезвычайно маленькой, по его мнению, суммой компенсации морального вреда, что, с учетом крайне неоднородной судебной практики и отсутствия каких-либо конкретных критериев для определения ее размера, очень вероятно, то перед ним встает выбор: обжаловать решение суда и ждать несколько месяцев, не получив в настоящий момент никакой компенсации, в которой он, возможно,

¹ Информация по делу № 02-2746/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/50d0e2bb-8dcb-43e9-9c2c-4712504c2f9e?category=7d7f87f&formType=fullForm> (дата обращения: 01.03.2024).

после незаконного уголовного преследования сильно нуждается, или поскорее получить компенсацию, с размером которой он не согласен. В судебной практике вполне нормальным считается вступление в законную силу обжалованного в апелляционном порядке решения суда через восемь², девять³ или десять⁴ месяцев с момента подачи искового заявления в суд первой инстанции.

Кроме того, лицу, не имеющему специальных юридических знаний, необходимо разобраться: в рамках гражданского или уголовного процесса оно должно требовать компенсацию; необходимо правильно определить подсудность; составить исковое заявление в соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ); составить правовую позицию и подкрепить свои аргументы доказательствами. Конечно, реабилитированный может обратиться к квалифицированному юристу и в дальнейшем взыскать свои затраты на получение платных юридических услуг. Однако не у всех, особенно после незаконного уголовного преследования, есть средства на такие услуги. Кроме того, общеизвестным фактом является значительное снижение судами размеров взыскиваемых судебных расходов на представителей.

Таким образом, в настоящий момент в России существует серьезная проблема, связанная с длительностью и сложностью процедуры получения реабилитированными лицами возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда.

Для решения данной проблемы необходимо более детально проанализировать указанную процедуру с момента получения реабилитированным процессуального документа, в котором закреплено его право на реабилитацию, до момента фактического получения денежных средств, а также рассмотреть возможные альтернативные процедуры, которые позволили бы сократить время и сложность получения возмещения и компенсации.

Основное исследование

Как неоднократно отмечал Конституционный суд Российской Федерации в своих постановлениях, порядок возмещения имущественного вреда, предусмотренный главой 18 УПК является «ускоренным, сокращенным, квази-приказным производством, предназначенным для рассмотрения требований реабилитированного в условиях отсутствия спора о его субъективном праве

² Информация по делу № 02-2919/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/2559b3ac-4f83-4d13-93d6-e0c7302f302d?caseCategory=7d7f87f&formType=fullForm> (дата обращения: 01.03.2024).

³ Информация по делу № 02-3894/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/5f377721-ecf3-11ea-8f52-3b247e2c8078> (дата обращения: 01.03.2024).

⁴ Информация по делу № 02-2630/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/49f8f259-63d9-4923-8c6b-9612ef44b3d4> (дата обращения: 01.03.2024).

на возмещение вреда и о фактических обстоятельствах, предопределяющих размер возмещения»⁵.

Данная позиция органа конституционного контроля порождает вопрос о том, должны ли вообще требования реабилитированного о возмещении вреда рассматриваться судами или же их можно отнести к компетенции органов исполнительной власти, например Минфина России.

Рассуждая о деятельности судов, невозможно не затронуть понятия «правосудие». Конституция России, ограничиваясь лишь констатацией того факта, что данная деятельность может осуществляться исключительно судами, не дает ответа на вопрос, что же такое правосудие и какую именно деятельность судов можно назвать правосудием.

Сегодня в доктрине доминирует мнение о том, что понятие «правосудие» не отражает всего разнообразия деятельности судов и входит в более широкое понятие «судебная деятельность». Как справедливо отмечается в научной литературе, «судебная активность включает в себя две составляющие: процессуальную и организационную (административную)» [8, с. 170]. К административной деятельности суда относят, например, формирование судебной статистики, обезличивание судебных актов, подготовку обзоров судебной практики. Процессуальной деятельностью является правоприменение в рамках четко регламентированной соответствующими кодексами процессуальной формы.

При этом, как отмечают некоторые авторы, не любую процессуальную деятельность суда можно отнести к осуществлению правосудия. В частности, к правосудию не относят рассмотрение судами дел в порядке приказного производства, установление судами юридических фактов, оказание содействия исполнению решений иностранных судов, контроль за исполнением решений третейских судов, судебный контроль за органами предварительного следствия, поскольку в данном случае отсутствует правовой спор, разрешение которого многими авторами относится к одному из существенных признаков осуществления правосудия [6, с. 44].

В. Ф. Яковлев считает, что в подобных случаях суды фактически превращаются в придаток исполнительной, административной власти [6, с. 44]. Похожую позицию занимает А. Т. Боннер, полагая, что деятельность судов по рассмотрению дел особого производства нельзя отнести к правосудию, так как она носит административный, а не судебный характер [6, с. 56].

Указанные позиции ученых подвергаются критике, однако нельзя не согласиться с тем, что сегодня суды занимаются рассмотрением огромного количества вопросов, которые по своей сути не очень отличаются от административных функций органов исполнительной власти.

⁵ По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, части пятой статьи 135 и части первой статьи 138 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. С. Пермякова: Постановление Конституционного Суда РФ от 12 октября 2021 года № 44-П // КонсультантПлюс.

Даже представители судейского сообщества сходятся во мнении, что некоторые судебные функции вполне могут быть переданы другим юрисдикционным органам в случаях, когда имеет место взыскание бесспорной задолженности. В частности, в качестве одного из способов оптимизации судебной нагрузки Президиум Совета судей Российской Федерации предложил передать дела приказного производства в компетенцию нотариусов, поскольку такие дела, являясь по своей сути бесспорными, могут разрешаться путем учинения исполнительной надписи⁶.

Интересным представляется опыт ЕС, и в частности ФРГ, по созданию полностью автоматизированного приказного производства, в ходе которого кредитор подает заявление о взыскании через Интернет по установленной в регламенте форме, а проверка данного заявления осуществляется автоматически без участия судьи [2, с. 199].

Также справедливо отмечается, что сегодня «большая часть работы судов — это выполнение несвойственных им функций, являющихся по сути канцелярскими. Суды вместо, собственно, юрисдикционной деятельности, предполагающей разрешение споров независимым органом по специальной процедуре, занимаются механической деятельностью — оформлением бумаг, необходимых для старта процедуры взыскания» [1, с. 5].

С учетом огромной проблемы перегруженности судов общей юрисдикции отнесение разрешения того или иного вопроса к компетенции суда должно иметь серьезные основания.

Представляется, что к таким основаниям можно отнести, во-первых, наличие правового конфликта, который необходимо разрешить при рассмотрении вопроса. Под правовым конфликтом, который включает в себя спор о праве и правонарушение, в науке понимается конфликт «имеющий своими субъектами стороны спорного материального правоотношения и возникающий в связи с несоблюдением правил, установленных правовыми нормами, нарушением одной стороной субъективных прав другой стороны и отсутствием у них намерений восстановить их в добровольном порядке» [3, с. 532].

К компетенции суда в обязательном порядке должны быть отнесены вопросы, связанные с существенным ограничением лица в правах. В случае когда возникает вопрос об ограничении базовых конституционных прав, например права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, свободу и личную неприкосновенность, права на неприкосновенность жилища, то логично, что его рассмотрение должно быть поручено наиболее компетентным должностным лицам, а само рассмотрение данного вопроса должно быть проведено в строгом соответствии с установленной законом процессуальной формой и вытекающими из нее правовыми гарантиями.

⁶ Об итогах обобщения предложений по оптимизации судебной нагрузки: Постановление Президиума Совета судей РФ от 25 февраля 2016 года № 489 // КонсультантПлюс.

Судьи проходят сложный квалификационный отбор, состоящий в сдаче квалификационного экзамена в квалификационной коллегии судей, а к претенденту на занятие должности судьи предъявляются высокие требования: к стажу работы по юридической профессии, наличию юридического образования, отсутствию судимости, гражданства иностранного государства или вида на жительство в иностранном государстве. При этом судьи не могут заниматься предпринимательской деятельностью, публично поддерживать политические партии и общественные организации. Иными словами, с точки зрения закона, судьи — это независимые, квалифицированные в области права лица с идеальной репутацией и высоким уровнем правосознания. Именно поэтому рассмотрение чрезвычайно важных вопросов о существенном ограничении лиц в правах должно быть доверено исключительно судьям.

Еще один критерий, который может быть применен при принятии решения о рассмотрении вопроса именно судами, — правовая сложность дела. В случае когда для разрешения дела необходимо комплексное и глубокое знание материального и процессуального права, особенностей его толкования, понимание основ логики, развитое правовое мышление, его рассмотрение должно быть отнесено к компетенции профессионала в области права, которым и является судья.

При этом стоит отметить, что в настоящее время в России существуют внесудебные органы, которые в рамках административной процедуры занимаются рассмотрением споров (например, Палата по патентным спорам). Некоторые органы исполнительной власти без санкции суда имеют право существенно ограничить лицо в правах. В частности, Федеральная служба по финансовому мониторингу, при наличии предусмотренных законом оснований, имеет право включить лицо в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности, или к терроризму, что влечет за собой серьезные ограничения по пользованию и распоряжению имуществом. Кроме того, очевидно, что дела, рассматриваемые, например, комиссией по рассмотрению дел о нарушении антимонопольного законодательства, по своей правовой сложности как минимум не уступают типовому делу о взыскании дебиторской задолженности, рассматриваемому в суде в порядке общеискового производства.

Указанные примеры свидетельствуют о том, что на сегодняшний день с учетом сложившейся компетенции судов и органов исполнительной власти достаточно проблематично выделить критерии, которые позволили бы однозначно дать ответ на вопрос о том, должно ли данное дело быть рассмотрено судом или его можно отнести к компетенции иного юрисдикционного органа. Однако чем больше вышеописанных обстоятельств имеет место, тем с большей уверенностью можно утверждать, что данное дело должно быть разрешено именно судом.

Возвращаясь к вопросу недостатков процедуры получения реабилитированными лицами возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда, необходимо констатировать, что в случае с получением имущественного

вреда отсутствует спор о праве и о фактических обстоятельствах дела. Деятельность суда сводится к оказанию содействия заявителю в сборе доказательств, если у последнего возникают сложности с их получением, а также к механическим функциям по подсчету размера вреда на основе собранных доказательств. Очевидно, что в данном случае отсутствует правовая и фактическая сложность дела, а также не затрагиваются вопросы, связанные с существенным ограничением прав. Суд просто на основании предоставленных и самостоятельно собранных документов производит математические расчеты, после чего выносит постановление о производстве выплаты. Подобные функции вполне могут быть делегированы другому юрисдикционному органу без ущерба для прав реабилитированного.

В сфере компенсации морального вреда, как было указано выше, привилегированный квазиприказной порядок уже не действует, а действуют общие нормы ГПК РФ об исковом производстве. Реабилитированный в рамках гражданского дела освобожден от доказывания факта того, что действия государственных органов носили незаконный характер, поскольку это напрямую вытекает из оправдательного приговора или постановления о прекращении уголовного дела, однако истец должен предоставить суду доказательства, которые подтвердили бы, что заявляемая им сумма компенсации является разумной, справедливой и соразмерной тем страданиям, которые он пережил в результате незаконного уголовного преследования. Именно в определении размера компенсации в данном случае и кроется правовой конфликт, поскольку Минфин России, являющийся ответчиком по таким делам, как правило, не согласен с запрашиваемой суммой и просит о ее снижении. Наличие правового конфликта делает невозможным исключение суда из процедуры определения компенсации морального вреда реабилитированному лицу.

Однако это единственное препятствие может быть устранено в случае введения в России минимального размера компенсации морального вреда для реабилитированных лиц. Данная идея не является новой и активно обсуждается в правовой науке уже длительное время [5, с. 99]. Создание подробной таблицы с размерами компенсации вреда за каждый день незаконного применения того или иного наказания, меры пресечения, иной меры процессуального принуждения, принудительной меры медицинского характера, принудительной меры воспитательного воздействия позволит устранить наличие правового конфликта и свести деятельность по выплате компенсации морального вреда реабилитированному лицу к математическим подсчетам по умножению количества дней на размер компенсации из соответствующей графы таблицы, которые могут быть поручены иному юрисдикционному органу.

Очевидно, что слово «минимальный» в данном случае должно иметь не декоративное значение, а в полной мере отражать суть данного размера компенсации. В случае если лицо полагает, что минимальный размер, рассчитанный и выплаченный в его пользу, несправедлив, то ему должно быть предоставлено право на обращение в суд с иском об увеличении размера

компенсации, в рамках которого суд более подробно рассмотрит все обстоятельства дела и с учетом индивидуальных особенностей личности и обстоятельств конкретного дела примет решение, увеличивать ли компенсацию морального вреда и в каком размере произвести доплату. При этом в качестве дополнительной правовой гарантии в УПК РФ необходимо закрепить норму, напрямую запрещающую суду снижать размер компенсации, который уже был выплачен реабилитированному.

Данная процедура полностью не исключит обращение реабилитированных лиц в суд, однако позволит им в кратчайшие сроки получить от органа исполнительной власти некий минимум, выплата которого не будет зависеть от вступления судебного решения в законную силу. Кроме того, очевидно, что при достойном установлении минимального размера компенсации морального вреда не все реабилитированные останутся недовольны компенсацией, а это значит, что суды частично освободятся от рассмотрения подобных исков.

Более подробно говоря о содержании внесудебной процедуры возмещения вреда, необходимо понимать, что данный порядок должен быть максимально упрощен, лишен бюрократизма и других барьеров. Одной из самых простых и эффективных моделей взаимодействия лиц и органов исполнительной власти в настоящее время является оказание государственных услуг при помощи многофункциональных центров (далее — МФЦ). Сотрудники таких центров бесплатно консультируют граждан по интересующим их вопросам, а также оказывают им всестороннее содействие в составлении заявлений и получении иных документов, необходимых для оказания государственной услуги. При этом сами МФЦ часто не оказывают государственные услуги, а лишь являются посредниками между органом исполнительной власти и заявителем, помогая гражданам в составлении обращения в необходимой форме. Данную модель вполне можно распространить и на реабилитацию, а вернее, на ту ее часть, где отсутствует спор. Идеальной видится ситуация, когда лицо приходит в МФЦ с процессуальным актом, которым за ним признано право на реабилитацию, документами, подтверждающими имущественный вред, а также со справкой с указанием всех необходимых сроков для расчета минимального размера морального вреда и с помощью сотрудников МФЦ пишет заявление на получение компенсации. После этого МФЦ должен самостоятельно передать пакет документов в уполномоченный административный орган, например в Минфин России, должностные лица которого в срок, не превышающий 30 дней, обязаны произвести расчет минимального размера компенсации морального вреда и имущественного вреда, а также перевести денежные средства на банковский счет реабилитированного. Наряду с этим по адресу реабилитированного должна быть направлена копия решения о выплате указанных сумм с приложенными к ней расчетами и разъяснением права обжаловать данное решение в судебном порядке в случае несогласия с размером выплаченных сумм.

Предложенный внесудебный порядок возмещения вреда реабилитированным лицам полностью соотносится с назначением уголовного процесса

по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод

Часть 4 ст. 11 УПК РФ, регламентирующей принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, напрямую отсылает к порядку возмещения вреда реабилитированному лицу. Таким образом, предложенный порядок возмещения вреда фактически является средством, позволяющим реализовать указанный принцип.

Кроме того, несмотря на то что ст. 6.1. УПК РФ, закрепляющая важный принцип разумности уголовного судопроизводства, напрямую не регулирует срок процедуры получения компенсации реабилитированными лицами, можно уверенно утверждать, что указанный принцип должен распространяться в том числе и на данную процедуру, поскольку, во-первых, порядок ее реализации заложен именно в УПК РФ, а во-вторых, данная процедура неразрывно связана с досудебным и судебным производством, являясь их последующим этапом, позволяющим фактически реализовать тот юридический результат, который был достигнут при рассмотрении дела по существу. В этой связи предложенный внесудебный порядок позволяет сделать принцип разумности срока уголовного судопроизводства применительно к процедуре получения компенсации реабилитированными лицами не просто декларируемым, а реально действующим, так как приводит к значительному сокращению сроков указанной процедуры.

Хочется отметить, что суть реабилитации и ее нравственные основы говорят о том, что непозволительно заставлять лицо, подвергнутое незаконному уголовному преследованию, ждать компенсации многие месяцы. Государство как виновная сторона обязано действовать максимально добросовестно. Затягивание срока выплат компенсации и возмещения свидетельствует о том, что государство хотя и признало свою неправоту, однако конкретные шаги, направленные за заглаживание вины, совершает крайне неохотно. У реабилитированного в такой ситуации могут обоснованно возникнуть мысли о неискренности таких извинений. Безусловно, это не содействует формированию доверия к государству, а, напротив, вызывает чувство обиды, несправедливости и способствует развитию в обществе правового нигилизма.

Результаты исследования

Для реализации предложений, высказанных в рамках данного исследования, потребуются внесение изменений в УПК РФ. В частности, необходимо ч. 5 ст. 135 признать утратившей силу, а ч. 2, 4, 6 указанной статьи изложить в следующей редакции:

2. В течение сроков исковой давности, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации, со дня получения копии документов, указанных в части первой статьи 134 настоящего Кодекса, и извещения о порядке возмещения вреда реабилитированный вправе обратиться с заявлением о возмещении

имущественного вреда в Министерство финансов Российской Федерации, в том числе посредством обращения в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг по месту жительства реабилитированного.

4. Не позднее одного месяца со дня поступления заявления о возмещении имущественного вреда с приложенными к нему документами должностное лицо Министерства финансов Российской Федерации определяет его размер и выносит решение о производстве выплат в возмещение этого вреда и осуществляет выплату денежных средств. Указанные выплаты производятся с учетом уровня инфляции.

6. Копия решения вручается или направляется реабилитированному, а в случае его смерти — лицам, указанным в части второй статьи 134 настоящего Кодекса. В решении разъясняется право реабилитированного или лиц, указанных в части второй статьи 134 настоящего Кодекса, на обжалование данного решения в судебном порядке.

Дополнить ст. 136 чч. 2.1., 2.2., 2.3. следующего содержания, а также изложить ч. 2 данной статьи в следующей редакции:

2. Минимальный размер компенсации морального вреда в денежном выражении устанавливается Постановлением Правительства Российской Федерации. Заявление о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении подается в Министерство финансов Российской Федерации, в том числе посредством обращения в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг по месту жительства реабилитированного.

2.1. Не позднее одного месяца со дня поступления заявления о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении с приложенными к нему документами должностное лицо Министерства финансов Российской Федерации, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации, определяет минимальный размер компенсации морального вреда и выносит решение о производстве выплат в возмещение этого вреда и осуществляет выплату денежных средств.

2.2. Копия решения вручается или направляется реабилитированному. В решении разъясняется право реабилитированного на обжалование данного решения в судебном порядке.

2.3. Размер компенсации морального вреда в денежном выражении, определяемый в соответствии с Постановлением Правительства, является минимальным и должен быть увеличен судом в случае, если будет установлено, что с учетом степени и характера физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, иных заслуживающих внимания обстоятельств, в том числе продолжительности судопроизводства, длительности и условий отбывания наказания, вида исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание, и других обстоятельств, имеющих значение при определении размера компенсации

морального вреда, выплата минимального размера компенсации морального вреда в денежном выражении реабилитированному не приведет к полному устранению всех последствий его незаконного или необоснованного уголовного преследования.

Статью 137 изложить в следующей редакции:

1. Решение должностного лица Министерства финансов Российской Федерации о производстве выплат в возмещение имущественного вреда, возврате имущества может быть обжаловано в порядке, установленном главами 45.1 и 47.1 настоящего Кодекса.

2. Решение должностного лица Министерства финансов Российской Федерации о производстве выплат в возмещение морального в денежном выражении может быть обжаловано в порядке, установленном главами 39 и 41 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

3. Обжалование решений, указанных в части 1 и 2 настоящей статьи, не влечет приостановление выплат по ним.

Пункт 1 ст. 397 изложить в следующей редакции:

1) о восстановлении трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав реабилитированного в соответствии с частью первой статьи 138 настоящего Кодекса.

Кроме того, необходимо разработать проект постановления Правительства Российской Федерации, в котором должен быть закреплён минимальный размер компенсации морального вреда, определяемый исходя из критериев, обозначенных в настоящей статье, а также внести изменения в приказ Минфина России от 15 августа 2006 года № 271 в части сокращения сроков рассмотрения заявления реабилитированного на получение выплаты и конкретизации порядка оказания данной государственной услуги.

Резюмируя, хочется отметить, что на сегодняшний день есть все основания полагать, что в России возможно введение внесудебной процедуры возмещения имущественного вреда реабилитированным лицам. Введение минимального размера компенсации морального вреда позволит распространить указанный внесудебный порядок и на возмещение морального вреда. Данные новеллы полностью отвечают назначению уголовного процесса, приведут к более простому, быстрому, дешевому способу определения и выплаты компенсации, а также позволят частично решить вопрос загруженности судов бесспорными делами.

Список источников

1. Кашанин А. В., Малов Д. В. Мелкие и бесспорные дела в российских судах (краткая версия). М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 13 с.

2. Кончева В. А. Электронное приказное производство в ФРГ: перспективы правового заимствования // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2013. № 2. С. 198–206.

3. Панкова О. В. Правосудие в современной России: понятие и признаки // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2018. № 4. С. 527–546.

4. Подопригора А. А. Реабилитация в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Ростов-на-Дону, 2004. 179 с.
5. Поляков Б. А. Методика определения размера денежной компенсации морального вреда реабилитированным лицам // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 5. С. 98–101.
6. Прокудина Л. А. Соотношение понятий «деятельность суда» и «отправление правосудия» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 3. С. 43–59.
7. Татьянин Д. В. Реабилитация в уголовном процессе России: понятие, виды, основания, процессуальный порядок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Ижевск, 2005. 264 с.
8. Яшина А. А., Морозов С. В. К вопросу о соотношении понятий правосудие, судебная защита, судебная деятельность, судопроизводство // Наука. Общество. Государство. 2018. № 4 (24). С. 169–177.

References

1. Kashanin A. V., Malov D. V. Melkie i bessporny`e dela v rossiiskix sudax (kratkaya versiya). M.: Izdatel'skij dom Vy'sshej shkoly` e`konomiki, 2021. 13 s.
2. Koncheva V. A. E`lektronnoe prikaznoe proizvodstvo v FRG: perspektivy` pravovogo zaimstvovaniya // Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2013. № 2. S. 198–206.
3. Pankova O. V. Pravosudie v sovremennoj Rossii: ponyatie i priznaki // Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2018. № 4. S. 527–546.
4. Podoprigora A. A. Reabilitaciya v ugovolnom processe Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Rostov-na-Donu, 2004. 179 s.
5. Polyakov B. A. Metodika opredeleniya razmera denezhnoj kompensacii moral`nogo vreda reabilitirovanny`m liczam // Problemy` e`konomiki i yuridicheskoy praktiki. 2014. № 5. S. 98–101.
6. Prokudina L. A. Cootnoshenie ponyatij «deyatel`nost` suda» i «otpravlenie pravosudiya» // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly` e`konomiki. 2010. № 3. S. 43–59.
7. Tat`yanin D. V. Reabilitaciya v ugovolnom processe Rossii: ponyatie, vidy`, osnovaniya, processual`ny`j poryadok: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Izhevsk, 2005. 264 s.
8. Yashina A. A., Morozov S. V. K voprosu o sootnoshenii ponyatij pravosudie, sudebnaya zashhita, sudebnaya deyatel`nost`, sudoproizvodstvo // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. 2018. № 4 (24). S. 169–177.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024;
одобрена после рецензирования: 15.07.2024;
принята к публикации: 19.07.2024.

The article was submitted: 02.07.2024;
approved after reviewing: 15.07.2024;
accepted for publication: 19.07.2024.

УДК 34

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-129-133

Л. В. Бойченко

Покровский филиал Московского педагогического государственного университета,
Покров, Российская Федерация,
lv.bojchenko@mpgu.su

С. В. Пашенцева

Покровский филиал Московского педагогического государственного университета,
Покров, Российская Федерация,
sp10-73@mail.ru

ОБЗОР III ВСЕРОССИЙСКОГО ФОРУМА ИСТОРИКОВ ПРАВА «ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ, СЕМЬЯ И ОБЩЕСТВО В ФОКУСЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ»

Аннотация. В статье проанализирована содержательная сторона выступлений, прозвучавших на пленарном и секционных заседаниях III Всероссийского форума историков права «Традиционные ценности, семья и общество в фокусе историко-правовой науки». Озвучены основные идеи, касающиеся осмысления традиционных ценностей в отечественной историко-правовой науке. Подчеркивается роль традиционных ценностей в развитии современного общества. Отмечается дискуссионность вопросов, связанных со значением семьи в обществе, ролью права в укреплении семьи и решении демографической проблемы. Обращается внимание на аксиологическое содержание историко-правового знания, а также на роль историко-правовой науки в защите традиционных ценностей и сохранении исторической памяти.

Ключевые слова: традиционные ценности; историко-правовая наука; семейные ценности; историческая память; историко-правовой форум.

UDC 34

DOI: 10.24412/2076-9113-2024-456-129-133

L. V. Boychenko

Pokrovsky Branch of the Moscow Pedagogical State University,
Pokrov, Russian Federation,
lv.bojchenko@mpgu.su

S. V. Pashentseva

Pokrovsky branch of the Moscow State Pedagogical University,
Pokrov, Russian Federation,
sp10-73@mail.ru

REVIEW OF THE III ALL-RUSSIAN FORUM OF LEGAL HISTORIANS «TRADITIONAL VALUES, FAMILY AND SOCIETY IN THE FOCUS OF HISTORICAL AND LEGAL SCIENCE»

Abstract. The article analyzes the content of the speeches made at the plenary and sectional sessions of the III All-Russian Forum of Legal Historians «Traditional Values, Family and Society in Focus of Historical and Legal Science». The main ideas concerning the understanding of traditional values in Russian historical and legal science are voiced. The role of traditional values in the development of modern society is emphasized. The controversial nature of issues related to the importance of the family in society, the role of law in strengthening the family and solving the demographic problem is noted. Attention is drawn to the axiological content of historical and legal knowledge, as well as to the role of historical and legal science in protecting traditional values and preserving historical memory.

Keywords: traditional values; historical and legal science; family values; historical memory; historical and legal forum.

Приуроченный к году семьи в России III Всероссийский форум историков права «Традиционные ценности, семья и общество в фокусе историко-правовой науки» состоялся 4–5 октября 2024 года в Москве. Его организаторами выступили Общероссийская общественная организация «Ассоциация историков права» и Университет Правительства Москвы. Это не первый такой форум, два предыдущих состоялись в Санкт-Петербурге, по их итогам были изданы сборники статей участников [1; 3]. Третий форум собрал более 120 ученых, преподавателей, юристов-практиков из Москвы и Санкт-Петербурга, Архангельска, Владивостока, Иркутска, Казани, Калининграда, Нижнего Новгорода, Тамбова, Твери, Элисты и других городов России. Такое представительство свидетельствует о востребованности историко-правового знания в условиях современной глобальной нестабильности [2, с. 111], об интересе к проблематике сохранения семьи и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей.

С приветствием к участникам форума выступили: первый заместитель председателя Комитета Государственной думы по защите семьи, вопросам

отцовства, материнства и детства Т. В. Буцкая, проректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина В. Н. Синюков, ректор Российского государственного университета народного хозяйства имени В. И. Вернадского Е. А. Певцова, исполняющий обязанности ректора Тверского государственного университета С. Н. Смирнов, проректор Университета Правительства Москвы А. А. Александров. Письменные приветствия были получены от председателя Комитета Государственной думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Н. А. Останиной и председателя Комитета Государственной думы по науке и высшему образованию С. В. Кабышева.

Научная часть форума состояла из пленарного и двух секционных заседаний. На пленарном заседании, модераторами которого выступили доктор юридических наук, профессор Д. А. Пашенцев и доктор юридических наук, профессор А. А. Дорская, прозвучало более двадцати докладов, в них был раскрыт целый ряд основополагающих проблем и вопросов, непосредственно относящихся к заявленной теме мероприятия.

Обращаясь к участникам форума, Д. А. Пашенцев подчеркнул, что нельзя преувеличивать роль историко-правового знания в решении современных проблемных вопросов семьи, так как соответствующий опыт формировался в принципиально иных условиях. В то же время анализ этого опыта может помочь в поиске ответов на злободневные вопросы современности. А. А. Дорская поделилась результатами исследования международно-правового опыта, связанного с преодолением кризиса в семейных отношениях.

Вопросы, связанные с историческим опытом укрепления семьи, с ролью традиционных ценностей в семейном праве, были раскрыты в докладах М. А. Кожевиной (Омск), В. Б. Романовской (Нижний Новгород), Т. Ф. Ящук (Омск), Н. В. Михайловой (Москва), других выступающих. В контексте междисциплинарного синтеза в рамках правоведения актуально прозвучало выступление профессора Н. Е. Борисовой (Москва) о конституционном развитии правового статуса семьи.

Профессор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта С. В. Лонская посвятила свой доклад судебной традиции. По ее мнению, судебная традиция — это теоретико-правовая категория, с помощью которой определяется один из способов бытия судебной власти. Понятие судебной традиции и механизмы ее формирования как с точки зрения составных элементов, так и с точки зрения генезиса и воспроизводства — в рамках национальных правовых систем и в рамках правовых семей — нуждаются в более пристальном внимании ученых. По мнению докладчика, перспективным будет рассматривать судебную традицию с точки зрения постклассической парадигмы как коммуникативный по природе правовой феномен.

Профессор Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя Н. Ф. Медушевская посвятила свой доклад правовым мифам и той роли, которую они играют в становлении исторического правосознания. Докладчик

отметил, что историческое сознание формируется в процессе приобщения субъекта к историческому прошлому своей страны путем анализа исторических событий, связанных с сохранением исторической памяти и основанных на фактах, ментальности социума, аксиологических составляющих. Миф не раскрывает объективность реальности, но порождает смыслы, которые ее пронизывают, он глубоко проникает в духовный мир человека, превращаясь в личностное знание.

Профессор Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова А. В. Скоробогатов в докладе «Аксиосфера мемориального законодательства» на основе анализа содержания принятых в России законов о памяти сделал вывод, что мемориальное законодательство в аксиологическом контексте может рассматриваться в двух аспектах: социальные ценности, эксплицированные в мемориальном законодательстве, и мемориальное законодательство как социальная ценность.

Большой интерес вызвал доклад профессора К. П. Краковского, который предпринял попытку дать ответ на вопрос, является ли деятельность русского суда традиционной ценностью.

Первое секционное заседание конференции «Традиционные ценности и развитие общества в историко-правовой ретроспективе» было посвящено обсуждению таких вопросов, как аксиология семьи и образования в контексте историко-правового знания. Вызвали дискуссии содержательные выступления Н. С. Волковой об исторических традициях воспитания, Д. О. Ефременко о формировании системы традиционных ценностей у обучающихся, А. В. Лапаевой о соотношении права и нравственности в работах представителей школы возрожденного естественного права России.

Вторая секция «Семья и семейные ценности в фокусе историко-правовой науки» была посвящена обсуждению вопросов, непосредственно связанных с историей семейного права. Большой интерес участников привлек доклад В. Г. Левандовского, который рассказал о народных обычаях и обрядах создания семьи, получивших отражение в истории почтовых отправлений. Участникам мероприятия были продемонстрированы открытки и конверты периода Российской империи, отображающие данную тематику. В выступлении А. В. Серегина был представлен компаративистский анализ принципов семейного права древнеславянских народов. М. А. Соснина рассказала об обычно-правовом статусе зятьев-приемышей в крестьянской семье на Русском Севере.

На конференции прозвучали и другие доклады, каждый из которых вызвал вопросы участников. По итогам форума была принята резолюция, в которой отражена позиция членов Ассоциации историков права относительно необходимости активизации исследований в сфере традиционных духовных ценностей, а также истории семейного права.

Список источников

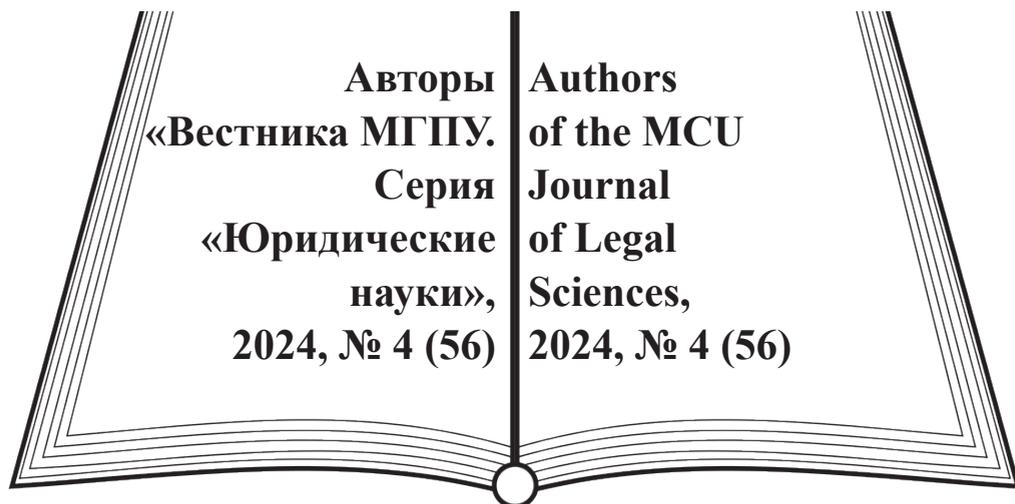
1. Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права (Санкт-Петербург, 10–11 июня 2022 г.) / под ред. А. А. Дорской и Д. А. Пашенцева. Саратов: Саратовский источник, 2022. 393 с.
2. Михайлова Н. В. Обзор Всероссийской научной конференции «Историческое и историко-правовое знание как основа конструирования новой социально-политической реальности» // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2024. № 1 (53). С. 110–116.
3. Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права (Санкт-Петербург, 11 июня 2022 г.) / под ред. Д. А. Пашенцева и А. А. Дорской. Саратов: Саратовский источник, 2022. 171 с.

References

1. Istoriko-pravovaya nauka v usloviyax sovremenny`x social`ny`x transformacii: sbornik nauchny`x statej po itogam Vserossiiskogo foruma istorikov prava (Sankt-Peterburg, 10–11 iyunya 2022 g.) / pod red. A. A. Dorskoj i D. A. Pashenceva. Saratov: Saratovskij istochnik, 2022. 393 s.
2. Mixajlova N. V. Obzor Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Istoricheskoe i istoriko-pravovoe znanie kak osnova konstruirovaniya novej social`no-politicheskoj real`nosti» // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2024. № 1 (53). S. 110–116.
3. Filosofiya prava v usloviyax global`ny`x social`ny`x transformacii: sbornik nauchny`x statej po itogam Vserossiiskogo foruma istorikov prava (Sankt-Peterburg, 11 iyunya 2022 g.) / pod red. D. A. Pashenceva i A. A. Dorskoj. Saratov: Saratovskij istochnik, 2022. 171 s.

Статья поступила в редакцию: 02.07.2024;
 одобрена после рецензирования: 15.07.2024;
 принята к публикации: 19.07.2024.

The article was submitted: 02.07.2024;
 approved after reviewing: 15.07.2024;
 accepted for publication: 19.07.2024.

Авторы **Authors**
«Вестника МГПУ. **of the MCU**
Серия **Journal**
«Юридические **of Legal**
науки», **Sciences,**
2024, № 4 (56) **2024, № 4 (56)**

Аббуд Рауль Ратебович — аспирант Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Abbud Raul Ratebovich — Postgraduate Student of the Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: abbud.raul@yandex.ru

Абрамов Руслан Агарунович — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Abramov Ruslan Agarunovich — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: abramovra@mgpu.ru

Бойченко Людмила Васильевна — кандидат филологических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации, директор Покровского филиала Московского педагогического государственного университета.

Boychenko Lyudmila Vasilievna — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Director of the Pokrovsky Branch of the Moscow Pedagogical State University.

E-mail: lv.boychenko@mpgu.su

Буглимова Ольга Владимировна — старший преподаватель департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Buglimova Olga Vladimirovna — Senior Lecturer at the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow City University.

E-mail: bugrimovaov@mgpu.ru

Величкин Георгий Викторович — аспирант Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Velichkin Georgy Viktorovich — Postgraduate Student of the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow City University.

E-mail: velichkingv@mgpu.ru

Галкин Никита Антонович — аспирант Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Galkin Nikita Antonovich — Postgraduate Student of the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow City University.

E-mail: galkinna@mgpu.ru

Гусарова Марина Александровна — доктор философских наук, профессор Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия.

Gusarova Marina Aleksandrovna — Doctor of Philosophy, Professor of the North Caucasian Branch of the Russian State University of Justice.

E-mail: gusarovathebest@mail.ru

Никитина Елена Евгеньевна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Nikitina Elena Evgenievna — Candidate of Law, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: const@izak.ru

Пашенцева Светлана Васильевна — кандидат исторических наук, доцент Покровского филиала Московского педагогического государственного университета.

Pashentseva Svetlana Vasilievna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Pokrovsky Branch of the Moscow Pedagogical State University.

E-mail: sp10-70@mail.ru

Помазанский Андрей Евгеньевич — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Pomazanskiy Andrey Evgenievich — Candidate of Law, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: const@izak.ru

Степанов Михаил Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Stepanov Mikhail Mikhailovich — Candidate of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: stepanovtao@mail.ru

Сурилов Меир Нисонович — кандидат экономических наук, доцент департамента экономики и управления Московского городского педагогического университета, заведующий лабораторией образовательного права Московского городского педагогического университета.

Surilov Meir Nisonovich — Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Management of the Moscow City University, Head of the Laboratory of Education Law of the Moscow City University.

E-mail: surilovmn@mgpu.ru

Ткачев Артем Вадимович — аспирант Российского нового университета.

Tkachev Artem Vadimovich — Postgraduate Student of the Russian New University.

E-mail: artyom.tkachyov@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия „Юридические науки“», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными редакционным советом университета:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- классификационные индексы Универсальной десятичной классификации — УДК (выравнивание по левому краю);
 - инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
 - сведения об авторе (выравнивание по левому краю);
 - заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
 - аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
 - ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).
- благодарности (при необходимости) организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском языке и транслитерированным, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Тропольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.

9. В начале статьи (после аннотации на русском языке) приводятся на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: pashencevda@mgpu.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия „Юридические науки“», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
...a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Используются формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2024, № 4 (56)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

М. С. Голяндина

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

А. В. Бармин, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 20.12.2024 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 8,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.